

**А
Ф
И**

Академия Фундаментальных Исследований

ИСТОРИЯ

Карл-Людовик-Наполеон Бонапарт (Наполеон III)

Его жизнь и сочинения

**Составлено
по английским,
жневским,
брюссельским
и французским
источникам
XIX века**

URSS

**Карл-Людовик-Наполеон
БОНАПАРТ
(Наполеон III)**

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ

**Составлено
по английским, женевским,
брюссельским и французским
источникам XIX века**

Издание второе

URSS

МОСКВА

Карл-Людовик-Наполеон Бонапарт (Наполеон III): Его жизнь и сочинения. Составлено по английским, женеvским, брюссельским и французским источникам XIX века. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 336 с. (Академия фундаментальных исследований: история.)

Предлагаемая вниманию читателей книга рассказывает о жизни и деятельности последнего французского монарха, племянника великого Наполеона I — Карла-Людовика-Наполеона Бонапарта (1808–1873), более известного как Наполеон III. В книге представлен краткий биографический очерк и подробно описан путь к власти Наполеона III, рассматривается его правление в качестве президента Французской республики в 1848–1852 гг. и императора Второй империи в 1852–1870 гг. Большое внимание уделено анализу политических сочинений Людовика Бонапарта. В конце книги содержится извлечение из брошюры А. де ла Героньера, также посвященной Наполеону III.

Книга рекомендуется специалистам-историкам, студентам исторических вузов и всем интересующимся жизнью и политической деятельностью последнего императора Франции.

I

БЮГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

Карль-Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ (впослѣдствіи Наполеонъ III) былъ третьимъ сыномъ экс-королевы голландской, Гортензіи, жены Лудовика Бонапарта, брата императора Наполеона I.

Бракъ Лудовика съ Гортензіей, не смотря на ихъ обоюдное перасположеніе и даже отвращеніе другъ къ другу, совершился по настоянію Наполеона I и по желанію его жены Жозефины Богарне. Такъ какъ въ то время Лудовикъ Бонапартъ не занималъ еще никакого высокаго поста, и только четыре года позже получилъ назначеніе занять тронъ Голландіи, то нельзя предполагать, чтобы союзъ Лудовика съ Гортензіей имѣлъ какую либо политическую цѣль; скорѣе слѣдуетъ допустить, что тому была другая причина, тайная, и которую первый консуль не желалъ предавать гласности. Мы ниже увидимъ, что послѣднее предположеніе не совсѣмъ безосновательно.

Самъ Лудовикъ Бонапартъ описываетъ свою женитьбу, въ своихъ мемуарахъ, слѣдующимъ образомъ:

«Въ назначенный день, 4 января 1802 г., былъ подписанъ гражданскій контрактъ и совершёнъ церковный обрядъ, Лудовикъ женатъ.... никогда еще супругамъ не приходилось испытывать такого живаго предчувствія всѣхъ тѣхъ отвратительныхъ послѣдствій, какія должны были произойти отъ столь насильственнаго брака.

«Съ того времени начинаются всѣ физическiя и нравственныя страданiя Лудовика, ему тогда было двадцать два года, и въ немъ сохранялась еще дѣтская наивность и искренность. Но несчастная женитьба измѣнила его характеръ и постепенно подрывала здоровье, хотя онъ и не скоро это замѣтилъ. Онъ навсегда лишился покоя.

«Нѣтъ болѣе дѣйствительнаго и болѣе жгучаго горя, какъ семейное несчастiе, потому что оно порождаетъ прямо въ сердце. Несчастiе испытанное Лудовикомъ наложило на его умъ и на всю его жизнь печать глубокой грусти, безпадежности и такъ сказать сухости, отъ которыхъ ничто не могло и не можетъ его изцѣлить.»

Что касается Гортензiи Богарне, то и она точно также не питала ни малѣйшей склонности къ своему мужу. Камердинеръ императора, Констансъ, въ своихъ мемуарахъ, описываетъ этотъ бракъ слѣдующимъ образомъ:

«Женихъ и невѣста были очень печальны; она горько плакала во все время, пока продолжалась церемонiя, но и послѣ слезы ея не осушались. Она ни разу не взглянула на мужа, и онъ съ своей стороны былъ слишкомъ озлобленъ и гордъ, чтобы оказывать ей вниманiе. Добрая Жозефина дѣлала все, что только отъ нея зависило, чтобы сблизить супруговъ, она сознавала, что это супружество было дѣломъ рукъ ея и ей хотѣлось соединить свой личный интересъ, или по крайней мѣрѣ, то,

что она считала таковымъ, съ счастьемъ своей дочери; но всѣ ея усилія и просьбы оставались безплодными. Мнѣ не разъ случалось видѣть какъ жена Лудовика Бонапарта искала уединенія въ своихъ покояхъ, гдѣ на груди одной изъ своихъ подругъ проливала горячія слезы, отъ которыхъ она иногда даже не могла удерживаться и въ гостиной перваго консула. На молодую женщину всѣ смотрѣли съ состраданіемъ; до замужества она въ этихъ собраніяхъ блистала граціей и любезностью, а теперь постоянно удалялась въ уголъ или амбразуру окна и тамъ повѣряла кому нибудь изъ пріятельницъ всѣ свои печали; мужъ же ея, во все время бесѣды, изъ которой она выходила съ красными и влажными глазами, всегда оставался на другомъ концѣ гостиной, задумчивый и безмолвный.»

Королева Гортензія, говоря о своемъ мужѣ, отзывалась о немъ такъ: «Онъ честный человѣкъ, и если наши характеры не сошлись, то это вслѣдствіе нашихъ недостатковъ, которые никакъ не могли ужиться вмѣстѣ. Я была слишкомъ горда; въ молодости меня баловали и я о себѣ много думала. Можно ли же было съ подобными наклонностями жить съ человѣкомъ подозрительнымъ и недовѣрчивымъ.»

Этими нѣсколькими словами объясняется антипатія и тотъ разладъ, который постоянно царствовалъ между супругами. Слѣдуетъ еще прибавить, что Гортензія имѣла характеръ упорный, часто непреклонный, такъ что даже братъ ея Евгеній иногда называлъ ее *кроткая упряmica*.

Наполеонъ I говорилъ о ней на островѣ св. Елены: «Добрая, великодушная и преданная Гортензія не со всѣмъ права передъ своимъ мужемъ... Какъ бы Лудовикъ

не былъ страненъ и несносенъ, но онъ ее любилъ, а въ подобномъ случаѣ и при такихъ интересахъ, каждая женщина должна себя преодолѣть и имѣть на столько ловкости, чтобы въ свою очередь *умѣть полюбить*.

«Если бы она принудила себя, то избѣжала бы огорченія, причиненнаго ей послѣднимъ процессомъ (*); она вела бы жизнь болѣе счастливую, послѣдовала бы за мужемъ въ Голландію и оставалась бы при немъ. Лудовикъ не бѣжалъ бы изъ Амстердама, а я не былъ бы вынужденъ присоединить его королевство къ Франціи, что способствовало моей гибели въ Европѣ, и многое другое совершилось бы совсѣмъ иначе.»

Но мы уже видѣли, что Лудовикъ и Гортензія цитали полнѣйшую антипатію другъ къ другу, и слѣдовательно мнимая любовь короля голландскаго къ своей жепѣ—не болѣе какъ выдумка императора; братъ его былъ страстно влюбленъ въ одну молодую дѣвушку и хотѣлъ на ней жениться, но Наполеонъ воспрепятствовалъ тому, и бѣдный Лудовикъ былъ слишкомъ слабохарактеренъ, чтобы устоять передъ волей императора: онъ припалъ силою навязанный ему бракъ.

Гортензія Богарне въ свою очередь готовилась выдти за Дюрока, коменданта Тюйлери, но этотъ послѣдній по возвращеніи своемъ изъ посольства въ Россію на отрѣзъ отказался отъ ея руки и даже въ непреличныхъ выраженіяхъ: онъ до того забылся, что сказалъ женѣ перваго консула, что не расположенъ играть роль *«мольеровскаго мужа, Жоржа Дандена.»*

(*) Королева Гортензія отказала мужу своему въ уступкѣ ему втораго своего сына, а мужъ въ скандальномъ процессѣ обвинилъ ее въ этомъ передъ судомъ.

Дюрокъ повѣрилъ злословію, распространенному на счетъ Гортензіи, которую обвиняли въ томъ, что будто бы она раздѣляла нѣжную страсть, питаемую къ ней первымъ консуломъ. Ходили даже слухи, что когда Гортензія вышла за Лудовика, она была уже беременна отъ Наполеона. И такъ какъ злословіе никогда не останавливается, а быстро растетъ, то къ этому прибавляли, что Жозефина Богарне, которой въ то время было уже около сорока лѣтъ, видя какъ съ каждымъ днемъ ея прелести теряли очарованіе въ глазахъ ея мужа, бывшаго моложе ея, и боясь быть оставленной для посторонней соперницы, съ цѣлью упрочить свое вліяніе на Наполеона, сама толкнула въ его объятія Гортензію, и чтобы скрыть послѣдствія этой связи, предназначенной подарить наслѣдника Наполеону; въ которомъ ему отказывало безплодіе Жозефины, было рѣшено выдать Гортензію за Лудовика. На сколько вѣрны эти слухи, мы не беремся рѣшать, но вѣрно то, что они имѣли самое горькое вліяніе на жизнь Лудовика Бонапарта и Гортензіи Богарне: первый, считая себя жертвою взаимной страсти брата и своей жены и честолюбивыхъ расчетовъ тещи, смотрѣлъ на свой бракъ какъ на безчестіе; Гортензія же видѣла оскорбленіе въ явной холодности и презрѣніи къ ней мужа; такое ложное положеніе дѣлало бракъ ихъ вполнѣ несчастнымъ.

10 сентября 1802 г., т. е. менѣе чѣмъ черезъ девять мѣсяцевъ послѣ свадьбы, Гортензія родила сына, Наполеона-Лудовика-Карла; явленіе на свѣтъ этого ребенка было радостнымъ событіемъ для всего императорскаго семейства, исключая Лудовика Бонапарта, который продолжалъ сохранять свое обычное грустное и мрачное настроеніе. Рожденіемъ мальчика болѣе всѣхъ былъ до-

волею Наполеонъ, онъ сосредоточивалъ на немъ самыя большія надежды, указывалъ на него какъ на своего наследника, и два года позже, сенатусъ-консультомъ 18 мая 1804 г. призналъ его своимъ пріемникомъ императорской власти. Ребенокъ очень походилъ на Наполеона и этотъ послѣдній всегда говорилъ о немъ: «Я узнаю себя въ этомъ ребенкѣ... онъ будетъ моимъ достойнымъ преемникомъ!.. даже можетъ быть превзойдетъ меня.»

Понятно, что такая любовь Наполеона къ сыну Гортензіи еще болѣе способствовала къ подтвержденію тѣхъ слуховъ, о которыхъ мы говорили выше.

Скульптору Картелю было поручено сдѣлать бюстъ молодаго принца въ натуральную величину; внимательно всматриваясь въ этотъ бюстъ, каждый былъ пораженъ сходствомъ всѣхъ чертъ лица ребенка съ лицомъ императора. Но вскорѣ надежды Наполеона рушились, маленькій принцъ умеръ отъ крупа 5 мая 1807 г. Никогда еще Наполеонъ не предавался такой глубокой горести; никогда еще императрица Жозефина и ея дочь Гортензія не были такъ неутѣшны, какъ при смерти этого ребенка; она явилась какъ бы предвѣстницей будущаго паденія императорскаго величія, достигшаго въ то время своего апогея.

Жозефина сознавала все значеніе этой потери для нея самой; она понимала, что талисманъ, связывающій ея судьбу съ судьбою Наполеона, исчезъ вмѣстѣ съ ея внукомъ и всѣ сомнѣнія и тревоги о будущемъ вновь воскресли; она предчувствовала, что Наполеонъ захочетъ имѣть наследника, и разводъ, о которомъ она хотя еще и ничего не слыхала, представлялся ей въ будущемъ неизбѣжнымъ.

Констансъ, камердинеръ императора, говоритъ въ своихъ мемуарахъ: «Эта преждевременная смерть была

для императрицы неутѣшнымъ горемъ ; она три дня не выходила изъ своихъ покоевъ , проливая горькія слезы , никого не принимала и почти ничего не ѣла.»

Горестъ королевы голландской была еще сильнѣе , никто не могъ развлечь ея глубокаго отчаянія .

Послѣ этаго событія у Наполеона въ первый разъ явилась мысль о разводѣ съ императрицей Жозефиной , чтобы въ новомъ союзѣ найти себѣ прямаго наслѣдника .

Вторый сынъ королевы Гортензіи , Наполеонъ-Лудовикъ Бонапартъ , родился 11 октября 1804 г. ; когда старшій братъ его умеръ , ему было всего три года ; но онъ далеко не пользовался такой привязанностью своего дяди , какъ старшій его братъ , хотя и его рожденіе приписывали также Наполеону I . Три года позже законный отецъ его Лудовикъ Бонапартъ отрекся въ пользу его отъ престола Голландіи и уѣхалъ въ Сирію , подъ именемъ графа Сенъ-Лѣ , и тамъ отдался всецѣло изученію литературы , живя согласно своей склонности въ совершенномъ уединеніи , въ дали отъ шума и въ особенности отъ жены . Нѣсколько позже онъ переѣхалъ въ Римъ , а потомъ во Флоренцію , гдѣ и умеръ 25 іюля 1846 г . Во время своего пребыванія во Флоренціи онъ узналъ о смерти втораго сына Наполеона-Лудовика , умершаго на рукахъ меньшаго своего брата , Карла-Лудовика-Наполеона , отъ кори , въ 1831 г. въ Форли , во время романскаго возмущенія . Оба брата принимали участіе въ этомъ возстаніи противъ папы .

Такъ какъ королева Гортензія постоянно жила вдали отъ мужа , и всѣмъ было извѣстно , что супруги не имѣли между собой никакихъ сношеній , а также , что за годъ до рожденія своего третьяго сына (нашего героя) , королева питала самыя нѣжныя чувства къ голландскому

адмиралу Вегуэллю, съ которымъ жила въ тѣсной интимности, то рожденіе Карла-Лудовика-Наполеона прямо припивывали связи Гортензіи съ адмираломъ. Природа же точно хотѣла подтвердить это злословіе: маленькій Карлъ-Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ былъ весьма похожъ на Вегуэлля лицомъ, походкой и флегматичностью.

Король голландскій, который въ 1814 году требовалъ отъ жены судомъ своего втораго сына и, получивъ отъ нея отказъ, имѣлъ съ ней самый скандальный процессъ, всегда оказывалъ полнѣйшее равнодушіе къ третьему сыну Гортензіи и смотрѣлъ на него какъ на навязаннаго ему; такъ точно смотрѣли на Карла-Лудовика-Наполеона, до самаго его назначенія въ президенты республики, 10 декабря 1848 г., и всѣ другіе члены семейства Бонапартовъ. Его удачи впослѣдствіи измѣнили значительно ихъ мнѣніе, многіе даже совершенно оставили свое предубѣжденіе противъ него. Въ 1848 году принцъ Наполеонъ, сынъ Іеромипа Бонапарта, сказалъ ему разъ: «Вы знаете, что наша кровь не течетъ въ вашихъ жилахъ.» 2 декабря этого же года, когда счастье казалось измѣнило президенту республики, принцъ Наполеонъ повторялъ всѣмъ, кому только могъ, что Лудовикъ Бонапартъ не былъ его кузеномъ, что онъ совершенно чужой ихъ семейству и что онъ голландецъ.

Когда вдова Люціана Бонапарта, удалившаяся въ Италію, писала письма къ сыну своему Шьеру Бонапарту, она никогда не называла Лудовика-Наполеона иначе, какъ самозванцемъ (*faux nom*), такъ его называли постоянно и въ семействѣ Бонапартовъ, во избѣжаніе другаго слова, болѣе рѣзкаго. При этомъ слѣдуетъ замѣ-

тить, что въ его лицѣ нѣтъ ни одной черты общей съ типомъ Бонапартовъ, которые всѣ болѣе или менѣе походятъ на Наполеона I. Луи Бланъ говоритъ, что при свиданіи своемъ съ Лудовикомъ-Наполеономъ въ Фортѣ Гама, въ 1840 г., онъ былъ пораженъ этимъ несходствомъ.

«Я прежде никогда его не видалъ, говоритъ Луи Бланъ, и въ то время не зналъ еще ни одного члена изъ семейства Бонапарта и поэтому не могъ судить, насколько онъ непохожъ на нихъ чертами своего лица; но все же отъ меня не ускользнуло, что въ немъ не было ничего изъ наполеоновскаго типа, акцентъ его былъ иностранный и онъ выражался съ большимъ трудомъ.»

Лудовикъ-Наполеонъ средняго роста, съ короткими ногами, несмѣлой поступью, держится цѣловко, смѣшно, какъ человѣкъ не совсѣмъ проснувшійся, глаза его свѣтло-голубаго цвѣта, малы и тусклы, они закрыты тяжелыми вѣками, изъ подъ которыхъ выходитъ потухшій бѣгающій взглядъ, не переносящій дневнаго свѣта; скулы у него выдавшіяся, щеки впалыя, цвѣтъ лица блѣдно-мертвенный, лобъ узкій и морщинистый, брови дурно обрисованныя, каштановые волосы зачесаны на виски и на лбу завитой хохолокъ; носъ длинный, толстый и крючковатый, на подобіе паугаева клюва; густые закрученные усы закрываютъ тонкія губы; улыбка безжизненная, разговоръ медленный и затрудненный, акцентъ слегка иностранный и вся вообще фигура очень непрятная на видъ. Кинглекъ въ своей исторіи о крымской войнѣ говоритъ о немъ, что «онъ походитъ на ткача, утомленнаго продолжительной, монотонной работою, привыкшаго сидѣть согнувшись и держать глаза опущенными.» Таковъ портретъ наружности этого «Новаго Цезаря,» который ни мало не похожъ на пер-

ваго ; тотъ , по описанію Светонія , былъ высокаго роста , стройный , съ черными живыми глазами и тонкой бѣлой кожей .

Что же касается нравственнаго портрета Лудовика-Наполеона , то мы намѣрены познакомить съ нимъ нѣсколько позже , посредствомъ изученія его дѣйствій . Мы нашли необходимымъ вдаться во всѣ эти подробности о происхожденіи нашего героя , чтобы найти въ нихъ причины нѣкоторыхъ сторонъ его темперамента и характера , которыя объясняются смѣшеніемъ горячей крови матери , бывшей дочерью креолки , съ холодной кровью его побочнаго отца , принадлежавшаго къ голландской расѣ , терпѣливой и настойчивой , какъ и всѣ жители сѣвера Европы .

Когда Лудовику-Наполеону было восемь лѣтъ , мать его , вмѣстѣ съ нимъ и съ его старшимъ братомъ , вынуждена была покинуть Францію . Одинъ изъ біографовъ Лудовика-Наполеона рассказываетъ про него , что онъ въ то время никакъ не соглашался покинуть родину и горько плакалъ , говоря : «Я хочу остаться во Франціи , я не хочу уѣзжать отсюда.» Королева Гортензія съ трудомъ могла утѣшить его , обѣщая ему скорое возвращеніе . Понятно , что маленькій принцъ унесъ неизгладимое впечатлѣніе о великолѣпнн , окружавшемъ его въ дѣтствѣ , и въ особенности о роковомъ днѣ прощанія императора Наполеона I .»

Мы не беремся судить , какъ глубоко было въ душѣ Лудовика-Наполеона впечатлѣніе изгнанія , но во всякомъ случаѣ впечатлѣніе это не развило въ немъ великодущія , потому что тридцать шесть лѣтъ позже , у изгнанника 1815 г. , рука не дрогнула оторвать отъ родныхъ семей и очаговъ 40.000 республиканцевъ , кото-

рые отмѣнили законъ , изгнавшій его изъ Франціи, и возвратили ему отечество , почести , богатство и поставили въ главѣ республики. Одного этого факта изъ его политической жизни уже достачно , чтобы судить о немъ.

Королева Гортензія съ своими дѣтьми удалилась сначала въ небольшое помѣстье , принадлежавшее ей въ Преньи , въ женевскомъ кантонѣ ; но графъ Таллейранъ , французскій посолъ въ Швейцаріи , отдалъ немедленно приказъ гельветическому правительству , передавшему приказъ этотъ городу Женевѣ , изгнать ее оттуда. Швейцарское правительство выполняло въ то время съ точно такою же услужливостью королевскіе декреты касательно изгнанія семейства Бонапарта , съ какою съ 1851 по 1864 выполняло приказы Наполеона III объ изгнаніи французскихъ республиканцевъ. Королева Гортензія и ея малолѣтнія дѣти вынуждены были уѣхать изъ Преньи и искать себѣ столь же непрочнаго убѣжища въ Э , въ Савой. Несчастливая экс-королева говорила тогда : « мнѣ остается лишь одно — броситься въ озеро , такъ какъ надо же мнѣ куда нибудь дѣваться. » Увы ! сколько бѣдныхъ изгнанниковъ , со 2 декабря 1851 г. , повторяли тѣ же самыя слова , не находя себѣ убѣжища отъ бонапартистскихъ преслѣдованій.

Едва изгнанница прибыла въ Э , какъ мужъ ея , въ силу рѣшенія суда , потребовалъ отъ нея своего старшаго сына , и она увидѣла себя вынужденной разстаться съ однимъ изъ своихъ дѣтей. Городъ Э далъ лишь временное убѣжище Гортензіи ; она подвергалась здѣсь постояннымъ преслѣдованіямъ со стороны французской полиціи и придирамъ сардинской. Кромѣ этихъ неприятностей , городъ Э , еще два года ранѣе , оставилъ

весьма печальное воспоминаніе въ памяти дочери Жозефины Богарне; въ 1813 году она потеряла здѣсь лучшаго своего друга Адель Огіе, которая, переходя потокъ, оступилась съ бревна и упала въ пропасть. Все это вмѣстѣ вынудило Гортензію покинуть Савою и, 28 ноября 1815 г. она съ меньшимъ сыномъ, его гувернеромъ, аббатомъ Бертраномъ, шталмейстеромъ и чтицей, дѣвицей Кошеле, уѣхала изъ Э. Первую ночь Гортензія имѣла намѣреніе провести въ Преньи, возлѣ Женевы, но тамъ ее окружили жандармы кантона и требовали, чтобы она немедленно удалилась.

Надо полагать, что женевская полиція въ то время была снисходительнѣе, чѣмъ послѣ 2 декабря 1851 г. когда радикальное правительство Джемса Фази обыкновенно поступало съ возвращавшимися изгнанниками слѣдующимъ образомъ: каждый разъ, какъ какой нибудь несчастный политическій бѣглець, изгнанный изъ кантона по произволу администраціи и безъ всякой законной причины, возвращался опять въ кантонъ, его грубо арестовывали, надѣвали кандалы и подвергали одиночному заключенію; съ него снимали его одежду, надѣвали арестантское платье, подчиняли строгому тюремному порядку, заставляя при этомъ испытывать всякаго рода оскорбленія. Спустя двѣ или три недѣли послѣ этой предварительной мѣры, жандармы отводили виновнаго въ цѣпяхъ и вмѣстѣ съ уголовными арестантами къ мировому судѣ, который произносилъ надъ нимъ приговоръ за нарушеніе воспрещенія пребыванія въ странѣ и присуждалъ къ тюрьмѣ и денежному штрафу, а по истеченіи срока наказанія, виновнаго выводили съ цѣпью на шеѣ и на рукахъ на границу и вновь изгоняли. Таковы были дѣйствія главы женевского

радикализма по отношенію къ республиканцамъ , преслѣдуемымъ остракизмомъ Лудовика-Наполеона , и это продолжалось даже и послѣ амнистіи 1857 г. когда изгнанникамъ выдавались билеты на проживаніе въ избранныхъ ими мѣстностяхъ. Очень можетъ быть , что еслибы Гортензія не была принцессой , она вытерпѣла бы точно такія же мытарства и оскорбленія.

Изъ Женевы экс-королева со своей свитой отправилась въ Моратъ , въ Фрибургскомъ кантонѣ , но тамъ жандармерія продержала ее два дня подъ арестомъ , пока кантонскія власти не отдали ей приказанія продолжать свой путь далѣе. Пріѣхавъ въ Констанць , Лудовикъ-Наполеонъ и мать его подверглись новымъ преслѣдованіямъ : сначала имъ велѣно было немедленно выѣхать изъ города , и только благодаря заступничеству одной герцогини , имъ дозволено было остаться на время. Въ 1817 г. Гортензія и сынъ ея принуждены были уѣхать изъ Констанца и поселиться въ Аренембергѣ , въ кантонѣ Тургау , а потомъ въ Аугсбургѣ , въ Баваріи , гдѣ Лудовикъ-Наполеонъ началъ ходить въ гимназію. Въ 1829 г. воспитаніе принца было окончено и мать его уже болѣе ничто здѣсь не удерживало ; она просила правительство , и получила разрѣшеніе провести зиму въ Римѣ , но на лѣтнее время Гортензія съ сыномъ постоянно возвращались въ замокъ Аренембергъ , который былъ купленъ экс-королевой.

Человѣкъ , испытавшій подобное преслѣдованіе , изгоняемый королевскимъ правительствомъ Лудовика XVIII изъ одного убѣжища въ другое , тридцать три года не видавшій родины и обязанный прекращеніемъ своего гоненія великодушію республиканцевъ , отворившихъ ему двери Франціи , человѣкъ этотъ , нашедшій возможность ,

посредствомъ презрѣнія собственныхъ торжественныхъ обѣщаній, овладѣть властью, — былъ жестокъ и неумолимъ къ этимъ же самымъ республиканцамъ. Онъ отдалъ повелѣніе изгонять и уничтожать ихъ массами, прибѣгнувъ для этого къ самымъ страшнымъ мѣрамъ. Никогда еще исторія не видѣла примѣра подобной неблагодарности, прямо налагающей клеймо на того, кто ее выказалъ.

Но вернемся къ ходу событій. Правительство Тургау дозволило Лудовику-Наполеону сдѣлаться швейцарскимъ гражданиномъ; милость эту онъ поспѣшилъ принять съ благодарностью, которую выразилъ въ письмѣ своемъ къ ландманну: «Положеніе мое, какъ изгнанника, говоритъ онъ, дѣлаетъ меня особенно чувствительнымъ къ подобному участию съ вашей стороны. Вѣрьте мнѣ, что во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, я какъ французъ и Бонапартъ буду гордиться именемъ гражданина свободнаго государства.»

Сдѣлавшись швейцарскимъ гражданиномъ, Лудовикъ-Наполеонъ пользовался и всѣми правами, связанными съ этимъ званіемъ; но въ то же самое время онъ потерялъ свои права французскаго гражданина, такъ какъ французскій законъ говоритъ: «права француза на гражданство теряются, какъ скоро онъ принимаетъ гражданство или поступаетъ на службу въ чужомъ государствѣ.» Въ качествѣ швейцарскаго гражданина, Лудовикъ-Наполеонъ служилъ въ милиціи тургаускаго кантона и находился въ лагерѣ Туна, въ бернскомъ кантонѣ, гдѣ въ 1834 г. его сдѣлали капитаномъ артиллеріи. «Я горжусь, сказалъ онъ Тавелю, вице-президенту бернскаго кантона, принося ему благодарность за таковое отличіе, — я горжусь, что нахожусь между защитниками государства, въ

которомъ воля народа признается какъ основа конституціи, и гдѣ каждый гражданинъ готовъ принести себя въ жертву за свободу и независимость своей страны.»

Впослѣдствіи, когда Лудовикъ-Наполеонъ устроилъ себя во Франціи, онъ тщательно старался скрывать какъ свое иностранное происхожденіе, такъ и швейцарскую натурализацию; онъ очень опасался, чтобы въ 1848 г. не поставили ему ее препятствіемъ въ выборахъ и въ возведеніи его въ президенты республики, такъ какъ этого было бы уже достаточно для недопущенія его къ подобному назначенію; разъ сдѣлавшись иностраннымъ подданнымъ и служивъ иностранному правительству, онъ, въ глазахъ закона, пересталъ быть французомъ. Всѣ услужливые біографы Лудовика-Наполеона старались скрыть подробности его жизни за границей, а напротивъ не переставали представлять его весьма преданнымъ своей родинѣ и постоянно о ней вздыхавшемъ, тогда какъ въ дѣйствительности, въ качествѣ швейцарскаго гражданина, онъ отъ нея добровольно отказался и принесъ присягу конфедераціи подъ федеральнымъ знаменемъ. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ фактѣ единственно для того, чтобы указать, по какому поводу Лудовикъ-Наполеонъ отрекся отъ своего отечества.

Когда разразилась іюльская революція, Лудовикъ-Наполеонъ находился въ тунскомъ лагерѣ; при первыхъ извѣстіяхъ объ успѣхѣхъ возстанія, онъ возымѣлъ нѣкоторую надежду на возстановленіе династіи Бонапартовъ, но послѣдующія событія вскорѣ доказали ему, что у французскаго народа совершенно изгладилось всякое воспоминаніе о славѣ имперіи, которая въ то время покоилась въ могилѣ императора, на островѣ св. Елены. Никогда еще никакая династія не имѣла такъ мало шансовъ

на возстановленіе, какъ въ 1830 г., династія Наполеона I; въ то время никому и въ голову не приходила мысль реставрировать ее, и только въ 1848 г., вслѣдствіе пагубныхъ событій, вслѣдствіе неспособности большинства лицъ, которымъ ввѣрена была судьба республики, вслѣдствіе заговора и союза всѣхъ роялистскихъ партій, императорская реставрація сдѣлалась возможною. Фелленсъ, самый пристрастный біографъ-панегиристъ Людовика-Наполеона, говоритъ о немъ по поводу іюльской революціи, что въ 1830 г. взоры его были обращены къ Италіи, гдѣ революція имѣла свой отголосокъ.

Лудовикъ-Наполеонъ и старшій братъ его, вмѣстѣ съ многими италіанскими патріотами, принадлежали къ обществу извѣстному подъ именемъ Карбонари, и когда началось возстаніе въ Романьи, оба принца обязаны были, согласно принесенной ими присяги, принять участіе въ этомъ возстаніи.

4 и 5 февраля 1831 г., революціонное движеніе въ Италіи разразилось въ городахъ Пармѣ, Моденѣ, Болоньи, Реджіо, Феррарѣ, Равеннѣ, Перузѣ, Сполетто, Каме-рино и Орвіето; поднявъ трехцвѣтное знамя, заговорщики изгнали войска, низложили папскихъ чиновниковъ и провозгласили временное правительство въ Болоньи. Генераль Арманди, прежній воспитатель старшаго изъ принцевъ Бонапартовъ, былъ назначенъ военнымъ министромъ. Оба сына Гортензіи организовали отряды волонтеровъ, ставъ въ главѣ которыхъ они пошли на Римъ, подъ предводительствомъ Серконьяни; папскіе солдаты были разбиты въ Мачератѣ, Терни, Сполетто и близъ Чивита-Веккіи. Въ ватиканѣ царствовалъ ужасъ; Григорій XVI, бывъ слишкомъ слабъ, чтобы противиться побѣдоносному вторженію, не имѣлъ другаго средства

къ защитѣ, какъ призвать на помощь австрійцевъ; эти послѣдніе, расположенные по берегу По, 25 февраля двинулись съ своихъ позицій и пошли на инсургентовъ. Временное болопское правительство при извѣстии о такомъ невыгодномъ для него вмѣшательствѣ, послало немедленно всѣ свои силы, имѣвшіяся подъ руками, въ Болонью, дабы сосредоточить здѣсь всю защиту и противопоставить австрійской арміи сильное сопротивление. Но оба принцы Бонапарты, которымъ передано было это приказаніе, отказались повиноваться ему и хотѣли продолжать наступательное движеніе на Римъ, вопреки распоряженіямъ генерала Серконьяни. Это ослушаніе открыло глаза революціонному правительству и итальянскимъ патріотамъ; они поняли, что оба молодые принцы сражались не изъ любви къ Италіи и не для ея освобожденія, а изъ личныхъ интересовъ, чтобы овладѣть римскимъ престоломъ, королемъ котораго рожденъ былъ кузенъ ихъ, Наполеонъ II, впоследствии герцогъ Рейхштадскій. Къ принцамъ посланъ былъ генералъ Арманди для отнятія у нихъ, за неповиновеніе, начальства надъ волонтерами, и такъ какъ приказъ не допускалъ возраженій, то имъ пришлось подчиниться. Оба брата оставили свои колонны и уѣхали въ Анкону, а оттуда въ Болонью, но временное правительство не довѣряло имъ болѣе, и такъ какъ они могли для него быть лишь предметомъ затрудненія или неприяностей, то оно приказало имъ вернуться въ Анкону и они выпуждены были покориться. На другой день по отъѣздѣ своемъ, старшій изъ братьевъ занемогъ корью въ Фаэнцѣ. Австрійцы же воспользовались беспорядками и несогласіями въ лагерѣ инсургентовъ, пошли на Парму, Реджіо, Модену и Феррару и взяли эти города. Вскорѣ и Болонья имѣла ту же участь. Оба брата Бонапарты,

узнавъ, что австрійскіе полки преслѣдуютъ временное правительство и всѣхъ патріотовъ, бѣжавшихъ въ Анкону, и что непріятеля ждуть въ Фаэнцу, поспѣшили принять необходимыя мѣры къ своему спасенію; не смотря на болѣзнь Наполеона-Лудовика, они рѣшились оставить Анкону. Больнаго, со всевозможными предосторожностями повезли въ Форли, отстоящую на 10 миль отъ Фаэнцы, но тамъ онъ сдѣлался такъ слабъ, что не въ силахъ былъ ѣхать далѣе, его положеніе ухудшалось съ каждымъ часомъ и не смотря на всѣ усилія докторовъ, онъ скончался 27 марта, на рукахъ своего меньшаго брата, Карла-Лудовика-Наполеона.

Такая быстрая и преждевременная смерть породила множество толковъ; одни приписывали ее врагамъ семейства Бонапартовъ и обвиняли римскій и австрійскій дворы въ отравленіи молодаго принца; другіе возлагали отвѣтственность на брата покойнаго принца, который, говорили они, такимъ образомъ приблизился самъ къ императорскому трону, потому что прямой наслѣдникъ императора Наполеона I, герцогъ Рейхштадскій, страдалъ уже въ то время смертельнымъ недугомъ. Мы съ своей стороны передаемъ эти толки лишь какъ слухъ, не принимая на себя ручательства за ихъ достовѣрность. Какъ бы то ни было, по со смертю старшаго брата, а вскорѣ со смертю кузена, послѣдовавшей годомъ позже, Лудовикъ-Наполеонъ сталъ уже позировать какъ претендентъ.

Экс-королева Гортензія, узнавъ о бѣгствѣ сыновей своихъ и вмѣстѣ о болѣзни одного изъ нихъ, поспѣшила къ нимъ на помощь, но она пріѣхала слишкомъ поздно, старшій сынъ ея уже умеръ, а меньшаго она встрѣтила въ Пезрао, преслѣдуемаго австрійцами. Королева вернулась

съ нимъ въ Анкону и успѣла его скрыть. Вскорѣ по приѣздѣ въ Анкону Лудовикъ-Наполеонъ занемогъ, но благодаря попеченіямъ своей матери, онъ въ непродолжительномъ времени выздоровѣлъ. Гортензія скрыла сына отъ самыхъ тщательныхъ розысковъ австрійцевъ, овладѣвшихъ въ то время Анконою, посредствомъ распространенія слуха, что онъ уѣхалъ въ Грецію. «Однажды вечеромъ, говоритъ въ своихъ мемуарахъ Гортензія, небольшое судно распустило паруса и вышло въ море; всѣ были убѣждены, что оно увозитъ моего сына.» И въ то время, какъ австрійская полиція, обманутая ложными слухами, считала Лудовика-Наполеона на пути къ родинѣ Гомера и Діогена, самъ онъ, переодѣтый лакеемъ ѣхалъ за каретой своей матери, бѣжавшей съ нимъ въ Пизу. По прибытіи въ этотъ городъ принцъ снялъ лакейское платье и съ помощью англійскаго паспорта, добытаго его матерью, проѣхалъ съ ней черезъ Италію во Францію.

Мы видѣли здѣсь, что будущій католическій императоръ, старшій сынъ церкви, защитникъ и реставраторъ папства, иокровитель святаго города, никогда не руководился ни чѣмъ другимъ, какъ своимъ личнымъ интересомъ; онъ участвовалъ въ то время въ заговорѣ противъ папы съ цѣлью обратить на себя глаза Европы и получить реноме либерала и революціонера, что очень было выгодно для его честолюбивыхъ замысловъ. Точно также и восемнадцать лѣтъ позже, когда онъ былъ президентомъ республики, въ интересахъ своей власти онъ реставрировалъ свѣтскую власть папы и совершилъ римскую экспедицію противъ друзей своей молодости, итальянцевъ, съ которыми когда-то находилъ выгоднымъ дѣйствовать противъ Григорія XVI.

Пребываніе Лудовика-Наполеона во Франціи, въ 1831 году, даетъ намъ новое доказательство его прямодушія. Выше было сказано, что не смотря на законъ, осуждавшій его и все его семейство на вѣчное изгнаніе, онъ и мать его рѣшились съ помощью англійскаго паспорта проѣхать во Францію. Біографъ его, Фелленсъ, рассказываетъ объ этомъ происшествіи слѣдующимъ образомъ : «Прибывъ во Францію, путешественники вынуждены были удвоить предосторожность, чтобы не быть узнаваемыми. Принцъ до того былъ взволнованъ при видѣ своего отечества, что написалъ къ королю письмо, въ которомъ просилъ Лудовика-Филиппа принять его простымъ солдатомъ во французскую армію; онъ далъ матери прочесть письмо.

— «Я прочла его, сказала королева, но не одобрила поступка.

«Въ Парижѣ Гортензія остановилась вмѣстѣ съ сыномъ въ Hôtel de Hollande, возлѣ Вандомской площади и послѣшила извѣстить о своемъ пріѣздѣ Лудовика-Филиппа. Письмо ея было передано королю въ тотъ самый моментъ, когда Себастіани говорилъ въ совѣтѣ, что королева Гортензія отплыла въ Мальту. По полученіи письма король поручилъ президенту совѣта Казимиру Перье съѣздить къ ней. «Я знаю, сказала Гортензія Казимиру Перье, что я нарушила законъ, и я уже взвѣсила всю важность такого нарушенія : вы имѣете право приказать меня арестовать, это будетъ исполнѣ справедливо.

— «Это будетъ только законно,» отвѣтилъ министръ.

«Лудовикъ-Филиппъ далъ Гортензіи аудіенцію. Онъ говорилъ съ ней объ ея изгнаніи какъ о вещи, тяжелымъ камнемъ лежащей у него на сердцѣ : «Мнѣ извѣстны, сказалъ король, всѣ страданія причиняемыя изгнаніемъ,

но не въ моей власти прекратить ваши.» Гортензія призналась, что сынъ ея съ нею. Король просилъ ее держать это сколько можно въ тайнѣ, потомъ добавилъ: «Я знаю, что у васъ есть законныя требованія; напишите мнѣ счетъ того, что вамъ слѣдуетъ, и пришлите его лично ко мнѣ. Я знакомъ съ такого рода дѣлами и предлагаю вамъ устроить ваши.» Послѣ этого Гортензія была принята королевой, которая выказала ей живое участіе въ ея материнскомъ горѣ.

«О томъ, что Гортензія пріѣхала въ Парижъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, зналъ лишь одинъ король; даже Казиміру Перье не было это извѣстно, а прочіе министры совсѣмъ ничего не знали. Казиміръ Перье подаль Гортензіи надежду на возвращеніе Бонапартовъ изъ ссылки и на возвращеніе ей герцогства Сень-Лё. Онъ предложилъ ей какъ банкиръ ссудить ее посредствомъ займа суммою для продолженія путешествія. Король сдѣлалъ ей подобное же предложеніе; но она отказалась отъ этихъ услугъ.

«Между тѣмъ Лудовикъ-Наполеонъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Парижъ занемогъ лихорадкой, которая съ каждымъ днемъ усиливалась. Наступило 5-е мая, день кончины императора; народъ имѣлъ обыкновеніе въ этотъ день приносить къ подножію вандомской колонны вѣнки изъ иммортелей; на этотъ разъ стеченіе народа, выражавшаго свою симпатію къ великой тѣни, было громадное. Надо сознаться, что тайна о присутствіи инкѳгнито молодаго принца и его матери проникла въ толпу и вѣсть эта значительно подогрѣла энтузіазмъ массъ. Стеченіе народа скоро перешло почти въ возстаніе, хотя и не имѣло въ себѣ ничего крамольнаго. Маршалъ Лобо, начальникъ національной гвардіи, придумалъ для того,

чтобы разогнать толпу, привести на площадь вмѣсто пушекъ пожарныя трубы и дѣйствиємъ этихъ водяныхъ снарядовъ немедленно погасилъ весь жаръ почитателей великаго человѣка. Но не смотря на успѣхъ этой мѣры, Лудовикъ-Филиппъ и его министръ сильно были встрѣвожены. Необходимо было удалить Гортензію.....

«Экс-королева провела двѣнадцать дней въ столицѣ: еслибы сынъ ея не занемогъ, нѣтъ сомнѣнья, ей не позволили бы остаться столько времени.»

Мы привели здѣсь эту длинную бонапартистскую рекламу для того, чтобы показать, до какихъ размѣровъ наполеоновскіе авторы и члены императорской фамиліи умѣютъ простираť поддѣлку истины, и съ какимъ талантомъ, смѣшаннымъ съ лицемеріемъ, Лудовикъ-Наполеонъ и мать его всегда умѣли эксплуатировать довѣріе тѣхъ, которые были на столько просты и легковерны, чтобы довѣрять имъ.

Болѣе чѣмъ двѣ трети фактовъ, описанныхъ въ вышеприведенныхъ строкахъ, противны истинѣ; мы сейчасъ увидимъ это изъ разсказа герцога Омальскаго, въ его письмѣ къ принцу Наполеону-Жерому (*Lettre sur l'histoire de France*):

«Дозволеніемъ теткѣ вашей пріѣхать во Францію, король нарушилъ законъ, и что всего хуже, онъ сдѣлалъ это секретно отъ своихъ министровъ; это кажется единственный его поступокъ несогласный съ конституціей, въ которомъ можно его упрекнуть. Но сюда входятъ нѣкоторыя подробности, заслуживающія того, чтобы вамъ передать ихъ. На слѣдующій день послѣ аудіенціи, данной королемъ французевъ королевѣ Гортензіи, былъ совѣтъ министровъ.

— «Что новаго, господа?» спросилъ король.

— «Важная новость, государь, возразилъ маршалъ Сультъ: мнѣ навѣрное извѣстно, что герцогиня Сень-Лё и ея сынъ проѣхали черезъ южную Францію.

«Король улынулся.

— «Государь, сказалъ тогда Казимиръ Перье, я могу дополнить извѣстіе, сообщенное маршаломъ. Не только королева Гортензія проѣхала чрезъ Францію, но она уже въ Парижѣ и ваше величество принимали ее вчера.

— «Ваши свѣдѣнія такъ полны, мой любезный министръ, возразилъ король, что мнѣ уже болѣе ничего не остается сообщить вамъ.

— «А мнѣ государь, осталось еще кое что сообщить вашему величеству. Герцогиня Сень-Лё сказала вамъ вчера, что сынъ ея не покидаетъ комнаты вслѣдствіе нездоровья, не такъ-ли?»

— «Такъ точно.

— «Онъ нисколько не боленъ, и въ то самое время, когда ваше величество принимали мать, сынъ былъ на совѣщаніи съ главными дѣятелями республики и обсуждалъ, какимъ способомъ вѣрнѣе опрокинуть вашъ тронъ.»

«Лудовикъ-Филиппъ не обратилъ вниманія на такое предостереженіе, но такъ какъ происки продолжались, то министръ взялъ на себя сократить срокъ пребыванія въ Парижѣ королевы и ея сына.»

Изъ этихъ обоихъ разказовъ можно сдѣлать слѣдующій выводъ, что хотя королева Гортензія и Лудовикъ-Наполеонъ и вернулись во Францію, вопреки запрещенію закона, тѣмъ не менѣе Лудовикъ-Филиппъ принялъ Гортензію очень милостиво, онъ выказалъ ей и ея семейству много участія, предложилъ ей свои услуги,

обѣщалъ позаботится о возвращеніи ей герцогства Сень-Лё и простеръ свою благосклонность такъ далеко, что брался лично хлопотать о выдачѣ ей значительной суммы, которую она считала себя вправѣ получить, а до того времени онъ принималъ на себя устроить для нея заемъ, въ которомъ она можетъ быть нуждалась.

Королева оказала ей точно такое же вниманіе и участіе, а министръ Казиміръ Перье предложилъ къ ея услугамъ свою кассу.

Письмо герцога Омальскаго показало намъ, на сколько королева Гортензія и сынъ ея выказали себя достойными того участія и довѣрія, которыя имъ оказывали. Герцогиня Сень-Лё прибѣгала ко всевозможнымъ любезностямъ и уловкамъ, чтобы овладѣть довѣріемъ короля и усыпить бдительность его министра; она самымъ безцеремоннымъ образомъ обманула Лудовика-Филиппа, прибѣгнула въ этомъ случаѣ прямо къ лжи, извинясь за сына, не пріѣхавшаго съ ней на аудіенцію, будто бы вслѣдствіе болѣзни, тогда какъ онъ въ то самое время находился въ тайномъ собраніи заговорщиковъ противъ правительства, предлагавшаго ему гостепріимство и услуги. Весьма важно обратить вниманіе на подобную черту вѣроломства и лицемерія характера Лудовика-Наполеона и его матери, такъ какъ въ послѣдствіе мы не разъ будемъ имѣть случай видѣть повтореніе того же самаго. Необходимо также замѣтить здѣсь, къ чести республиканцевъ, что они никогда не конспирировали ни съ Лудовикомъ-Наполеономъ, ни съ его партіею, что и доказали Страсбургская и Булонская попытки, въ которыхъ ни одинъ республиканецъ не принималъ участія, а тѣ, о которыхъ упоминаетъ герцогъ Омальскій въ своемъ письмѣ, были ни кто иные какъ бонапартисты, имѣвшіе въ то время

обыкновеніе прикрываться республиканской маской, чтобы быть популярнѣе; это были Лети, Персиньи, Аладеннзъ и проч. оказавшіеся впоследствии бонапартистами.

«Передъ отъѣздомъ изъ Франціи, говорятъ авторы брошюры *Biographie des hommes du jour*, (Лагеронньеръ и К^о.) принцъ Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ написалъ королю Лудовику-Филиппу письмо, исполненное достоинства и краснорѣчія, въ которомъ онъ съ благородствомъ требовалъ возвращенія ему имени французскаго гражданина, отнятаго у него реставраціей, закономъ 12 января 1816 г. и которое правительство трехцвѣтнаго знамени не могло у него похитить, не нарушая своего принципа и не злоупотребляя силой. Въ письмѣ своемъ, принцъ признавалъ короля за *представителя великой націи* и испрашивалъ чести служить въ рядахъ французской арміи; онъ гордился тѣмъ, что въ Италіи принялъ сторону святаго дѣла народнаго освобожденія и просилъ дать ему возможность умереть, сражаясь за отечество.

Письмо это оставлено было безъ отвѣта. Лудовикъ-Филиппъ и его правительство достаточно уже ознакомились съ личностью Лудовика-Наполеона, и поэтому сочли бесполезнымъ и благороднымъ не подвергать себя вторичному испытанію. Въ этомъ случаѣ они были дальновиднѣе и предусмотрительнѣе республиканцевъ 1848 года, которые поддались на удочку великолѣпныхъ обѣщаній и формальныхъ увѣреній: «*Подчинить себя собранію, установленному всеобщей подачей голосовъ, не имѣть другаго честолюбія, какъ служить своей странѣ и возвратить себѣ права французскаго гражданина*» и проч.; всѣмъ извѣстно, на сколько онъ выполнилъ все это. Съ первыхъ же шаговъ своей карьеры Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ принялъ политику хитрости, лжи и ковар-

ства, которой и позже руководился на своемъ обширномъ поприщѣ.

Въ Англіи Лудовикъ-Наполеонъ и мать его оставались лишь нѣсколько мѣсяцевъ; Гортензія выпросила себѣ у французскаго правительства паспортъ на имя Бароннесы Аренембергъ, для проѣзда черезъ Францію и возвращенія въ Швейцарію, но ей воспрещено было проѣзжать черезъ Парижъ.

Тотчасъ же по возвращенію въ Тургау, въ августѣ 1831 г., Лудовикъ-Наполеонъ немедленно принялся за заговоры. Іюльская революція возбудила надежду въ польскихъ патріотахъ и они готовились взяться за оружіе; Лудовикъ Бонапартъ не упустилъ изъ вида такого случая, чтобы выдвинуться впередъ; онъ вошелъ въ сношеніе съ главными дѣятелями предстоящаго движенія и вскорѣ принялъ, 18 августа 1831 г., въ Аренембергѣ тайную польскую депутацію, предложившую ему стать въ главѣ вооруженной націи. Мы приводимъ здѣсь одно мѣсто изъ письма, адресованнаго къ нему революціоннымъ комитетомъ въ Варшавѣ и подписаннаго генераломъ Кнѣзевичемъ, графомъ Платеромъ и многими другими: «Кому лучше какъ ни вамъ можемъ мы довѣрить наше предпріятіе, вамъ, племяннику величайшаго изъ полководцевъ всѣхъ вѣковъ! Появленіе молодаго Бонапарта на нашей почвѣ, съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукѣ, произведетъ нравственное впечатлѣніе столь сильное, что нельзя даже предвидѣть громадности его послѣдствій. И такъ, молодой герой, надежда нашей отчизны, довѣрьте волнамъ, которыя узнаютъ ваше имя, судьбу цезаря, и что еще важнѣе — судьбу свободы; васъ ожидаетъ признательность вашихъ братьевъ по оружію и удивленіе міра».

Но молодой герой не рѣшился довѣрить коварнымъ

волнамъ судьбу новаго цезаря: онъ нашелъ болѣе безопаснымъ для себя оставаться въ Аренембергѣ подъ крыломъ своей нѣжной матери.

Какъ видно вообще, герой нашъ никогда не отличался личной храбростью, и если онъ умѣетъ устроить тайные заговоры внутри своего кабинета, то совершенно неспособенъ дѣйствовать лично, когда того требуетъ дѣло.

22 іюля 1832 г. умеръ на 21 году, австрійскимъ полковникомъ, герцогъ Рейхштадскій, сынъ императора Наполеона I, который согласно съ актомъ отрѣченія, подписаннымъ въ Фонтенбло, долженъ былъ вступить на императорскій престолъ подъ именемъ Наполеона II. Смерть герцога открыла широкое поприще честолюбію Лудовика-Наполеона, сдѣлавшагося такимъ образомъ, по установленному сенатусъ-консульту порядку о престолонаслѣдіи, прямымъ наслѣдникомъ Наполеона I. Смерть его старшаго брата, а потомъ и смерть кузена, расширила передъ нимъ горизонтъ и облегчила ему доступъ къ трону. Съ той минуты онъ уже совершенно серьезно относился къ своей роли претендента и нашелъ, что лучшій способъ, чтобы обратить на себя вниманіе современниковъ — это выступить передъ ними дѣятелемъ политической публицистики и дать такимъ образомъ пищу для спора и критики періодической прессы, что не замедлитъ сдѣлать имя его извѣстнымъ и окружить его ореоломъ популярности, такъ какъ всѣ журналы, враждебные французскому правительству, ради оппозиціи, не замедлятъ съ преувеличеніемъ восхвалять литературныя и политическія произведенія императорскаго племянника. Расчетъ былъ вѣренъ.

Первое произведеніе Лудовика-Наполеона — была бро-

шюра подь названіемъ: *Политическія мечтаніи*, (*Rêveries politiques*).

Замѣтимъ здѣсь, что многіе считали Лудовика-Наполеона за человѣка весьма умнаго, но Джемсъ-Фази, который хорошо зналъ его, такъ какъ онъ участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ заговорахъ, въ молодой Швейцаріи, молодой Италіи и молодой Франціи, говорилъ о немъ, что онъ «человѣкъ крайне посредственный и только необыкновенно упрямый»; даже Гортензія давала ему тоже названіе, которое сама получила нѣкогда отъ брата своего Евгенія: «кроткій упрямецъ.» Человѣкъ этотъ въ теченіе второй половины своей жизни какъ-бы опровергалъ всѣ теоріи, созданныя имъ въ молодости, какъ будто онъ задалъ себѣ задачей противорѣчить самому себѣ. Въ сущности, во всю жизнь у него была одна лишь *idée fixe* — реставрація имперіи. Сначала, чтобы сдѣлать имперію популярной, онъ искалъ придать ей всю возможную прелесть и очарованіе, окруживъ ее цѣлою фалангою самыхъ либеральныхъ и гуманныхъ идей, а потомъ онъ самъ же издѣвался надъ своими обязательствами; достигнувъ осуществленія своихъ надеждъ и прійдя къ цѣли, онъ не счелъ уже нужнымъ ни выполнять своихъ обѣщаній, высказанныхъ имъ въ его сочиненіяхъ, ни вообще дѣйствовать въ ихъ смыслѣ. Если же Лудовикъ-Наполеонъ и вспоминаетъ когда нибудь свой прекрасный образъ мыслей, которымъ проникнуты его сочиненія, то развѣ только для того, чтобы посмѣяться и удивиться неизмѣримости народнаго довѣрія и человѣческой глупости.

II

СТРАСБУРГСКИЙ ЗАГОВОРЪ.

Самый лучший способъ оцѣнить человѣка и судить о немъ, — это изучить его жизнь и его дѣйствія. Съ этой цѣлью мы и нашли необходимымъ изучить Лудовика-Наполеона какъ писателя и мыслителя и какъ заговорщика. Въ трехъ самыхъ главныхъ и самыхъ важныхъ эпизодахъ его жизни, т. е. въ смѣлыхъ попыткахъ Страсбурга, Булони и 2 декабря, мы найдемъ главныя черты необыкновенной личности нашего героя и самыя выдающіяся стороны его характера. Опъ весь на лицо въ этихъ трехъ эпизодахъ, которые вполне раскрываютъ его затаенныя идеи, его теоріи, его политическія и социальныя системы, его нравственные принципы и философскія доктрины, и резюмируютъ всю его политическую дѣятельность.

Не смотря на все усилія Лудовика-Наполеона съ самой молодости заставить говорить о себѣ, то какъ о соучастникѣ въ романской революціи, то какъ о претендентѣ на польскую корону, то какъ о женихѣ португальской принцессы донны Маріи, рука которой, впрочемъ, никогда не была ему предложена, то какъ о публицистѣ

и творцѣ большаго числа политическихъ сочиненій, въ которыхъ онъ выказывалъ себя реформаторомъ и обновителемъ своей эпохи, выдавая себя за преемника идей Наполеона I, котораго онъ называлъ Моисеемъ, Юсіею, Мессіею, а себя его апостоломъ, призваннымъ судьбою и рожденіемъ своимъ къ тому, чтобы осуществить его идеи; не смотря на все это, не смотря на изысканность стиля, на рассчитанные ораторскіе эффекты, если не совсемъ искусно, то по крайней мѣрѣ весьма самоувѣренно выраженные, не смотря на сравненія, очень часто лишеныя логики и истины, — Лудовикъ-Наполеонъ прозябалъ въ безвѣстности и сочиненія его имѣли мало успѣха. Это объясняется и самымъ свойствомъ неблагодарнаго предмета сочиненій, не содержащихъ въ себѣ тѣхъ условій, которыя необходимы для успѣха. Наполеоновская доктрина не содержитъ въ себѣ идеала ни о высокомъ, ни объ истинномъ, что одно только и можетъ увлекать умы массъ; въ ней нѣтъ также тѣхъ благородныхъ и великодушныхъ стремленій, которыя всегда создавали апостоловъ и мучениковъ, — ни тѣхъ высокихъ принциповъ абсолютнаго права, которые составляютъ отличительную печать, условіе *sine qua non*, всякой системы, основанной на справедливости и истинѣ, ни той смѣлой стремительности генія, которая въ будущемъ открываетъ новый горизонтъ, новые, еще невѣдомые міры, и производитъ обаяніе. «Наполеоновская идея» не заключаетъ въ себѣ ни одного изъ этихъ условій, она подъ перомъ автора тяжело влачится по землѣ, беретъ изъ прошлаго большую часть устарѣлыхъ учрежденій, предразсудковъ и пороковъ; она одѣваетъ своихъ героевъ въ воинскіе обноски имперіи, прикрываетъ ихъ мишурнымъ блескомъ, украшаетъ перьями изъ киверовъ Аустер-

лица и Маренго, нашиваетъ золотые галуны на ливреи куртизановъ и лакеевъ прежняго двора, надѣваетъ на нихъ толстые эполеты, безчисленные ордена, длинныя сабли и шпаги и призываетъ въ ихъ пользу милость Божию и волю народа. И эту-то уродливую перестройку, это грубое и смѣшное переряживаніе, это возстановленіе отжившаго, наполеоновская идея называетъ синтезисомъ, примиреніемъ прошедшаго съ будущимъ, прочнымъ зданіемъ, предназначеннымъ простоять вѣка.

Понятно, что въ подобной задачѣ Лудовику-Наполеону приходилось бороться съ страшными, непреодолимыми трудностями; и понятно, почему сочиненія его остались въ тѣни, не смотря на ихъ нѣкоторое литературное достоинство, на стратегическую ловкость автора въ способѣ изложенія своихъ мыслей и на необыкновенную его хитрость и изворотливость.

Даже не смотря на обаяніе имени Наполеона, ничто не могло пополнить того, чего не доставало таланту автора и его системѣ: онъ не могъ привлечь на себя вниманіе современниковъ и приобрести репутацію, которая обезпечила бы за нимъ торжество вліянія на умы; мучимый единственной идеей, снѣдаемый неудержимымъ честолюбіемъ, побуждаемый страннымъ желаніемъ овладѣть тѣмъ, что онъ называлъ наслѣдствомъ своего дяди, и непреодолимымъ стремленіемъ подражать ему въ разыгрываніи блестящей роли императора, Лудовикъ-Наполеонъ рѣшился соединить мысль съ самымъ дѣломъ, чтобы прямо и сразу заявить себя претендентомъ.

Изъ всѣхъ средствъ ему показалось самымъ лучшимъ то, которое употребилъ Наполеонъ I при возвращеніи своемъ съ острова Эльбы; поэтому онъ задумалъ повторить высадку въ Каннѣ и попытать второе историческое

свиданіе съ Французской арміею, и предпринялъ вооруженную экспедицію противъ правительства короля Лудовика-Филиппа.

Лудовикъ-Наполеонъ учредилъ свою главную квартиру въ красивомъ замкѣ Аренембергѣ, куда онъ послѣ неудачной романской экспедиціи и кратковременнаго пребыванія въ Англіи, опять вернулся вмѣстѣ съ своею матерью. Въ этомъ уединенномъ убѣжищѣ, расположенномъ у Констанскаго озера и подножія Альпъ, въ обществѣ нѣсколькихъ вѣрныхъ друзей, Лудовикъ-Наполеонъ написалъ съ 1831 по 1836 г. свои *«Политическія мечтанія»* и вслѣдъ за ними *«Военныя и политическія соображенія относительно Швейцаріи»* и *«Руководство для артиллерійскихъ офицеровъ Гельветической республики.»* Одинъ изъ друзей его написалъ тогда же его біографію и напечаталъ ее. «Руководство» свое Лудовикъ-Наполеонъ послалъ большому числу Французскихъ артиллерійскихъ офицеровъ; онъ съ большою ловкостью отыскивалъ способы для возобновленія сношенія съ арміею, чтобы получить въ ней приверженцевъ. Военные были предметомъ его всевозможныхъ любезностей и вниманія; онъ сближался съ ними, дѣлалъ имъ самыя лестныя предложенія, давалъ въ честь ихъ банкеты, съ энтузіазмомъ говорилъ имъ объ имперіи, о ея воинской славѣ, о своемъ дядѣ, умершемъ мученикомъ на островѣ св. Елены; онъ говорилъ, между прочимъ, что необходимо отмстить за него, осуждалъ іюльское правительство, говорилъ о той великой роли, которую призвана играть въ Европѣ Франція, когда у нея будетъ правительство достойное, чтобы управлять ею. Словомъ онъ пускалъ въ ходъ все обаяніе, связанное съ именемъ Наполеона.

Лудовикъ-Наполеонъ основывалъ свои надежды на

всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ и на всѣхъ попыткахъ царубійства, бывшихъ во Франціи; онъ тайно подстрекалъ къ этимъ движеніямъ, держа себя постоянно наготовѣ, чтобы ими воспользоваться, но такъ, чтобы въ случаѣ неудачи отречься отъ нихъ.

Во время ліонскаго возстанія 1834 года, Лудовикъ-Наполеонъ поспѣшилъ пріѣхать въ Женеву, дабы въ случаѣ успѣха возстанія воспользоваться имъ. Вотъ что говорить объ этомъ фактѣ швейцарская «Gasette Universelle»:

«Швейцарскіе радикалы употребили всѣ силы, чтобы доказать молодому Бонапарту, что онъ предназначенъ для возстановленія трона своего дяди. Принцъ былъ ихъ идоломъ и они окружали его лестью, на немъ сосредоточены были надежды ихъ на европейскій переворотъ, столько уже разъ начинавшійся, но всегда безуспѣшно. Въ 1834 г., во время ліонскаго возстанія, молодой принцъ, въ сопровожденіи своего ментора, доктора Конно^{*)}, съ поспѣшностью истиннаго претендента, опасаясь опоздать, пріѣхалъ изъ Тургау въ Женеву. Но дѣла не имѣли успѣха, возстаніе было подавлено и народившійся было императоръ самымъ скромнымъ образомъ поспѣшилъ вернуться въ Аренембергъ и вмѣсто французскаго трона удовольствовался почетнымъ чиномъ капитана бернской артиллеріи.»

Такимъ образомъ страсбургская попытка 3 октября 1836 г., была не первымъ комplotомъ, затѣяннымъ Лудовикомъ-Наполеономъ противъ правительства Лудовика-Филиппа.

Одинъ изъ свидѣтелей въ страсбургскомъ процессѣ, Гесленъ, французскій офицеръ, объявилъ послѣдователь-

---

*) Последняго фаворита королевы Гортензіи.

но, что заговоръ давно уже существовалъ и что передъ этимъ онъ два раза не удался: разъ въ Страсбургѣ и другой разъ въ Швейцаріи. Письмо обвиненнаго де-Брюкъ къ Лудовику-Наполеону подтверждаетъ то же самое, такъ какъ въ письмѣ этомъ сказано, что не слѣдуетъ допустить, чтобы «*третья*» попытка не удалась.

Лудовикъ-Наполеонъ и бонапартиская партія не были также чужды и покушенію Фіески; хотя казенный Морей и унесъ съ собою въ могилу свою тайну, постоянно отвергая свое соучастіе въ этомъ заговорѣ; но тѣмъ не менѣе достовѣрно, что корсиканецъ Фіески, какъ и большая часть его соотечественниковъ, былъ восторженный бонапартистъ, что онъ даже высказалъ въ судѣ, громко и открыто выражая свое удивленіе и свою преданность имперіи. Въ газетѣ «*Républicain Suisse*», говорилось въ то время о планѣ Лудовика-Наполеона Бонапарта и его сообщниковъ сдѣлать нападеніе на Альзасъ и на Ліонъ, въ случаѣ еслибы покушеніе 28-го іюля удалось.

Генеральный прокуроръ Россе, въ своемъ обвиненіи и въ резюме преній во время страсбургскаго процесса, прямо сопоставилъ покушеніе Фіески и наполеоновскій заговоръ въ Аренембергѣ.

«Готовилось страшное преступленіе, говорилъ прокуроръ, слышался тотъ глухой говоръ, который обыкновенно предшествуетъ катастрофамъ. Преступленіе это, прежде чѣмъ ему совершиться, было уже извѣстно за границей. Лудовикъ Бонапартъ выжидалъ момента; въ сообществѣ съ нимъ въ то время были обвиняемые Персиньи и Грикуръ, которые принимали такое дѣятельное участіе въ покушеніи 30-го октября. Но и на

этотъ разъ преступный замыселъ равно не удался, провидѣніе охраняло жизнь короля.»

Этихъ словъ достаточно, чтобы доказать соучастіе Бонапартистской партіи въ покушеніи Фіески; хотя до сихъ поръ ни одинъ историкъ не приводилъ еще большей части обвинительныхъ доказательствъ объ участіи этой партіи въ преступленіи корсиканскаго бандита, который не довольствовался однимъ этимъ поступкомъ, но старался еще сложить отвѣтственность своего покушенія на республиканскую партію; но все это подтверждается историческими фактами, относящимися, къ покушенію 28-го іюля.

Семейство Фіески, также какъ и семейство Бонапартовъ, было итальянскаго происхожденія и также жило на о. Корсикѣ. 15-го августа 1808 г., бывъ еще сосвѣмъ молодымъ человѣкомъ, Фіески покинулъ деревню, въ которой жилъ пастухомъ, и вступилъ волонтеромъ въ тосканскій баталіонъ, состоящій на службѣ у сестры императора Наполеона I, Элизы Бонапартъ; позже онъ посланъ былъ въ Неаполь и поступилъ на службу къ Мюрату. Во время русской компаніи Фіески познакомился съ Густавомъ Дамъ, адъютантомъ маршала, герцога Далматскаго, и былъ уже сержантомъ въ одномъ полку, которымъ командовалъ генераль Франческетти, и за отличіе при Полоцкѣ получилъ крестъ. Легіонъ, въ которомъ служилъ Фіески, былъ впоследствии переданъ Мюрату, и Фіески вернулся въ Неаполь, гдѣ былъ извѣстенъ какъ ловкій интриганъ и смѣльчакъ; къ нему обыкновенно обращались во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалась удача или изобрѣтеніе какого либо хитросплетенія. Въ 1814 году, послѣ мира, онъ вернулся на о. Корсику и оставался тамъ до эпохи ста дней. Послѣ разстрѣлянія Мю-

рата, король неаполитанскій возвратилъ Франціи всѣхъ солдатъ, сопровождавшихъ Мюрата въ его экспедиціи противъ королевства обѣихъ Сицилій, въ числѣ ихъ находились Дамà, Франческетти и Фіески, которые были преданы суду въ Драгиньянѣ, а потомъ прощены. Фіески послѣ этого вернулся опять на Корсику, но вскорѣ попался въ кражѣ и подлогѣ и былъ приговоренъ къ десятилѣтнему тюремному заключенію. Въ тюрьмѣ онъ часто говорилъ о своей привязанности къ императору и хвалился заслугами, оказанными имъ дѣлу Наполеона I, а также сильно возставалъ противъ царствующей династіи. По освобожденіи, Фіески уѣхалъ въ Ліонъ, откуда прежній его начальникъ Дамà уговорилъ его ѣхать въ Парижъ и самъ вскорѣ собирался послѣдовать за нимъ туда. Прибывъ въ Парижъ, Фіески отыскалъ своего прежняго генерала и соотечественника Франческетти, который щедро помогалъ ему и деньгами и протекціей.

«Послѣ 1830 года, въ качествѣ политическаго изгнанника, говоритъ Фіески, я просилъ занятія; многія особы, зная, что я бонапартистъ, покровительствовали мнѣ; я никогда не былъ ни карлистомъ, ни республиканцемъ.» Черезъ посредство Шовена, послѣдовавшаго за Наполеономъ на островъ св. Елены, Фіески въ 1831 году получилъ должность разнощика газеты «La Révolution», издаваемой подъ дирекціей прежняго эскадроннаго начальника его, Ленокса, но вскорѣ былъ выданъ президенту совѣта и военному министру, какъ человѣкъ, способствующій къ поддержанію сообщенія между Дамà и Леноксомъ и парижскими полками, съ цѣлью революціонной пропаганды.

«Газета «la Révolution», говоритъ Фіески, не пропагандировала революціи, но наполеонизмъ и, я откровен-

но признаюсь, что еслибы сынъ Наполеона I былъ еще живъ, я бы до сихъ поръ находился въ рядахъ бонапартистовъ.»

Слѣдовательно съ 1831 года Фіески, этотъ фанатикъ императора, участвовалъ въ бонапартистскихъ проискахъ; Дюпонъ, адвокатъ Пепина, и агентъ, инженеръ Конъ, заявили, что Фіески уже въ то время говорилъ «о заговорѣ и покушеніи на королевское семейство». Изъ этого, видно, что бонапартистскій заговоръ существовалъ гораздо прежде знакомства Фіески съ Морен и Пепиномъ *), которыхъ онъ погубилъ.

Участвуя въ заговорахъ съ бонапартистской партіей, Фіески нашелъ возможность быть отрекомендованнымъ Боду и такимъ образомъ сдѣлался тайнымъ агентомъ полиціи; ему поручено было наблюдать за нѣкоторыми политическими обществами; нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ это время сообщалъ бонапартистской партіи обо всемъ, что дѣлалось въ полицейской префектурѣ. Префектъ же полиціи, въ вознагражденіе Фіески за его услуги, выхлопалъ ему пенсіонъ въ 40 франковъ въ мѣсяцъ, въ видѣ вспомоствованія, какъ политической жертвѣ; но когда Боду вышелъ изъ полицейской префектуры, то замѣчено было, что удостовѣренія, представленныя Фіески о себѣ какъ о политической жертвѣ, были ложны, вслѣдствіе чего у него отняли его пенсіонъ и предали суду; онъ пришелъ отъ этого въ такую ярость, что не разъ говорилъ: «если случатся какія либо беспорядки, то онъ первый ворвется въ Тюильри и убьетъ короля и принцевъ и будетъ грабить все, что попадетъ подъ руки.» Впрочемъ эта черта

---

*) Фіески выдавалъ ихъ за своихъ соучастниковъ, они были казнены вмѣстѣ съ нимъ, но протестовали противъ этого обвиненія.

не чужда вообще всѣмъ защитникамъ наполеоновской идеи.

Фіески одинаково ненавидѣлъ какъ республику, такъ и іюльскую монархію; онъ говорилъ: «я признаю лишь древнюю римскую республику; республика же 1789 г., была пагубна для Франціи, и я ее отвергаю вполне; Франціи нужна не республика, а имперія».

Вотъ еще одно показаніе, данное Лавока, директоромъ гобеленевской мануфактуры и полковникомъ національной гвардіи, которое также доказываетъ, что Фіески былъ не республиканецъ, а бонапартистъ. «Въ моихъ политическихъ разговорахъ съ Фіески, говоритъ Лавока, онъ мнѣ постоянно говорилъ лишь объ одномъ предметѣ — это объ императорѣ; я съ своей стороны любилъ разговаривать съ Фіески о Наполеонѣ I, и зная его горячій характеръ, я всегда боялся, что онъ примкнетъ къ партіи недовольныхъ. Чтобы отвлечь Фіески отъ разныхъ тайныхъ обществъ, я прибѣгнулъ къ аргументу, который счелъ, въ отношеніи къ нему, самымъ дѣйствительнымъ: я сказалъ ему, что императоръ не любилъ тайныхъ обществъ и что имъ онъ обязанъ своимъ паденіемъ. Этихъ словъ было достаточно, для удаленія его отъ тайныхъ обществъ и ассоціацій. Во всѣхъ возмущеніяхъ онъ всегда былъ возлѣ меня, и я часто посылалъ его для разузнаванія непріятельскихъ позицій.....»

Подобно многимъ бонапартистамъ, Фіески исполнялъ всѣ роли: онъ былъ въ одно и тоже время агентомъ ради собственныхъ убѣжденій, а также и ради префекта полиціи, и ради національной гвардіи. Фіески попытка было даже, по выходѣ Бодэ изъ префектуры полиціи, явиться къ Вивьену, занявшему мѣсто Бодэ, съ цѣлью

получить отъ него какое нибудь выгодное порученіе. Фіески познакомился съ однимъ венгерскимъ агентомъ Кравскимъ, который за разъ служилъ полицейской префектурѣ, сенской префектурѣ, австрійскому и сардинскому посольствамъ и легитимистамъ; онъ совѣтовалъ Фіески послѣдовать его примѣру, но Фіески, будучи повѣреннымъ венгерскаго агента и его любовницы, сдѣлалъ нѣчто лучшее; онъ укралъ изъ конторки мнимой баронессы Кравской всѣ письма, получаемыя ею отъ своего любовника, находившагося въ отсутствіи, въ Италіи, снялъ съ нихъ копіи и передалъ ихъ чиновнику полицейской префектуры для доставленія Вивьену; ему бы хотѣлось лично вручить ихъ Вивьену, но всѣ его усилія быть принятымъ Вивьеномъ остались безуспѣшными.

Если Фіески вовлеченъ былъ въ преступленіе царубійства вліяніемъ какой либо политической партіи, то конечно это была партія бонапартистовъ, такъ какъ онъ тѣсно связанъ былъ съ генераломъ Франческетти, съ Шовеномъ и Леноксомъ и разъ обвинялся уже въ бонапартійской вербовкѣ въ полкахъ парижскаго гарнизона. Покровителемъ Фіески былъ Дамà, всецѣло преданный имперіи, и жившій въ Швейцаріи одновременно съ Людовикомъ-Наполеономъ. Фіески поддерживалъ постоянныя сношенія съ Дамà, и когда принцъ де-Роганъ, жившій также въ Швейцаріи, въ 1835 году поѣхалъ въ Парижъ нѣсколько ранѣе покушенія 28 іюля, Фіески хотѣлъ поручить ему письмо для передачи Дамà.

Какъ всѣ корсиканцы, Фіески, этотъ изобрѣтатель адской машины въ 1835 г., былъ настойчивый и скрытный человѣкъ; онъ искусно скрывалъ подъ личиною республиканца свои бонапартистскія идеи, и сбивалъ съ толку правосудіе въ отношеніи своихъ настоящихъ сообщниковъ

тѣмъ, что вель знакомство съ республиканцами, которыхъ приносилъ въ жертву своими доносами для спасенія дѣйствительныхъ виновниковъ. Этотъ выводъ такъ вѣренъ, что и Дюпонъ, защитникъ Мореи, погибшаго жертвою ложнаго доноса Фіески, въ заключеніе своей защитительной рѣчи говорилъ: «у Фіески дѣйствительно есть сообщникъ, похожій на Мореи, онъ существуетъ, но Фіески взялъ его подъ свое покровительство, такъ какъ онъ вѣроятно его соотечественникъ. Корсиканецъ всегда легко жертвуетъ французомъ, потому что смотритъ на него не какъ на соотечественника. Послушайте самого Фіески, онъ открыто презираетъ французовъ, говоря, что они вѣтренны, болтливы, довѣряютъ тайну женщинамъ и вину и потому недостойны, чтобы участвовать въ великихъ предпріятіяхъ. Корсиканцы же пользуются полнымъ расположеніемъ Фіески; ему нужно корсиканца, только съ нимъ онъ можетъ вести заговоръ.

«Да, у Фіески есть соучастникъ, который похожъ на Мореи, такъ что до нѣкоторой степени ихъ можно принимать одного за другаго....

«Обязанность адвоката не окончивается тѣмъ, что онъ передъ вами защищалъ своего кліента, съ убѣжденіемъ въ его невинности. Правда, если кліентъ оправданъ, то обязанность окончена, а если онъ осужденъ, то ему еще остается одна обязанность, и что до меня касается, то я объявляю, въ случаѣ осужденія Мореи, я принимаю на себя обязанность употребить всѣ силы, чтобы отыскать дѣйствительнаго сообщника Фіески. И что, если поиски мои увѣнчаются успѣхомъ уже послѣ казни Мореи! — Я приду и здѣсь въ судѣ громко назову вамъ его по имени!»

И такъ, имена дѣйствительныхъ сообщниковъ, кото-

рых искалъ Дюпонъ, неумолимая исторія, отъ которой ни что не ускользаетъ, нашла въ настоящее время, она приносить ихъ передъ трибуналъ общественнаго мнѣнія и открыто и громко называетъ по имени: со-общникомъ Фіески въ царубійствѣ была *бонапартистская партія*.

Вотъ еще и другія доказательства истины этого мнѣ-нія; мы выше привели слова генеральнаго прокурора Россе, говорившаго по поводу покушенія Фіески: «гото-вилось страшное преступленіе и проч.» Онъ въ своей рѣчи упомянулъ о томъ, что преступленіе это прежде его совершенія было уже извѣстно за границей; и дѣйстви-тельно, въ Франціи, особенно въ Швейцаріи, Аренем-бергѣ и великомъ герцогствѣ Баденскомъ, гдѣ Лудовикъ-Наполеонъ имѣлъ множество агентовъ, комplotъ этотъ былъ впередъ извѣстенъ; вся бонапартистская партія за-границей постоянно сносилась между собою.

Вотъ какъ выражается по этому поводу де-Порталисъ, въ своемъ рапортѣ по дѣлу Фіески:

«Если мы перенесемъ взоръ нашъ за предѣлы Фран-ціи, то увидимъ, что при приближеніи іюльскихъ дней (1835 г.) все казалось предвѣщало, что къ этому времени готовится большой политической толчекъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ муниципальныя власти 28 іюля обращали вниманіе военныхъ властей на нѣкоторые слухи, могу-щіе впоследствии требовать ихъ содѣйствія. Въ Швей-царіи, въ Баденѣ, въ Бельгіи и даже въ Мюнхенѣ, въ одно и то же время ожидали большихъ смуть, сигналомъ ко-торыхъ должно было быть преступленіе 28 іюля....

«Въ Генуѣ, съ самаго начала іюля уже ходили зло-вѣшіе слухи; 24 іюля на биржѣ открыто говорили, что король французовъ убить....

«Въ Римѣ правительство перехватило дневной приказъ Общества пропаганды Молодой Италіи, объявлявшій, что іюльскія дни «увидятъ смерть тирана Франціи и начало возрожденія Европы, и т. д.»

Послѣдняя фраза какъ будто взята цѣликомъ изъ сочиненій Лудовика-Наполеона, это одна изъ его стереотипныхъ любимыхъ декламационныхъ формулъ, къ которымъ онъ часто прибѣгаетъ. Племянникъ Наполеона I въ то время участвовалъ въ Обществѣ Молодой Италіи, которое имѣло въ Римѣ своихъ многочисленныхъ агентовъ, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что общество это было извѣщено Лудовикомъ-Наполеономъ о готовившемся убійствѣ Лудовика-Филиппа, такъ какъ самъ Лудовикъ-Наполеонъ зналъ объ этомъ покушеніи отъ своихъ эмиссаровъ; онъ не пренебрегалъ ни какими случайностями для достиженія трона Франціи, и въ 1834 году, во время ліонскаго возмущенія, мы видѣли, какъ онъ поспѣшилъ въ Женеву, чтобы находиться на французской границѣ и быть готовымъ переѣхать ее въ случаѣ паденія правительства. Въ 1835 г. Лудовикъ-Наполеонъ съ той же самой цѣлью оставался въ Аренембергѣ, вмѣстѣ съ Фіаленомъ, иначе называемымъ де-Персиньи, и Грикуромъ. Но и на этотъ разъ надежды его неосуществились. Наконецъ послѣднее доказательство того, что между Фіески и конспираторами Аренемберга существовали сношенія, — это то, что Фіески взялъ себѣ защитникомъ Паркена, братъ котораго былъ женатъ на дѣвицѣ Кошеле, чтицѣ королевы Гортензіи. Супруги Паркены жили въ замкѣ Вольфбергѣ, въ пяти минутахъ отъ Аренемберга и участвовали въ заговорѣ вмѣстѣ съ Бонапартомъ противъ Лудовика-Филиппа; ниже мы увидимъ одного изъ Паркеновъ,

того, который былъ мужемъ Кошеле, играющимъ большую роль въ страсбургскомъ дѣлѣ.

Таковы сплетенія обвинительныхъ доказательствъ противъ Лудовика-Наполеона и его партіи въ дѣлѣ Фіески; но обвиненіе, подобно тому какъ было и прежде, пало на республиканцевъ. Во время консульства, въ адской машинѣ, которая была дѣломъ роялистской партіи, обвиненіе пало также на республиканскую партію и огромное число жертвъ было тогда осуждено за покушеніе. Въ 1835 году опять три республиканца Мореи, Пепинъ и Буаро сдѣлались искупительными жертвами бонапартистской партіи.

Если въ то время, когда совершался судъ надъ Фіески, министерство не заявило болѣе формальнымъ образомъ о соучастіи бонапартистской партіи въ дѣлѣ покушенія, то это только потому, что оно лишь позже открыло глаза на это дѣло и получило неопровержимыя доказательства въ этомъ соучастіи лишь во время страсбургскаго мятежа; не имѣя же этихъ доказательствъ въ данный моментъ, оно не хотѣло наложить на память Наполеона I черное пятно преступленій его партизановъ, тѣмъ болѣе, что главные дѣятели этихъ преступленій и вмѣстѣ подстрекатели Фіески находились за границей и внѣ его власти.

«Послѣ неудачи покушенія, заговорщики вынуждены были обратить надежды свои въ другую сторону, говоритъ генеральный прокуроръ во время страсбургскаго процесса. Лудовикъ-Наполеонъ обратилъ взоры къ арміи; онъ задумалъ военную революцію; онъ вспомнилъ, что преторіанская гвардія и воспоминанія 18 брюмера и 20 марта принадлежать его семейству...

«Ему не доставало лишь одной точки опоры — со-

дѣйствія какого либо военнаго начальника. Такой необходимый человѣкъ представился ему въ лицѣ артиллерійскаго полковника страсбургскаго гарнизона, всѣмъ извѣстнаго своимъ громаднымъ вліяніемъ на командуемый имъ полкъ.

«Въ Баденѣ, на балу, 29 іюля 1836 г., Лудовикъ Бонапартъ познакомился съ этимъ полковникомъ, по фамиліи Водре, и въ тотъ же день предложилъ ему участвовать въ своемъ предпріятіи. Сначала полковникъ упирался и дѣлалъ разныя возраженія, но Лудовикъ Бонапартъ говорилъ ему о славіи имперіи и увѣрялъ, что большая часть арміи приметъ его съ радостью, что онъ въ ней имѣетъ множество партизановъ, что даже многіе генералы преданы ему и обѣщали свое содѣйствіе. Подобныя увѣренія и вмѣстѣ блестящія обѣщанія поколебали полковника, онъ кончилъ тѣмъ, что согласился и далъ слово содѣйствовать успѣху дѣла.

«Но такъ какъ Лудовикъ Бонапартъ все еще боялся, чтобы въ виду опасности предпріятія Водре не отступилъ отъ своего слова, онъ написалъ ему письмо подъ псевдонимомъ Луизы Вернеръ; но письмо это не попало въ руки полковника, а было перехвачено полиціей, и въ немъ узнали почеркъ Лудовика-Наполеона. Въ письмѣ говорилось:

«Милостивый государь, я не писала къ вамъ съ того времени какъ разсталась съ вами, потому что сначала ждала письма отъ васъ, въ которомъ вы дали бы мнѣ вашъ адресъ, а потомъ съ возвращеніемъ П... я нашла бесполезнымъ увеличивать переписку. Но теперь, такъ какъ вы все еще заняты моимъ замужествомъ, я не могу отказаться отъ желанія выразить вамъ мои дружескія чувства. Вы довольно знаете меня, чтобы не ошибиться

въ моемъ къ вамъ расположеніи ; чтоже касается меня, то я ощущаю потребность высказать вамъ мои чувства. потому что вы совмѣщаете въ себѣ все то, что можетъ заставить сердце биться въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. До моего знакомства съ вами я бродила безъ вожака, какъ смѣлый пловецъ, отыскивающій новый свѣтъ ; и подобно ему лишь въ моемъ собственномъ сознаніи и моемъ личномъ мужествѣ сохраняла убѣжденіе въ успѣхѣ ; у меня было много надежды, но мало вѣрнаго, когда же я увидѣла васъ , горизонтъ прояснѣлъ, и я воскликнула : берегъ ! берегъ !

«Я считаю долгомъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, когда замужство мое прямо зависитъ отъ васъ, возобновить вамъ выраженія дружбы моей и высказать, что каково бы ни было ваше рѣшеніе, оно ни въ чемъ не можетъ измѣнить моихъ чувствъ. Я буду счастлива доказать вамъ когда нибудь всю мою признательность !

«Въ ожиданіи извѣщенія о томъ, выйду ли я замужъ, или останусь старой дѣвой, я прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ расположеніи.

Луиза Вернеръ.»

Мы видимъ, какъ велико было желаніе Лудовика Бонапарта преслѣдовать свое предпріятіе и какъ важно для него было въ этомъ дѣлѣ участіе полковника ; но для того, чтобы еще тѣснѣе связать его съ своимъ предпріятіемъ, онъ счелъ полезнымъ пустить въ ходъ обольстительное вліяніе женщины. Вотъ что рассказываетъ въ обвинительномъ актѣ генеральный прокуроръ объ этой новой тонкости.

«Не смотря на обѣщаніе Водре, Лудовикъ Бонапартъ опасался отказа ; онъ слишкомъ много рисковалъ, дѣло шло не объ одной потерѣ блестящей будущности, чести,

но и о жизни; ему могла придти на память неопровержимая истина: *что измѣна всегда есть гнусная вещь*; даже самый успѣхъ дѣла не можетъ облагородить ее.

«Лудовикъ—Наполеонъ зналъ, что полковникъ Водре былъ тщеславенъ, честолюбивъ и при этомъ любилъ наслажденія; хотя онъ и былъ женатъ на женщинѣ достойной всякаго уваженія и имѣлъ семейство, но у него были и другаго рода наклонности; поведеніе его не соотвѣтствовало ни его лѣтамъ, ни положенію. Полковникъ былъ страстный поклонникъ женщинъ, Лудовикъ Бонапартъ и Персиньи знали это, и имъ слѣдовательно оставалось лишь отыскать такую женщину, которая согласилась бы содѣйствовать имъ въ ихъ замыслѣ. Лудовикъ Бонапартъ, говоритъ генеральный прокуроръ, никакими средствами не гнушается.»

Женщину, которая ему нужна была, онъ не долго искалъ; между многочисленной летучей свитой экс-королевы Гортензіи, ихъ было не мало; онѣ специально предназначаемы были для доставленія наслажденія любимому ея сыну и его сообщникамъ. Между этими красавицами, одна вдова Гордонъ, рожденная Элеонора Брольтъ, пѣвица, находившаяся въ штатѣ Гортензіи, какъ излагаетъ обвинительный актъ, была особенно замѣчательна и на ней остановился выборъ Лудовика и Персиньи. Элеонора была красавица, умна, дѣятельна, способна интриговать, легкаго поведенія и безъ денегъ; въ ней соединялись всѣ тѣ условія, которыя изъ существа разумнаго могутъ сдѣлать покорный инструментъ. Она какъ нельзя лучше выполнила порученную ей задачу; одно изъ ея писемъ, писанныхъ ею къ Водре было перехвачено, и оно доказываетъ, что Элеонора пускала въ ходъ всѣ средства, всѣ обольщенія, способныя дѣйствовать на

волю этого человѣка; какъ человѣку тщеславному, она расточала всевозможную лесть, какъ солдату и любовнику она давала чувствовать, что отступать отъ даннаго слова — подлость и что она никогда не будетъ принадлежать ему иначе, какъ когда онъ всецѣло отдастся успѣху предпріятію.

Луи Бланъ удѣляетъ нѣсколько строкъ описанію г-жи Гордонъ: Элеонора Гордонъ была женщина весьма живая и черезъ-чуръ можетъ быть ужъ преданная политическимъ интригамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она съ красотою наружности соединяла горячую душу, природное краснорѣчіе, настойчивость и мужество. Она мнѣ сама рассказывала, какъ она ѣздила въ Дижонъ, гдѣ въ то время находился полковникъ Водре, и лично убѣждала его не отступать отъ принятаго рѣшенія; доводы ея имѣли такую силу и такое вліяніе, что Водре безъ замедленія, едва лишь успѣлъ сбросить съ ногъ туфли, какъ выражалась она, отправился съ ней вмѣстѣ въ Страсбургъ. Дѣло въ томъ, что г-жа Гордонъ питала къ памяти Наполеона I слѣпое, безграничное, какое то суевѣрное поклоненіе, Бонапартовъ же она не уважала, находя ихъ людьми ограниченныхъ умственныхъ способностей и лишенныхъ рѣшимости.... Лудовику-Наполеону она предавала весьма мало значенія; я разъ спросилъ ее шутя, любила ли она его? «да, отвѣчала она съ улыбкой, я его любила политически; по правдѣ сказать, онъ въ моихъ глазахъ походить на женщину.»

Полковникъ Водре откровенно признавался, и даже не безъ нѣкотораго самолюбія, въ своихъ отношеніяхъ къ Элеонорѣ Гордонъ; знакомство свое съ ней онъ относилъ ко времени его пребыванія въ Баденѣ, и съ тѣхъ поръ она какъ тѣнь всюду за нимъ слѣдовала, одно вре-

мя она жила въ его загородномъ домѣ въ Дижонѣ, откуда и увезла его въ гостиницу Валь-Данферъ возлѣ Фрейбурга, на свиданіе съ Лудовикомъ-Наполеономъ.

Но какъ видно, г-жа Гордонъ въ одно и тоже время дѣлала за разъ нѣсколько счастливецъ, она была самою дѣятельною и самою пѣжною душою интриги и ея милости распространялись на всѣхъ заговорщиковъ; почти тоже самое подтверждаетъ и обвинительный актъ, свѣдѣнія котораго по части любовныхъ интригъ конспираторовъ были гораздо полнѣе свѣдѣній о ихъ политическихъ проискахъ :

« Въ Баденѣ, въ іюлѣ, Элеонора нѣсколько разъ принимала у себя Лудовика Бонапарта и выѣзжала съ нимъ. Въ то же время отношенія ея къ Персиньи были самыя интимныя. »

Надо удивляться, что такія великія и пріятныя услуги остались безъ вознагражденія. Глава заговора, сдѣлавшись президентомъ республики, въ 1848 г., не вознаградилъ г-жу Гордонъ достойнымъ образомъ за ея усердіе; онъ оставилъ ее въ глубокой бѣдности и далъ ей умереть въ больницѣ.

Какъ видно, признательность не всегда бываетъ добродѣтелью президентовъ.

Съ высшими начальниками арміи Лудовикъ Бонапартъ пускалъ въ ходъ другаго рода хитрости. Къ перу Франціи, генералу Экселмансъ, онъ послалъ одного изъ сообщниковъ своихъ, де-Брюка, съ письмомъ, въ которомъ просилъ у него свиданія :

« Аренембергъ, 11 октября 1836 г.

« Генераль,

« Пользуясь вѣрнымъ случаемъ, я желаю сказать вамъ, что былъ бы счастливъ, еслибы имѣлъ возможность пере-

говорить съ вами. Ваша высокая репутація, ваша гражданская и военная доблесть, даютъ мнѣ надежду, что вы не откажетесь подать мнѣ совѣтъ въ одномъ затруднительномъ обстоятельстве. Племянникъ императора съ довѣріемъ обращается къ старому воину, старому другу, и увѣренъ, что вы простите ему этотъ поступокъ, могущій показаться несвоевременнымъ всякому другому, но не вамъ, генералъ, такъ какъ вы способны понимать всякое благородное стремленіе. Полковникъ де-Брюкъ, пользующійся моимъ полнымъ довѣріемъ, взялся рѣшить, съ вашего согласія, гдѣ лучше мнѣ будетъ можно съ вами видѣться.

«Примите, генералъ, и проч...

«Наполеонъ-Лудовикъ Бонапартъ.»

Старый генералъ, которому вѣроятно показалось весьма не лестнымъ, что его принимали за измѣнника, хотя Лудовикъ Бонапартъ и называлъ измѣну весьма наивно и остроумно *благороднымъ стремленіемъ*, на отрѣзъ отказался отъ свиданія и поручилъ подателю письма «сказать принцу, что онъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибы не компрометировалъ ни себя, ни своего семейства. Если онъ питаетъ какіе либо замыслы, то скажите ему, что онъ заблуждается. Онъ равно заблуждается, если вѣрить, что во Франціи существуетъ партія: здѣсь живетъ глубокое уваженіе къ памяти императора, но и только.»

Точно такимъ же образомъ Лудовикъ-Наполеонъ обратился и къ генералу Вуаролу, командиру 5 дивизіи, стоявшей въ Страсбургѣ. Вотъ содержаніе письма Лудовика Бонапарта:

«Бадень, 14 августа 1836 г.

«Генералъ,

«Въ непродолжительномъ времени я долженъ буду

вернуться въ Швейцарію и мнѣ будетъ весьма прискорбно покинуть границу Франціи, не видавъ старыхъ воиновъ, которыхъ я такъ глубоко уважаю. Я знаю, генераль, что политическіе законы хотѣли бы отбросить васъ и меня въ два совершенно противные лагерья; но это невозможно, такъ какъ для меня старый воинъ будетъ всегда другомъ, а мое имя будетъ ему всегда напоминать дни его славной молодости.

«Генераль, сердце мое разрывается; вотъ уже мѣсяцъ какъ передъ глазами у меня Франція, а я не смѣю вернуться на ея почву. Завтра день именинъ императора и день этотъ я проведу съ чужеземцами. Если вы согласитесь назначить мнѣ на дняхъ свиданіе гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Бадена, вы изгладите вашимъ присутствіемъ тяжелыя впечатлѣнія, которыя меня осаждаютъ; обнявъ васъ, я забуду людскую неблагодарность и жестокость судьбы. Прошу васъ, генераль, извинить мои столь дружественныя изліянія, которыя я позволяю себѣ въ отношеніи лица мнѣ незнакомаго: но я знаю, что сердце ваше не состарѣлось.

«Примите, генераль, увѣреніе моего къ вамъ неизмѣннаго уваженія вмѣстѣ съ выраженіемъ того счастья, которое доставитъ мнѣ свиданіе съ вами.

«Наполеонъ—Лудовикъ Бонапартъ.»

Это патетическое и нѣжное письмо имѣло также мало успѣха, какъ и первое.

Вмѣсто отвѣта, генераль Вуароль поѣхалъ къ префекту предупредить его о необходимости усиленія надзора, сказавъ ему при этомъ, что у принца есть эмиссары въ Страсбургѣ и что одному офицеру уже были дѣлаемы предложенія.

Но обѣ неудачи эти нисколько не уронили духа Лу-

довика - Наполеона, онъ кромѣ полковника Водре и г-жи Гордонъ завербовалъ еще нѣсколькихъ военныхъ начальниковъ, между которыми мы прежде всего назовемъ командира Паркена. Гортензія еще въ 1822 году заручилась Паркеномъ, женивъ его на своей чтицѣ, дѣвицѣ Кошеле, и приобрѣтя въ немъ, такимъ образомъ, для своего сына самого преданнаго повѣреннаго, хотя преданность эта нисколько не помѣшала Паркену въ 1830 году хлопотать о поступленіи на дѣйствительную службу и получить начальство надъ муниципальной гвардіею, вѣроятно съ цѣлью облегчить себѣ путь къ измѣнѣ тому правительству, которое онъ принялъ обязанность оберегать. Паркенъ никогда почти не являлся въ свой полкъ и не носилъ мундира, онъ съ дозволенія своего начальства жилъ постоянно въ купленномъ имъ замкѣ Вольфбергѣ въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ съ замкомъ Арнебергомъ. Офицеръ этотъ довольствовался тѣмъ, что бралъ жалованье отъ правительства, которому измѣнялъ. Когда на судѣ спросили Паркена, отчего онъ не сдержалъ присяги, онъ отвѣчалъ съ притворнымъ энтузіазмомъ: «Какъ гражданинъ и какъ солдатъ я тридцать три года назадъ присягнулъ въ вѣрности императору Наполеону и его династіи, и я не такой великій дипломатъ, какъ Таллейранъ, который принесъ тринадцать присягъ; когда племянникъ императора потребовалъ моихъ услугъ, то я, связанный присягой, принесенной мною его дядѣ и династіи, считалъ своимъ долгомъ не измѣнять клятвѣ.»

Другой соучастникъ Лудовика Бонапарта былъ Арманъ Лети, 27 лѣтъ, командиръ сапернаго баталіона въ Страсбургѣ; онъ выдавалъ себя за демократа и республиканца и на судѣ, при допросѣ, объяснилъ, что онъ считалъ и Лудовика - Наполеона сочувствующимъ рес-

публикѣ. Однако демократическія и республиканскія убѣжденія Лети нисколько не помѣшали ему впоследствии сдѣлаться сенаторомъ имперіи.

Третій сообщникъ былъ пѣхотный поручикъ де-Керель, выгнанный изъ полка за долги; находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, де-Керель съ восторгомъ принялъ предложенія Персиньи, обѣщавшаго ему орденъ почетнаго легіона, чинъ полковника и начальство надъ баталіономъ гренадеровъ императорской гвардіи.

Четвертый сообщникъ де-Грикуръ былъ, какъ и де-Керель, человекъ обезславленный; онъ принадлежалъ къ партіи легитимистовъ.

Пятый былъ де-Брюкъ, которому поручено было передать письмо генералу Эксельмансу, былъ эскадроннымъ командиромъ и также принадлежалъ къ партіи легитимистовъ. Всѣ трое, де-Керель, де-Грикуръ и де-Брюкъ, были люди безъ правилъ, безъ чести, истинные *chevaliers d'industrie*, принявшіе участіе въ заговорѣ единственно для того, чтобы свободнѣе и больше захватить денегъ. Прочіе заговорщики играли незначительную роль въ интригѣ и большая часть изъ нихъ были обольщены обѣщаніями Лудовика Бонапарта, съ помощію полковника Водре.

Здѣсь мы скажемъ нѣсколько словъ о Персиньи, настоящее имя котораго Жанъ-Жильбертъ-Викторъ Фіаленъ; нетитулованное имя отца не нравилось Фіалену и поэтому онъ назвался Виконтомъ де-Персиньи. Честолюбіе снѣдало молодаго де-Персиньи, между тѣмъ ему не везло ни на военномъ, ни на литературномъ поприщѣ. Онъ поочередно былъ роялистомъ, республиканцемъ, легитимистомъ и наконецъ бонапартистомъ: послѣднее показалось ему всего выгоднѣе и открывало широкій го-

ризонть его честолюбію ; поэтому онъ явился къ Лудовику-Наполеону, высказалъ ему свое удивленіе и благоговѣніе къ императору и то влеченіе, которое онъ почувствовалъ при прочтеніи «*Политическихъ мечтаній*» и «*Военныхъ и политическихъ соображеній о Швейцаріи*», къ автору столькихъ великихъ и благородныхъ идей ; словомъ, онъ такъ польстилъ Лудовику Бонапарту, которому нуженъ былъ дѣятельный и способный агентъ, что тотъ поспѣшилъ воспользоваться его преданностью и вскорѣ сдѣлалъ его самымъ близкимъ своимъ повѣреннымъ въ политическихъ предпріятіяхъ.

Около половины 1836 г., Персиньи основалъ свою главную квартиру въ Нанси, въ домѣ легитимиста Грикура, и оттуда переписывался съ одной стороны съ де-Брюкомъ, которому поручено было организовать заговоръ въ Парижѣ, въ высшихъ военныхъ сферахъ арміи, и искать соучастниковъ даже на ступеняхъ трона, а съ другой стороны съ полковникомъ Водре, который взялъ на себя вербовку нижнихъ чиновъ въ Страсбургѣ.

Когда заговоръ былъ уже достаточно подготовленъ, главные дѣятели согласились между собою собраться въ Фрейбургѣ въ послѣднихъ числахъ октября ; но свиданіе это не состоялось по вѣпѣ Персиньи и де-Брюка, и Лудовикъ-Наполеонъ напрасно прождалъ своихъ сообщниковъ. Какіе-то три генерала, имена которыхъ остались неизвѣстны, также пріѣзжали на это свиданіе, но не найдя никого, уѣхали взбѣшенные.

Послѣ этого де-Брюкъ написалъ, что дѣло слѣдуетъ отложить до марта, но Персиньи, всѣми силами поощрялъ Лудовика-Наполеона попытать счастья ранѣе. Причина, по которой Персиньи дѣйствовалъ такимъ образомъ, объяснится нѣсколько ниже.

Мы не видимъ между соучастниками Лудовика-Наполеона ни одного человѣка, который дѣйствовалъ бы подъ вліяніемъ своихъ личныхъ политическихъ убѣжденій, какъ это большею частію бываетъ въ политическихъ заговорахъ, потому что политика всегда имѣетъ подобно религіи своихъ вѣрующихъ и своихъ фанатиковъ. Одна только г-жа Гордонъ могла еще дѣлать исключеніе въ этомъ сборищѣ людей безъ вѣры и убѣжденій.

Ознакомившись съ персоналомъ страсбургскаго заговора, перейдемъ къ описанію самыхъ дѣйствій заговорщиковъ, заимствуя его изъ письма виновника этого заговора, письма писаннаго имъ въ 1836 г. къ своей матери, въ то время, когда онъ отправился, по распоряженію французскаго правительства, въ Америку.

«28 октября, въ одиннадцать часовъ вечера я пріѣхалъ въ Страсбургъ, пишитъ Лудовикъ-Наполеонъ; карета моя безъ всякаго затрудненія проѣхала въ отель, а самъ я помѣстился въ небольшой комнатѣ, нанятой для меня въ улицѣ ла-Фонтень.

«Здѣсь видѣлся я съ полковникомъ Водре и представилъ ему на разсмотрѣніе свой планъ дѣйствій; но полковникъ, благородныя и великодушныя чувства котораго заслуживаютъ лучшей участи, сказалъ мнѣ: «Здѣсь нельзя прибѣгать къ дѣйствию оружіемъ^{*)}; ваше дѣло слишкомъ французское и слишкомъ чистое, чтобы осквернить его пролитіемъ французской крови; существуетъ лишь одинъ способъ дѣйствій, достойный васъ, такъ какъ онъ избавитъ васъ отъ необходимости прибѣгать

---

^{*)} Какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь собственныхъ словъ Лудовика-Наполеона, онъ имѣлъ намѣреніе прибѣгнуть къ междоусобной войнѣ, и только полковникъ Водре удержалъ его отъ этого намѣренія.

къ оружію : когда вы станете въ главѣ моего полка, мы вмѣстѣ отправимся къ генералу Вуаролу ; старый служака не устоитъ при взглядѣ на васъ и на императорскихъ орловъ, въ особенности, когда узнаетъ, что за вами идетъ весь гарнизонъ.» Я согласился съ нимъ и мы рѣшили на слѣдующей же день привести планъ нашъ въ исполненіе. Одинъ изъ домовъ улицы сосѣдней съ аустерлицкимъ кварталомъ былъ нами нанятъ, съ тѣмъ, чтобы всѣмъ намъ сойтись въ этомъ домѣ и оттуда уже отправиться въ казарму, какъ скоро артиллерійскій полкъ будетъ въ сборѣ.

«29, въ одинадцать часовъ вечера, одинъ изъ друзей моихъ пришелъ за мной и мы отправились къ мѣсту общаго свиданія ; вдвоемъ мы прошли черезъ весь городъ.

«Прибывъ въ улицу, гдѣ находился нанятый нами домъ, я нашелъ друзей моихъ въ полномъ сборѣ. Я поблагодарилъ ихъ за преданность моему дѣлу и сказалъ, что съ этой минуты мы будемъ дѣлать вмѣстѣ все — и удачу и неудачу. Одинъ изъ офицеровъ принесъ орла, знамя это принадлежало 7-му линейному полку. «Орелъ Лабедоера!» воскликнули всѣ, и каждый изъ насъ съ чувствомъ обнялъ знамя.... Всѣ офицеры были въ полной формѣ, на мнѣ былъ артиллерійскій мундиръ и шляпа главнаго штаба.»

Лабедоеровскій орелъ, о которомъ такъ трогательно выражается Лудовикъ-Наполеонъ, было совершенно новое знамя, по заказу самого же Лудовика Бонапарта отлитое въ Нанси на заводѣ братьевъ Віо, что и доказано было на судѣ. Если сцена эта описана вѣрно, то что слѣдуетъ думать о человѣкѣ, играющемъ такъ легкомысленно довѣріемъ и наивнымъ энтузіазмомъ офицеровъ, приносившихъ себя въ жертву его дѣлу!

Что же касается парадной формы, въ которую одѣты были офицеры, то не лишнее будетъ сказать и объ этомъ два слова, чтобы дать понятіе о распредѣленіи ролей по усмотрѣнію новаго императора, въ приготовляемой имъ комедіи.

Паркснъ, командиръ муниципальной гвардіи, одѣтъ былъ маршаломъ.

Де-Керелль, экс-поручикъ легкаго пѣхотнаго полка, нашель приличнымъ за костюмироваться эскадроннымъ командиромъ.

Де-Грикуръ, никогда не служившій въ военной службѣ, на этотъ разъ облекся въ мундиръ главнаго штаба.

Фіалень, онъ же де-Персиныи, бывший квартирмейстеръ, одѣлся также офицеромъ главнаго штаба.

Наконецъ и самый глава всѣхъ этихъ за костюмированныхъ героевъ, говорящій такъ скромно о своемъ артиллерійскомъ мундирѣ и шляпѣ главнаго штаба, какъ извѣстно, былъ одѣтъ съ головы до ногъ въ историческій костюмъ императора Наполеона I, пачиная съ сапогъ и кончая лентой почетнаго легіона.

Условіе безъ сомнѣнія было такого рода, что еслибы попытка удалась, то всѣ дѣйствующія лица остались бы въ своихъ роляхъ и со всѣми тѣми атрибутами, которыя сопровождали ихъ костюмировку, т. е. чинами, орденами и лентами.

Лудовикъ-Наполеонъ, мастерски распредѣлившій въ страсбургскомъ дѣлѣ каждому свою роль, не забылъ заpastись и цѣлымъ рядомъ прокламацій, изъ которыхъ одну онъ прочиталъ въ ту же достопримѣчательную ночь, 29 октября 1836 г., на общемъ собраніи всѣхъ своихъ соучастниковъ и въ присутствіи полковника Водре.

Прокламацію эту мы находимъ также въ письмѣ Лудовика-Наполеона:

«Господа! вамъ извѣстно все неудовольствіе націи къ правительству, вамъ извѣстно также и то, что въ настоящее время нѣтъ ни одной партіи достаточно сильной, чтобы опрокинуть это правительство, и достаточно могущественной, чтобы въ случаѣ удачи, соединить всѣхъ французовъ. Бесиліе правительства, также какъ и бесиліе партій, происходитъ отъ того, что и правительство и партіи представляютъ лишь интересы какого либо одного класса общества, опираясь или на духовенство и дворянство, или на буржуазную аристократію, или наконецъ на однихъ пролетаріевъ.

«При подобномъ положеніи дѣлъ, существуетъ лишь одно знамя, способное связать всѣ партіи, знамя Франціи, а не партій, — это орелъ имперіи. Подъ этимъ знаменемъ, напоминающимъ дни великой славы, всѣ классы общества найдутъ себѣ мѣсто, оно есть представитель всеобщихъ правъ и интересовъ. Императоръ Наполеонъ I получилъ власть изъ рукъ французскаго народа, и власть эта была четыре раза освящена — тѣмъ же самымъ народомъ. Въ 1804 г. права наслѣдія въ императорскомъ семействѣ были признаны голосами четырехъ милліоновъ людей, съ тѣхъ поръ народъ болѣе не былъ спрошенъ.

«Какъ старшій между племянниками императора, я слѣдовательно могу считать себя представителемъ народнаго избранія, я не говорю имперіи, потому что въ теченіе двадцати лѣтъ идеи и потребности Франціи должны были измѣниться; но факты не уничтожаютъ принципа, онъ только можетъ быть уничтоженъ другимъ принципомъ; а принципъ избранія 1804 г. не могъ быть уничтоженъ ни 200,000 иноземцевъ 1815 г., ни палатою 1830 г.

«Наполеоновская система заключается въ томъ, чтобы дать цивилизаціи мирное и правильное движеніе, дать идеѣ свободное стремленіе, развивая при этомъ и матеріальные интересы, пріучить массы къ дисциплинѣ, согласно ихъ умственнымъ способностямъ, наконецъ соединить у алтаря отечества французовъ всѣхъ партій, вручивъ имъ знамя чести и славы. И такъ, возстановимъ народъ въ его правахъ, возстановимъ орла на нашихъ знаменахъ и упрочимъ наши учрежденія. Неужели, государи божественнаго права могутъ находить людей, которые готовы умирать за возстановленіе злоупотребленій власти и ея привилегій, а я, чье имя выражаетъ славу, честь и права народа, я обреченъ умереть одиноко въ изгнаніи!...»

«Нѣтъ, отвѣчали мои храбрые товарищи, — прибавляетъ Наполеонъ: вы не умрете одиноко, мы умремъ вмѣстѣ съ вами, или вмѣстѣ одержимъ побѣду во имя французскаго народа!»

Нельзя не замѣтить, что въ этой прокламаціи Лудовикъ-Наполеонъ предъявляетъ на Францію права какъ бы на родовое помѣстье своего дяди. Это тѣмъ болѣе было неумѣстно, что ему ни въ какомъ случаѣ не принадлежало въ 1836 г. право наслѣдованія. Сенатусъ-консультъ XII года, ст. 5 постановляла: «за неименіемъ Наполеономъ Бонапартомъ прямаго и законнаго наслѣдника, а также и наслѣдника признаннаго, императорская власть будетъ передана Іосифу Бонапарту и его прямымъ и законнымъ потомкамъ.»

Ст. 6. «За смертью Іосифа Бонапарта и за неимѣніемъ отъ него прямыхъ и законныхъ наслѣдниковъ мужскаго пола, императорская власть передается Лудовику Бонапарту и его законнымъ и прямымъ потомкамъ.»

Въ 1836 же году Юсифъ и Лудовикъ Бонапарты, т. е. дядя и отецъ страсбургскаго героя, были еще живы, слѣдовательно императорскій тронъ могъ въ то время принадлежать только Юсифу Бонапарту, а Лудовикъ-Наполеонъ не имѣлъ на него никакого права даже въ силу акта, на который онъ ссылался въ своей прокламаціи.

По произнесеніи рѣчи, приведенной нами выше, Лудовикъ-Наполеонъ сдѣлалъ всѣ распоряженія къ слѣдующему дню, предназначенному для выполненія его предпріятія. Мы приводимъ здѣсь опять выдержки изъ того же самого его письма, писаннаго къ королевѣ Гортензіи:

«Ночь показалась намъ необыкновенно длинной; я провелъ ее въ писаніи моихъ прокламацій, которыя изъ предосторожности не хотѣлъ печатать заблаговременно. Рѣшено было всѣмъ оставаться въ нанятомъ для насъ домѣ, до тѣхъ поръ, пока полковникъ Водре дастъ мнѣ знать, что пора отправиться въ казарму. Мы считали часы и минуты; шесть часовъ утра было время, назначенное для дѣйствій. Трудно изобразить словами что происходило въ моей душѣ! Въ подобномъ положеніи въ секунду проживается болѣе чѣмъ въ десять лѣтъ; жить — значитъ дѣйствовать разомъ всѣми внутренними способностями всего своего существа, а въ такія критическія минуты всѣ способности наши съ неимовѣрной силой устремляются на одну точку; минута эта рѣшаетъ судьбу всей нашей жизни. Крѣпость духа является лишь тогда, когда мы можемъ сказать себѣ: завтра я или буду освободителемъ моей отчизны, или умру за нея. Когда же обстоятельства слагаются такъ, что не случается ни

того, ни другаго, то человѣкъ достоинъ глубокаго сожалѣнія.»

Изъ этихъ строкъ можно заключить, что Франція въ 1836 г. была въ какой либо великой опасности и стояла на краю гибели. Но кому же не извѣстно, что при Луdivикъ-Филиппъ Франція была какъ нельзя болѣе миролюбиво настроена и ей не угрожала ни какая гибель, чему лучшимъ доказательствомъ служить самая неудача страсбургской попытки Луdivика-Наполеона, попытки, предпринятой имъ въ видахъ спасенія отечества. Не смѣшна ли такая претензія? Но всякій претендентъ старается всегда прикрыть свои собственные честолюбивые замыслы мнимой преданностью политическому дѣлу, а потому и Луdivикъ-Наполеонъ прикрывался фразами, называя себя освободителемъ Франціи, хотя въ 1836 году, никто, даже сами партизаны Луdivика-Наполеона, не считали его за освободителя. Что же касается опасности жизни, о которой онъ говоритъ, то и тутъ онъ хорошо зналъ, что Луdivикъ-Филиппъ не способенъ былъ послѣдовать примѣру Наполеона I и поступить подобно тому какъ поступлено было съ принцемъ Конде.

Но будемъ продолжать выдержки изъ письма страсбургскаго героя:

«Не смотря на принятыя предосторожности, шумъ отъ присутствія такого количества людей разбудилъ другихъ жильцовъ нашего дома; мы слышали какъ они отворяли окна; было пять часовъ и мы удвоили предосторожность. Скоро все опять стихло, жильцы заснули.

«Наконецъ пробило шесть часовъ! Никогда еще бой часовъ не раздавался съ такой силой въ моемъ сердцѣ; но удары его сдѣлались еще учащеннѣе, когда вдругъ раздался звукъ аустерлицкой трубы. Великая минута на-

ступала. Послышался шумъ на улицѣ и мимо нашихъ оконъ пробѣжали солдаты и проскакали кавалеристы. Я тотчасъ послалъ одного изъ офицеровъ узнать о причинѣ тревоги, полагая, что можетъ быть штабъ былъ извѣщенъ о нашихъ намѣреніяхъ и заговоръ нашъ былъ открытъ. Офицеръ вскорѣ вернулся съ извѣстіемъ, что шумъ происходилъ оттого, что полковникъ послалъ солдатъ за лошадьми, которыя не находились въ казармѣ, а въ другомъ мѣстѣ.

«Спустя нѣсколько минутъ мнѣ пришли сказать, что полковникъ Водре ждетъ меня. Исполненный надежды на успѣхъ я бросаюсь на улицу; Паркенъ, въ мундирѣ бригаднаго генерала, и начальникъ батальона съ орломъ въ рукахъ шли рядомъ со мною, двѣнадцать другихъ офицеровъ шли позади.

«Переходъ былъ короткій. Полкъ былъ выстроенъ по батальонамъ на самомъ дворѣ казармы за рѣшеткой; на плацу стояло сорокъ канонеровъ верхомъ.

«Полковникъ Водре стоялъ посреди двора, я направился прямо къ нему. Тогда полковникъ, высокая фигура и прекрасное лицо котораго выражали нѣчто величественное, выхватилъ изъ ноженъ свою шпагу и воскликнулъ: «Солдаты 4-го артиллерійскаго полка, въ настоящую минуту совершается великій переворотъ, вы видите здѣсь передъ собою племянника императора Наполеона, онъ явился для того, чтобы возстановить права народа; народъ и армія могутъ на него положиться. Вокругъ него должны собраться всѣ, кто любитъ славу, свободу и Францію. Солдаты! вы должны чувствовать, подобно вашему начальнику, все величіе того предпріятія, которое мы готовимся осуществить. Солдаты! можетъ ли племянникъ императора положиться на васъ?»

Это горячее воззваніе полковника Водре, вызвавшее всеобщій энтузіазмъ между артиллеристами, предварительно подогрѣто было раздачей по сорока Франковъ на батарею и болѣе двухсотъ Франковъ унтеръ-офицерамъ.

Послѣ горячаго привѣтствія со стороны солдатъ, племянникъ императора, окруженный своимъ импровизированнымъ штабомъ, выступилъ весьма робко и неловко передъ полкомъ и, вынувъ изъ кармана рукопись, началъ медленно, протяжно и съ иностраннымъ акцентомъ читать слѣдующую свою прокламацію :

«Рѣшившись побѣдить или умереть за дѣло Французскаго народа, я хотѣлъ прежде всего представиться вамъ, такъ какъ васъ и меня связываютъ великія воспоминанія: въ вашемъ полку дядя мой, императоръ Наполеонъ I. служилъ въ чинѣ капитана; съ вами онъ отличился при осадѣ Тулона и вашъ полкъ открылъ передъ нимъ двери Гренобля при возвращеніи его съ острова Эльбы. Солдаты! передъ вами новая будущность. Вамъ принадлежитъ честь начинать великое предпріятіе! Вы избраны привѣтствовать первыми аустерлицкаго и ваграмскаго орла!»

Вслѣдъ за тѣмъ, схвативъ знамя изъ рукъ де-Керелля, будущій императоръ поднесъ его солдатамъ, воскликнувъ: «Солдаты! вотъ символъ Французской славы, предназначенный сдѣлаться также и символомъ свободы. Въ теченіи пятнадцати лѣтъ знамя это водило отцевъ нашихъ къ побѣдамъ, развѣвалось на всѣхъ поляхъ битвы и побывало во всѣхъ столицахъ Европы. Солдаты! Согласны ли вы примкнуть теперь къ этому благородному знамени, которое я вручаю вашей чести, вашей храбрости? Согласны ли вы идти со мною противъ измѣнниковъ и угнетателей страны, при крикахъ: да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ свобода!»

Солдаты, заручившись денегными подарками и имѣя въ виду еще другія подобныя же награды, очень дружно прокричали: да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ Наполеонъ!

Ободренный такимъ приѣмомъ, Лудовикъ-Наполеонъ со всѣмъ полкомъ направился къ квартирѣ генерала Вуароля, въ надеждѣ увлечь его въ свою интригу. Но пусть герой нашъ самъ продолжаетъ разсказъ въ своемъ письмѣ:

«Мы пошли съ музыкой; радость и надежда сіяли на всѣхъ лицахъ. Рѣшено было явиться къ генералу, но не для того, чтобы приставить къ его груди пистолеть, а для того, чтобы поднести къ его глазамъ императорскаго орла. Намъ приходилось идти черезъ весь городъ. По дорогѣ я послалъ одного изъ офицеровъ въ типографію, для напечатанія моихъ прокламацій, другаго — чтобы арестовать префекта, и еще шестерыхъ съ разными частными порученіями. . . . .

«Прибывъ во дворъ квартиры генерала Вуароля, я, въ сопровожденіи Водре, Паркена и еще двухъ офицеровъ вошелъ въ комнату. Генераль еще не былъ одѣтъ; я сказалъ ему: «Генераль, я пришелъ къ вамъ какъ другъ; мнѣ было бы весьма больно возстановить наше старое трехцвѣтное знамя безъ участія такого стараго служаваго какъ вы; гарнизонъ стоитъ за меня, рѣшайтесь и слѣдуйте за мною.»

«Ему показали орла; но онъ оттолкнулъ его, сказавъ: «ваше высочество, васъ обманули; армія не забыла своихъ обязанностей и я сейчасъ докажу вамъ это.»

«Тогда я удалился, приказавъ пикету караулить ге-

нерала... но онъ вскорѣ выбѣжалъ изъ своей квартиры черезъ потаенную дверь.»

По официальнымъ же источникамъ, взятымъ изъ обвинительнаго акта и со словъ самого генерала Вуароля и постороннихъ свидѣтелей, сцена эта произошла нѣсколько иначе:

«...Нѣсколько инсургентовъ явились къ начальнику дивизіи, генералу Вуаролю, который еще былъ въ постели; одинъ изъ лакеевъ генерала едва имѣлъ время предупредить его, что въ гарнизонѣ вспыхнуло возстаніе и что солдаты явились къ нему на домъ. Генераль поспѣшилъ одѣться. Когда инсургенты вошли къ нему, онъ былъ готовъ къ ихъ принятію. Принцъ Лудовикъ-Наполеонъ въ сопровожденіи полковника Водре и Паркена выступилъ впередъ съ распростертыми объятіями. «Оставьте меня, воскликнулъ генераль, я васъ не знаю!» И обратясь къ заговорщикамъ сталъ порицать ихъ поступокъ.

— «Полноте, генераль, сказалъ принцъ, вы знали моего дядю и служили подъ его начальствомъ, возможно ли по этому, чтобы вы отвергли меня; подумайте о томъ, что вся Франція ждетъ меня съ нетерпѣніемъ.

— «Если вамъ это говорятъ, отвѣчалъ строго генераль, то васъ жестоко обманываютъ.» Потомъ обратясь къ полковнику Водре, онъ выразилъ ему глубокое свое прискорбіе и удивленіе видѣть его въ рядахъ подобной интриги.

— «Поведеніе ваше, прибавилъ Вуароль, доказываетъ страшную неблагодарность по отношенію ко мнѣ; я имѣлъ такое полное къ вамъ довѣріе и выказывалъ вамъ всегда столько расположенія.»

— «Вы обо мнѣ дурно судите, генераль, отвѣчалъ пол-

ковникъ: мое настоящее поведеніе служить напротивъ доказательствомъ моего къ вамъ уваженія, такъ какъ я пришелъ спасти васъ. Весь гарнизонъ въ возмущеніи, и всякое сопротивленіе съ вашей стороны будетъ бесполезно и только погубить васъ.» — «Нѣтъ, возразилъ генералъ, вы не проведете меня подобными увѣреніями; гарнизонъ исполнитъ свой долгъ, я въ этомъ увѣренъ, и вы скоро убѣдитесь въ своей ошибкѣ.»

«Во время этого горячаго спора три артиллерійскіе офицера и одинъ офицеръ главнаго штаба успѣли протѣсниться къ генералу; завязалась схватка, но спустя нѣсколько минутъ, генералъ Вуароль и присоединившіеся къ нему офицеры успѣли высвободиться отъ инсургентовъ.»

Такой недружелюбный пріемъ, встрѣченный у генерала Вуароля претендентомъ, произвелъ на него тяжелое впечатлѣніе, которое онъ описываетъ въ своемъ письмѣ слѣдующимъ образомъ:

«Когда я вышелъ отъ генерала, меня встрѣтили тѣ же самые возгласы: да здравствуетъ императоръ! но уже эта первая неудача меня глубоко огорчила; я къ ней не приготовился, убѣжденный, что одинъ взглядъ на орла пробудитъ въ старомъ генералѣ воспоминанія о прежней славѣ и увлечетъ его....»

Изъ дома генерала Вуароля, Лудовикъ-Наполеонъ и прочіе инсургенты направились къ казармѣ, гдѣ помѣщался 46 линейный полкъ. Явись въ казарму, они не нашли тамъ подготовленныхъ къ возстанію людей, а только въ распlohъ застигнутыхъ солдатъ, которымъ вдругъ объявили, что они видятъ передъ собой племянника великаго Наполеона; солдаты, узнавъ подобную новость, ожидали конечно увидѣть героя въ полномъ

смыслъ этого слова, блестящаго, съ выразительной наружностью, благородной, гордой осанкой, исполненнаго вдохновенія и краснорѣчія; но какого же было ихъ удивленіе при взглядѣ на маленькаго человѣчка, самой ничтожной наружности, объяснявшагося съ трудомъ, медленно, неловкаго, закостюмированнаго въ традиціонный скуртукъ павшаго героя, но не имѣвшаго съ нимъ ни малѣйшаго сходства ни въ лицѣ ни въ осанкѣ. И когда Лудовикъ-Наполеонъ, подойдя къ одному старому сержанту, сказалъ: «я сынъ императора,» тотъ отвѣтилъ ему презрительно: «э, братецъ! да ты никакъ меня дурачить захотѣлъ? сынъ императора давнымъ давно умеръ, а ты просто переряженная кукла.» *) Весь эффектъ, весь прежній успѣхъ, достигнутый стараніями полковника Водре, мигомъ разлетѣлся, такъ что даже артиллеристы, оказавшіеся сначала столь преданными, сильно поколебались. Къ довершенію разочарованія, на дворѣ казармы внезапно появился полковникъ 46 полка, Талландье; онъ приказалъ запереть рѣшетку и исполненный ярости, негодованія и презрѣнія, прямо подошелъ къ импровизированному императору и его штабу и, указывая на нихъ своимъ солдатамъ, въ сильныхъ выраженіяхъ отдалъ приказъ арестовать всѣхъ.

При такомъ неожиданномъ поворотѣ дѣла, Лудовикъ-Наполеонъ оторопѣлъ, растѣрялся и поспѣшилъ скрыться отъ грозныхъ взоровъ полковника въ глубину двора между стѣной и лошадьми, предоставивъ весь свой штабъ и преданныхъ ему людей на произволъ судьбы. Эти послѣдніе попытались было сопротивляться, но храброе поведеніе ихъ главы уже испортило все дѣло и имъ скоро

---

*) *Moniteur universel* 15 января 1837 г.

пришлось сдаться. Полковникъ Водре защищался до послѣдней крайности, онъ не позволилъ себя обезоружить иначе какъ въ комнатѣ казармы, куда его отвели.

Съ претендента же, взбѣшенный полковникъ Талландье собственноручно сорвалъ при всѣхъ на дворѣ эполеты, ленту, ордена и стопталъ ихъ ногами. Шпагу, которую мнимый императоръ и не думалъ пустить въ дѣло, полковникъ разломилъ на двое.

Заговорщика и его партизановъ отвели въ тюрьму.

Въ этомъ дѣлѣ Лудовикъ-Наполеонъ выказалъ полное отсутствіе личнаго мужества, достоинства, чести. Искусный интриганъ, настойчивый скрытный заговорщикъ, онъ ловко подготовлялъ обстановку, сочинялъ прокламаціи, раздавалъ роли и костюмы, но когда дѣло дошло до дѣйствія, гдѣ требовалась энергія, храбрость, гдѣ нужно было съ достоинствомъ поддержать свою роль и защищать себя и компрометированныхъ въ его дѣлѣ людей, онъ спрятался въ кусты и не сдѣлалъ ни одного движенія къ сопротивленію и къ отстраненію отъ себя того унизительнаго оскорбленія, которому подвергъ его грозный и разъяренный полковникъ Талландье. Равно и послѣ своего постыднаго пораженія онъ точно такъ же покорно принялъ «милость короля» выславшаго его вмѣсто наказанія въ Америку. Лудовикъ-Наполеонъ принесъ даже признаніе своего и своихъ сообщниковъ преступленія, написавъ : «Дѣйствительно мы всѣ виноваты; но самый виновный изъ всѣхъ это я.»

Подобное поведеніе, столь не гармонирующее съ той блестящей ролью, которую Лудовикъ-Наполеонъ замышлялъ для себя, было оцѣнено по достоинству и даже самими его партизанами; они видѣли въ этомъ дѣлѣ одну

лишь интригу. Въ особенности въ глазахъ арміи племянникъ великаго императора упалъ весьма низко.

Но какъ скоро жизни Лудовика-Наполеона перестаетъ грозить опасность, къ нему тотчасъ же возвращается все его присутствіе духа и онъ опять обращается къ своей роли и новымъ попыткамъ съ цѣлью приобрести популярность.

Послѣ ареста, когда его повели на гауптвахту, онъ встрѣтился тамъ съ Паркеномъ, который сказалъ ему, протягивая руку: «Принцъ, насъ всѣхъ растрѣляютъ, но мы умремъ мужественно.» — Да, отвѣчалъ Лудовикъ-Наполеонъ, мы проиграли прекрасное, благородное дѣло.»

Вскорѣ послѣ того, его навѣстилъ генераль Вуароль, и сказалъ ему: «Принцъ, вы не нашли во французской арміи сочувствія». Лудовикъ-Наполеонъ отвѣтилъ ему высокопарно: «скажите, лучше, генераль, что я нашелъ другаго Лабедоера.»

Мы видимъ, что даже и послѣ своего пораженія, Лудовикъ-Наполеонъ не переставалъ придерживаться своего идеала — волшебнаго появленія императора Наполеона въ 1815 г. на французской почвѣ. Онъ старался сопоставить свою неудачную попытку въ страсбургскомъ гарнизонѣ съ высадкою императора по возвращеніи съ Эльбы, не смотря на все различіе приѣма, сдѣланнаго въ обоихъ случаяхъ французской арміей.

Изъ гауптвахты, Лудовикъ - Наполеонъ переведенъ былъ въ новую страсбургскую тюрьму.

«И такъ, пишеть онъ къ своей матери, я запертъ въ четырехъ стѣнахъ, съ рѣшеткою у окна, въ помѣщеніи преступниковъ. О! кто испыталъ внезапный переходъ отъ полнаго торжества, благородныхъ иллюзій, къ крайнимъ

несчастіямъ, не оставляющимъ даже и надежды, тому понятно, что теперь происходитъ въ моей душѣ!»

Если Лудовикъ-Наполеонъ дѣйствительно чувствовалъ такъ глубоко всю безнадежность своего несчастія, то отчего же пятнадцать лѣтъ позже, когда онъ сдѣлался президентомъ республики, онъ не задумался погубить болѣе сотни тысячъ жертвъ, все преступленіе которыхъ заключалось лишь въ томъ, что они не хотѣли допустить его нарушить клятву, принесенную конституціи и общественной свободѣ? Онъ разослалъ этихъ несчастныхъ въ жгучія степи Африки, въ гнилыя болоты Гвианы, на галеры; смѣшалъ ихъ съ каторжниками, предалъ ихъ смерти. Многіе заплатились за свой честный и благородный образъ мыслей своими головами. Подобное сопоставленіе хорошо обрисовываетъ характеръ Лудовика-Наполеона.

Но возвратимся къ его письму.

«На допросѣ мы всѣ вновь свидѣлись. Де-Керелль пожалъ мнѣ руку, произнося громкимъ голосомъ: «Принцъ, не смотря на пораженіе, я все же горжусь тѣмъ, что сдѣлалъ.» Меня подвергли допросу: я былъ спокоенъ и готовъ къ отвѣтамъ.

«На вопросъ: что побудило меня такъ дѣйствовать? я отвѣчалъ:

«Мои политическія убѣжденія и мое желаніе увидѣть вновь отечество, котораго меня лишало чужезное вторженіе. Въ 1830 г. я просилъ, чтобы на меня смотрѣли какъ на гражданина, но на меня смотрѣли какъ на претендента, — я и дѣйствовалъ послѣ этого какъ претендентъ.

— «Вы намѣрены были учредить военное правитель-ство?»

«Я намѣренъ былъ учредить правительство народнаго избранія.

— «Что думали вы дѣлать въ случаѣ удачи предпріятія?

«Я собралъ бы національный конгрессъ.»

Правительство Лудовика-Филиппа сдѣлало великую ошибку, продолжая прилагать къ семейству Бонапарта законъ 14 января 1816 г., возобновивъ законъ этотъ 11 апрѣля 1832 г., по которому всѣ потомки Наполеона I прямые и косвенные навсегда изгонялись изъ Франціи. Этимъ самымъ дѣйствіемъ правительство придавало слишкомъ большое значеніе членамъ императорскаго семейства. Лудовикъ-Наполеонъ былъ гораздо опаснѣе какъ изгнанникъ, нежели могъ бы быть опасенъ внутри Франціи, какъ ея гражданинъ. И если бы ему тогда вздумалось интриговать противъ правительства, то его, какъ гражданина, тогда легче было бы подвести подъ общій законъ, и легче было бы наблюдать за нимъ вблизи, чѣмъ изъ далека. Перевозить прахъ Наполеона и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать изгонять членовъ его семейства были двѣ несогласимыя вещи. Подобное противорѣчіе даетъ вѣрное понятіе о Тьеръ, бывшемъ въ то время президентомъ совѣта министровъ. Что же касается идеи Лудовика-Наполеона объ учрежденіи правительства *народнаго избранія*, то она намъ теперь уже извѣстна послѣ его *сour d'Etat* 1851 г. равно какъ и то, что понималъ онъ подъ словами *собрать національный конгрессъ*.

Но вернемся къ письму Лудовика-Наполеона, гдѣ онъ продолжаетъ описывать свой арестъ.

«Я объявилъ, пишетъ онъ, что такъ какъ я одинъ велъ все свое дѣло и я одинъ увлекъ другихъ, то и отвѣтственность должна подать на меня одного. Возвратясь

въ тюрьму, я бросился на постель и не смотря на душевныя муки, сонъ вскорѣ успокоилъ мои возбужденныя нервы; сонъ, какъ видно, не покидаетъ несчастныхъ, онъ бѣжитъ только отъ упречной совѣсти. Но все же пробужденіе было ужасно! Мнѣ казалось, что меня давилъ страшный кошмаръ: болѣе всего страдалъ я за моихъ соучастниковъ; поэтому я написалъ къ генералу Вуаролю, прося его принять участіе въ судьбѣ полковника Водре, такъ какъ неудача моей попытки произошла можетъ быть отъ его привязанности и уваженія къ генералу, заставивъ полковника дѣйствовать менѣе энергично, чѣмъ слѣдовало. Я окончилъ письмо просьбою о томъ, чтобы вся кара закона обрушилась на одного меня, такъ такъ я одинъ только виновенъ и я одинъ только страшенъ.»

Если дѣйствительно вѣрно, какъ то говоритъ Лудовикъ-Наполеонъ, что *сонъ бѣжитъ лишь отъ упречной совѣсти*, то что долженъ былъ испытывать вѣроломный авторъ 2 декабря 1851 г., послѣ всѣхъ совершенныхъ имъ преступленій? Что же касается его просьбы, выраженной въ письмѣ къ генералу Вуаролю, о томъ, чтобы вся тяжесть закона обрушилась на него одного, такъ какъ *страшенъ лишь онъ одинъ*, она намъ кажется весьма смѣшной и наивной послѣ его далеко не храброго поведенія въ казармѣ. Нечего сказать, онъ не польстилъ этимъ никому изъ своихъ сообщниковъ. Вслѣдствіе этого вѣроятно жюри и оправдали всѣхъ обвиненныхъ.

«Девятаго ноября, пишетъ Лудовикъ-Наполеонъ, мнѣ пришли сказать, что меня переведутъ въ другую тюрьму. Я вышелъ, генералъ и префектъ посадили меня въ свою карету, не сказавъ мнѣ ни слова куда меня везутъ. Я настаивалъ, чтобы меня не разлучали съ моими злополучными товарищами, но правительство рѣшило иначе. При-

бывъ въ префектуру, я нашелъ готовыми двѣ почтовые кареты, въ одну изъ нихъ сѣлъ я съ Кюльнатою, начальникомъ сенской жандармеріи, и поручикомъ Тибулетомъ, въ другую помѣстились четыре унтеръ-офицера.

«Когда я увидѣлъ, что приходится разставаться съ Страсбургомъ и что меня разлучаютъ съ прочими обвиненными, я почувствовалъ невыразимое страданіе. И такъ, меня принуждаютъ покинуть людей, оказавшихъ мнѣ столько преданности! меня лишаютъ возможности высказать передъ судомъ мои оправданія, мои мысли и намѣренія! Меня заставляютъ принять благодареніе отъ того, кому я болѣе всѣхъ хотѣлъ сдѣлать зла! Я не выдержалъ и разразился въ жалобахъ и протестѣ!...»

Претендентъ этотъ, арестованный за подстрекательство солдатъ къ возмущенію съ цѣлью своего личнаго честолюбія, и который самъ въ подобномъ случаѣ велѣлъ бы разстрѣлять безъ суда и милости всякаго заговорщика, кто былъ бы захваченъ подобно ему на самомъ дѣлѣ преступленія, — въ то время жаловался на то, что его разлучаютъ съ его товарищами и лишаютъ возможности защищать себя и высказать свои мысли и намѣренія; а когда 2 декабря 1851 г. онъ совершилъ свой позорный заговоръ противъ націй, то нашелъ весьма естественнымъ арестовать, не заговорщиковъ, но гражданъ, защитниковъ права, и лишить ихъ не только возможности защищать себя, но даже велѣлъ безъ суда сослать ихъ на галеры.

Правительство Лудовика-Филиппа какъ нельзя лучше обращалось съ Лудовикомъ-Наполеономъ, онъ самъ даже говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ матери:

«Оба офицера, сопровождавшіе меня, были офицеры имперіи и друзья Шаркена, они оказывали мнѣ всевоз-

можную предупредительность, такъ что я могъ думать, что путешествую съ друзьями. 11 числа въ два часа я прїѣхалъ въ Парижъ прямо въ префектуру полиціи. Префектъ былъ со мною очень вѣжливъ и объявилъ мнѣ, что вы (т. е. мать Лудовика Бонапарта) прїѣзжали во Францію просить короля о помилованіи и что черезъ два часа я отправлюсь въ Лоріентъ, а оттуда поѣду на французскомъ фрегатѣ въ Соединенные Штаты.

«Я рѣшился написать къ королю и высказать ему, что находясь въ тюрьмѣ за то, что поднялъ оружіе противъ его правительства, я болѣе всего страшусь его великодушія, такъ какъ оно лишаетъ меня самаго сладостнаго утѣшенія — возможности раздѣлить участь злополучныхъ товарищей моихъ. Я прибавилъ, что жизнью своей я не дорожу, но признательность моя къ нему будетъ безгранична, если онъ пощадитъ жизнь старыхъ служивыхъ, остатки нашей старой арміи, которыхъ я увлекъ и обольстилъ славными воспоминаніями прошедшаго.»

Хотя Лудовикъ-Наполеонъ очень хорошо зналъ, что правительство Лудовика-Филиппа не намѣрено было тронуть ни одного волоса на головѣ заговорщиковъ, все же онъ письмомъ этимъ доказалъ, что когда ему есть время для размышленія, то онъ умѣетъ прикинуться честнымъ человѣкомъ. Одно только остается не разгаданнымъ: зачѣмъ Лудовикъ-Наполеонъ, такъ много говорившій о своемъ желаніи раздѣлить участь товарищей, вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ съ благодарностью милость короля и писалъ по поводу этого Одилону Барро: «Вы видите какъ виноватъ я передъ правительствомъ! А все же правительство было великодушно ко мнѣ, оно повяло мое положеніе изгнанника и что моя любовь къ родной странѣ и

родство съ великимъ человѣкомъ были единственныя побудительныя причины моихъ дѣйствій.»

Непонятно, почему Лудовикъ-Наполеонъ далъ слово правительству Лудовика-Филиппа не возвращаться изъ Америки ранѣе десяти лѣтъ? Если онъ такъ желалъ раздѣлять участь своихъ товарищей, то ему стоило только не соглашаться на десятилѣтнее пребываніе въ новомъ свѣтѣ, и тогда ему пришлось бы явиться передъ судомъ вмѣстѣ съ своими товарищами. Но онъ не только согласился на условіе, предложенное ему королевскимъ правительствомъ уѣхать въ Америку и не возвращаться въ Европу ранѣе десяти лѣтъ, но поступилъ при этомъ еще такъ педеликатно и такъ неприлично, что принялъ 15,000 франковъ отъ того самаго правительства, противъ котораго велъ свой заговоръ.

Далѣе мы увидимъ, что онъ точно также сдержалъ свое слово относительно правительства Лудовика-Филиппа, какъ сдержалъ свою присягу въ вѣрности республикѣ и конституціи.

Послѣ всего, что мы рассказали здѣсь о страсбургской попыткѣ, не трудно понять, что еслибы Лудовикъ-Наполеонъ былъ человѣкъ одаренный истиннымъ мужествомъ и способностью дѣйствовать какъ слѣдуетъ, то дѣло его имѣло бы непремѣнный успѣхъ. Такъ какъ за него уже былъ весь 4-й артиллерійскій полкъ, и онъ успѣлъ арестовать префекта и генерала Вуароля, ему оставалось лишь, вмѣсто того, чтобы выставять на показъ, переходя изъ казармы въ казарму, свою смѣшную фигуру, закостюмированную въ дядюшкино платье, отправиться прямо къ ратушѣ, окружить ее своими солдатами и пушками, поднять народъ, учредить инсуррекціонное правительство, оставаясь главнымъ его начальникомъ,

назначить полковника Водре на мѣсто генерала, Вуароля начальникомъ 5-й дивизіи, Паркена начальникомъ крѣпости, Фіалена, или кого другаго, префектомъ Нижняго Рейна, и нѣтъ сомнѣнья, что такое смѣлое и быстрое распоряженіе увлекло бы народъ и армію, находившуюся въ Страсбургѣ, и какъ знать, что произошло бы и въ другихъ городахъ? Во всякомъ случаѣ герой страсбургской комедіи не попался бы тогда на подобіе того, какъ онъ попался въ казармѣ, какъ крыса въ ловушку.

Лудовикъ-Наполеонъ такъ дурно заявилъ себя въ страсбургской попыткѣ, что когда по возвращеніи изъ Америки, онъ снова задумалъ заговоръ противъ правительства Лудовика-Филиппа, ни одинъ изъ штабъ-офицеровъ не рѣшился уже содѣйствовать ему. Когда послѣ назначенія своего въ президенты республики, обладая сильной арміей, онъ предлагалъ самымъ способнымъ изъ французскихъ генераловъ оказать ему помощь противъ республики, ни одинъ изъ этихъ генераловъ не согласился на его предложеніе и всѣ поспѣшили отвергнуть его; такъ что ему пришлось обратиться къ генераламъ обезславленнымъ, каковы: Маньянъ, Сентъ-Арно и имъ подобные, и эти также согласились быть его соучастниками лишь въ такомъ случаѣ, если онъ имъ впередъ выплатитъ чистыми деньгами и сверхъ того дастъ письменные документы, снимавшіе съ нихъ, въ случаѣ неудачи, всякую отвѣтственность; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ обѣщать имъ не вмѣшиваться въ ихъ распоряженія.

Въ то время когда Лудовикъ-Наполеонъ плылъ въ Америку, соучастники его всѣ до одного были оправданы судомъ Нижняго Рейна.

Не смотря на осмѣяніе, которому, послѣ неудачи страсбургской попытки, подвергалось имя и личность

Лудовика - Наполеона Бонапарта, онъ, возвратясь изъ Америки ранѣе обязательнаго срока, напечаталъ въ Лондонѣ чрезъ посредство Персиньи оправдательную брошюру о страсбургскомъ событіи. Но такъ какъ сочиненій его не дозволялось ввозить во Францію, то онъ рѣшилъ издать свою брошюру въ самомъ Парижѣ. Выполненіе этой задачи принялъ на себя Арманъ Лети; онъ въ маѣ 1838 г. пріѣхалъ изъ Арнеберга въ Парижъ и издалъ подъ своимъ именемъ брошюру подъ заглавіемъ *Принцъ Наполеонъ въ Страсбургъ*.

Правительству Лудовика-Филиппа очень не нравилось подобное изданіе, и оно весьма искусно вмѣшалось, отдавъ изданіе это на разсмотрѣніе парижскаго суда, и тѣмъ самымъ обратило на брошюру всеобщее вниманіе; авторъ только этого и желалъ. Арманъ Лети, подписавшій подъ сочиненіемъ свое имя, былъ арестованъ и привлеченъ къ суду, что дало ему случай порисоваться въ роляхъ защитника *наполеоновской идеи* и получить въ награду за свою преданность племяннику императора и за пятилѣтнее пребываніе въ тюрьмѣ, по приговору суда — неожиданное наслѣдство отъ одного стараго генерала временъ имперіи, завѣщавшаго ему, по сочувствію, все свое состояніе, приносящее болѣе 20 тысячъ франковъ дохода.

Лети выдавалъ себя передъ судомъ за демократа и республиканца, дабы придать болѣе популярности своему бонапартистскому фетишизму. Но это нисколько однако не помѣшало ему постоянно говорить о *правахъ принца*, который по его мнѣнію *лучше всѣхъ отвѣчаетъ требованіямъ Франціи*. Лети сказалъ, между прочимъ, «что пощадивъ Лудовика-Наполеона, король французовъ

тѣмъ самымъ вынужденъ признать въ лицѣ принца наполеоновскую династію.»

Бонапартистская партія — это есть самый любопытный политическій хамелеонъ: она принимаетъ всевозможныя цвѣта и мнѣнія. Въ страсбургскомъ дѣлѣ мы видѣли въ этой партіи участіе людей всѣхъ убѣждений, или вѣрнѣе сказать совсѣмъ безъ убѣждений, безъ чести и нравственности. Для людей бонапартистской партіи нѣтъ ничего священнаго, ничего достойнаго уваженія, нѣтъ ни вѣры, ни присяги.

Президентъ парижскаго суда прочелъ Арману Лети мѣсто изъ письма Лудовика-Наполеона къ Одилону Барро, письма, входившаго также въ составъ брошюры, и гдѣ говорилось: «Вы видите, милостивый государь, что я ихъ увлекъ всѣмъ тѣмъ, что только можетъ расшевелить сердце француза; они мнѣ возражали, что принесли присягу въ вѣрности существующему правительству, а я напомнилъ имъ, что они въ 1815 г. присягнули Наполеону II и его династіи; вторженіе, сказалъ я имъ, освобождаетъ васъ отъ вашей клятвы; только сила можетъ возстановить то, что уничтожено было силой.» Лети возразилъ на это, «что всѣ присяги есть ничто иное какъ обезьянство, и нарушеніе ихъ не составляетъ никакого преступленія.»

Таково убѣжденіе наполеоновской партіи.

III

БУЛОНСКАЯ ВЫСАДКА.

Въ ночь на 6 августа 1840 года пароходъ *Château d'Edimbourg* бросилъ якорь недалеко отъ Вимера близъ Булони; около двухъ часовъ ночи шлюпка, наполненная пассажирами, отдѣлилась отъ пакетбота и погребла къ берегу. Находившіеся на караулѣ три таможенные солдата окликнули ее; люди, бывшіе въ шлюпкѣ, отвѣчали, что они солдаты 40-го линейнаго полка, ѣхавшіе изъ Дюнкирхена въ Шербургъ, и что такъ какъ у нихъ сломалось на пакетботѣ колесо, то они должны были высадиться на берегъ.

Таможенные служители, которые дѣйствительно увидѣли, что на берегъ высаживаются человѣкъ пятнадцать солдатъ въ мундирахъ 40-го линейнаго полка, сначала нисколько не усомнились въ правдивости даннаго имъ отвѣта. Но едва высадившіеся приблизились къ нимъ, какъ тотчасъ же скрестили надъ ними штыки и сказали имъ: «Не дѣлайте никакихъ прештствій высадкѣ, иначе съ вами поступятъ какъ съ бедуинами.» И затѣмъ шлюпка возвратилась къ пакетботу и въ три пріема перевезла на берегъ остальное находившееся на немъ войско.

Пятеро другихъ стражниковъ, дѣлавшихъ обходъ, были также арестованы и захвачены въ плѣнъ вмѣстѣ съ ихъ товарищами.

Изъ Булони прибыли на берегъ какія-то четыре личности, распѣловались со многими изъ прибывшихъ военныхъ, и послѣдніе вручили имъ офицерскіе мундиры, въ которые они тотчасъ же и одѣлись. Въ это время случайно проходилъ мимо одинъ таможенный поручикъ, котораго высадившіеся также арестовали и потребовали отъ него, чтобы онъ указалъ имъ дорогу въ Булонь. Высадившихся было человѣкъ 60 или 70, изъ которыхъ около 30 были одѣты въ солдатскіе мундиры 40-го линейнаго полка и приблизительно столько же въ офицерскіе мундиры всевозможныхъ чиновъ и степеней.

Всѣ построились въ колонну и вскорѣ двинулись въ путь къ Булони; тщетно таможенный поручикъ отказывался слѣдовать за ними, его самого и его команду принудили силою идти вмѣстѣ съ ними и служить имъ проводникомъ.

Этотъ небольшой отрядъ дѣлалъ дорогой нѣсколько приваловъ и истреблялъ въ огромномъ количествѣ шампанское и водку; почти у всѣхъ въ рукахъ были бутылки: а карманы набиты были золотомъ.

Когда отрядъ поравнялся съ колонной, стоящей предъ входомъ въ городъ, большая часть солдатъ, его составлявшихъ, были пьяны.

До тѣхъ поръ захваченные въ плѣнъ несчастные таможенные стражники не знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло: они думали, что попались въ руки смѣлыхъ контрабандистовъ и далеко не подозрѣвали истины; поэтому весьма понятно, что безпокойство таможеннаго поручика еще болѣе увеличилось, когда одинъ изъ спутниковъ, гене-

нераль Монтолонъ, подошелъ къ нему и сказалъ: — «Знаете-ли вы, что въ главѣ насъ идетъ принцъ Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, что Булонь принадлежитъ намъ и что черезъ нѣсколько дней принцъ будетъ провозглашенъ императоромъ, націей, которая его желаетъ видѣть на престолѣ, и министерствомъ, которое его ожидаетъ.

— То, о чемъ вы меня извѣщаете, дѣлаетъ положеніе мое и моей команды еще болѣе критическимъ, чѣмъ я сначала думалъ; прошу васъ теперь, когда вы видите Булонь и дорогу, которая туда ведетъ, позвольте мнѣ возвратиться къ своему посту вмѣстѣ съ моими солдатами, — просилъ поручикъ.

Генераль отказалъ ему въ этомъ, потребовавъ, чтобы онъ проводилъ его отрядъ еще дальше; онъ предложилъ ему 1,200 франковъ пенсіи отъ имени принца, если онъ къ нимъ присоединится, но этотъ честный офицеръ отказался. Четверть часа спустя поручикъ повторилъ свою просьбу и затѣмъ обратился къ самому принцу, который позволилъ ему возвратиться къ своему посту, съ тѣмъ, чтобы онъ не говорилъ никому ни слова о происшедшемъ.

Такимъ образомъ таможенные служащіе могли возвратиться, но четверо вооруженныхъ людей сопровождали ихъ до колонны, наблюдая, слѣдуютъ ли они по указанной дорогѣ. Прежде чѣмъ разстаться съ ними, штабъ-офицеръ, который ихъ конвоировалъ, подошелъ къ поручику Бальи и хотѣлъ предложить ему горсть золота, но и эта новая попытка подкупа была отвергнута съ негодованіемъ; таможенные солдаты, которымъ было сдѣлано такое же предложеніе, также его отвергли, за исключеніемъ одного, принявшаго небольшую сумму, за что онъ и былъ уволенъ отъ службы.

Вскорѣ вооруженный отрядъ вступилъ въ городъ; въ

главъ его шли постоянно гг. Монталонъ и Паркенъ, одѣтые въ генераль-лейтенантскіе мундиры, а посреди ихъ шелъ человекъ довольно низкаго роста, одѣтый въ обычный костюмъ Наполеона I. По его сильно загнутаго носу, по его безжизненному взгляду, по его короткимъ ногамъ, его неувѣренной походкѣ, легко было узнать въ немъ бывшаго страсбургскаго инсургента, который явился во второй разъ попытать счастья, на берегу моря, хотя это счастье такъ жестоко обмануло его, четыре года назадъ, на берегахъ Рейна.

Претендентъ на императорскій престолъ потратилъ на этотъ разъ немного воображенія; обстановка была таже самая, только кортежъ былъ болѣе многочисленный, и кромѣ того онъ озаботился нарядить всѣхъ своихъ слугъ солдатами 40-го линейнаго полка, который содержалъ гарнизонъ въ Дюнкирхенѣ; для этой цѣли онъ велѣлъ изготовить въ Англіи мундиры, подобные мундирамъ этого полка. Многіе изъ его бывшихъ товарищей страсбургской экспедиціи находились вмѣстѣ съ нимъ, какъ-то: гг. Паркенъ, Персиньи и де-Керель. Г. Водре отказался на этотъ разъ участвовать въ этой новой экспедиціи. Но онъ былъ замѣнецъ генераломъ графомъ Монталонемъ, полновниками Вуазеномъ и Боффе де-Монтабаномъ, комендантомъ Мезонапомъ и пр. и пр., а также полсотнею другихъ лицъ, одѣтыхъ, какъ мы сказали, въ мундиры солдатъ 40-го линейнаго полка.

Кортежъ Лудовика-Наполеона Бонапарта, вступивъ въ улицу Grande Rue, принялся кричать изо всѣхъ силъ: «да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ императоръ!» направляясь къ казармамъ, бывшимъ въ то время занятыми нѣсколькими ротами 42-го линейнаго полка.

Мы прерываемъ здѣсь нашъ рассказъ, чтобы привести

и разобрать разныя прокламаціи, которыя Лудовикъ-Наполеонъ приготовилъ для этого новаго предпріятія.

Вотъ первый изъ этихъ документовъ, съ которымъ онъ обратился къ солдатамъ булонскаго гарнизона :

«Солдаты! Франція предназначена для того, чтобы повелѣвать, а между тѣмъ она повинуется. Вы составляете лучшую часть народа, а между тѣмъ васъ трактуютъ какъ жалкое стадо.... Назначеніе ваше защищать національную честь, а между тѣмъ ваше оружіе обращаютъ противъ вашихъ братьевъ. Тѣ, которые вами управляютъ, желаютъ унижить благородное ремесло солдата! Вы пришли въ негодование и стали искать, куда дѣвались орлы Арколя, Аустерлица и Іены. Вотъ эти орлы! Я вамъ ихъ приношу, возьмите ихъ; съ ними вы будете имѣть славу, честь, богатство и, что дороже всего этого — признательность и уваженіе вашихъ согражданъ.

«Солдаты! между вами и мною существуютъ неразрывные узы; у насъ одна и та же ненависть и одна и та же любовь, одни интересы и одни и тѣ же враги.

«Солдаты! Великая тѣнь Наполеона говоритъ вамъ моими устами. Спѣшите, пока она переплываетъ океанъ, прогнать измѣнниковъ и угнетателей, и покажите ей, когда она явится, что вы достойные сыны великой арміи и что вы вновь приняли тѣ священныя эмблемы, которыя въ продолженіи сорока лѣтъ заставляли трепетать враговъ Франціи, въ числѣ которыхъ находятся тѣ, кто вами нынѣ управляетъ.

«Солдаты! Къ оружію! Да здравствуетъ Франція!»

Читатель видитъ, что это новая прокламація Лудовика-Наполеона Бонапарта къ солдатамъ не менѣе утрирована и не менѣе смѣшна, какъ и та, которую онъ издалъ къ солдатамъ въ Страсбургѣ; онъ въ особенности

настаиваетъ на эпитетахъ «измѣнники и угнетатели», которыми снова клеймитъ правительство Лудовика-Филиппа. Спрашивается, кому они измѣнили? Они никогда не нарушали открыто хартіи; они никогда не провинились въ чемъ бы то ни было, что походило бы на измѣну, на клятвопреступленіе и западню 2-го декабря; и іюльское правительство нельзя сравнить съ деспотизмомъ, тяготѣвшимъ надъ Франціей съ 1851 г. Если тронъ Лудовика-Филиппа зиждѣлся на искусственныхъ политическихъ подмосткахъ, на буржуазной олигархіи, то по крайней мѣрѣ онъ не обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ преступленію и не безчестилъ народнаго самодержавія позорнымъ примѣненіемъ всеобщей подачи голосовъ, въ томъ видѣ, какъ организовалъ ее Наполеонъ III. Лудовикъ-Филиппъ не замѣнилъ волю цѣлаго народа личнымъ управленіемъ, волею и прихотью самовластнаго и безсовѣстнаго деспота. Онъ не уничтожилъ разомъ всѣхъ вольностей, свободу печати, трибуну, даже избирательную свободу, право составлять избирательные комитеты, право избирать и даже предлагать оппозиціонныхъ кандидатовъ. Читая эту прокламацію и вспоминая при этомъ объ измѣнѣ 2-го декабря, нельзя не удивляться, до какой степени Карлъ-Лудовикъ-Наполеонъ способенъ прибѣгать ко лжи и клеветѣ и съ какимъ ужасающимъ цинизмомъ онъ обманывалъ своими обѣщаніями народъ.

Рядомъ съ этой прокламаціей къ арміи Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ счелъ нужнымъ обратиться съ подобной же прокламаціей къ жителямъ департамента Па-де-Кале.

«Жители департамента Па-де-Кале и Булони! Въ сопровожденіи небольшого числа храбрыхъ я высадився на французскую почву, ступить на которую мнѣ воспре-

щаль несправедливый законъ. Не бойтесь моей отважности; я явился для того, чтобы упрочить судьбы Франціи, а не для того, чтобы подвергать ихъ опасности. У меня есть сильные друзья за границей, также какъ и внутри Франціи, которые обѣщали мнѣ поддержать меня. Сигналь подавъ, и вскорѣ вся Франція, и въ особенности Парижъ, возстанетъ массою, чтобы поправить десять лѣтъ лжи и безславія; ибо всѣ города, также какъ и всѣ хижины, должны потребовать у правительства отчета въ частныхъ интересахъ, которыми оно пренебрегло, и въ общихъ интересахъ, которымъ оно измѣнило.

«Взгляните на ваши опустѣлыя палаты; взгляните на ваши суда, безъ пользы лежащія на берегу; взгляните на ваше трудолюбивое населеніе, которому нечѣмъ кормить своихъ дѣтей, потому что правительство не имѣло смѣлости защитить его торговлю, и воскликните вмѣстѣ со мною: «Измѣнники, удалитесь! наполеоновскій духъ, который заботится лишь о благѣ народа, приближается, чтобы уличить васъ.

«Жители Па-де-Кале, не вѣрьте, чтобы узы, связывающія васъ съ нашими заморскими сосѣдями, были порваны.

«Бренныя останки императора и императорскій орелъ возвращаются изъ изгнанія съ чувствами любви и примиренія. Два великіе народа созданы для того, чтобы жить въ мирѣ между собою, и славная колонна, гордо возвышающаяся у берега, какъ воспоминаніе о войнѣ, сдѣлается очистительнымъ памятникомъ нашей прошлой ненависти.

«Жители Булони, которую Наполеонъ такъ любилъ, вы сдѣляетесь первымъ звеномъ въ цѣпи, которая сое-

динить всѣ образованные народы ; ваша слава никогда не погибнетъ и Франція возблагодаритъ великодушныхъ людей, кототорые первые привѣтствовали своими восклицаніями аустерлицкое знамя.

«Жители Булони, обратитесь ко мнѣ и имѣйте вѣру въ миссію, назначенную провидѣніемъ, которую завѣщаль мнѣ мученикъ св. Елены. Съ высоты колонны великой арміи геній императора бодрствуетъ надъ нами и онъ рукоплещетъ нашимъ усиліямъ, потому что они имѣютъ только одну цѣль—счастіе Франціи».

Такъ видно, эта прокламація, обращенная къ жителямъ Па-де-Кале, столь же эксцентрична, какъ и прокламація къ солдатамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она гораздо комичнѣе; трудно не расхохотаться, когда подумаешь, что это было за *«небольшое число храбрыхъ» сопровождавшихъ* Лудовика-Наполеона въ Булонь. Изъ 70 человекъ, высадившихся вмѣстѣ съ нимъ, было приблизительно десять отставныхъ офицеровъ; всѣ они были произведены принцемъ въ высшіе чины, начиная съ чина подполковника до чина маршала; даже тѣ, которые не захотѣли участвовать въ экспедиціи, какъ напр. полковникъ Водре и корсиканецъ Баччіоки, камергеръ короля виртембергскаго и кузень принца, были сдѣланы: первый—артиллерійскимъ полковникомъ, первымъ адъютантомъ принца, а второй—начальникомъ штаба. Генераль Монтолонъ, полковникъ Буазенъ и графъ Мезонанъ были генералами при главномъ штабѣ. Послѣ отставныхъ офицеровъ, составлявшихъ штабъ принца, является вся его придворная челядь, именно: секретари, поставщики, банкиры, негоціанты, рантье, инженеры, врачи и пр., которымъ всѣмъ онъ далъ высшіе чины и должности; между прочими: Конно, врачъ принца, назначенъ былъ штабъ-докторомъ; знаменитый Фіаленъ,

назвавшій себя виконтомъ де-Персиньи, бывшій унтеръ-офицеръ, игравшій такую жалкую роль въ Страсбургѣ, былъ назначенъ командиромъ конныхъ гидовъ, что ему должно было доставить случай облечься въ свой прежній алый доломанъ, съ которымъ онъ разстался съ такимъ сожалѣніемъ, и къ которому онъ всегда имѣлъ такое пристрастіе, и пр. и пр. Наконецъ третья категорія «храбрыхъ», слѣдовавшихъ за Лудовикомъ-Наполеономъ Бонапартомъ, состояла изъ его низшей прислуги: лакеевъ, метръ-д'отелей, valets de pied, конюховъ, курьеровъ, охотниковъ, кучеровъ, садовниковъ, поваровъ, чернорабочихъ и пр. Всѣ эти «храбрые» были одѣты въ костюмъ 40-го линейнаго полка и имѣли разные чины: простые слуги были капралами, повара, лакеи—сержантами, фурьерами и пр.; большая часть, болѣе 52, были иностранцы; а именно: баварцы, баденцы, романьолы, женеvцы, ваатландцы, тургауцы, савояры, поляки, флорентинцы и пр. и пр. Французы, если даже причислить къ нимъ нѣсколькихъ корсиканцевъ и одного уроженца Ямайки, составляли меньшинство между булонскими инсургентами, да это и не удивительно, потому что начальникъ экспедиціи самъ потерялъ свое званіе Француза, натурализовавшись гражданиномъ Тургау и вступивъ въ иностранную службу, въ швейцарскую армію, въ которой онъ получилъ чинъ артиллерійскаго капитана.

Таковы были «храбрые», о которыхъ упоминалъ Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ въ своей прокламаціи.

Если бы Наполеонъ I былъ живъ и видѣлъ, какъ его племянникъ разыгрывалъ подобный фарсъ въ компаніи честолюбивыхъ и недовольныхъ своею судьбою офицеровъ, среди толпы лакеевъ, переодѣтыхъ капралами и унтеръ-офицерами, среди сброда людей всѣхъ націй,

вмѣстѣ съ своими поварами, кучерами и проч., смѣшная и пошловатая осанка которыхъ внушала прохожимъ смѣхъ, презрѣніе или жалость; если бы Наполеонъ видѣлъ своего племянника, одѣтаго въ его историческій костюмъ, съ его знаками отличія и съ его шпагой, дѣйствовавшей въ 100 битвахъ, шествующимъ въ главѣ этой колонны, посреди двухъ генераловъ, изъ которыхъ одинъ несетъ мѣшокъ, наполненный золотою и серебряною монетою, а другой бутылку, при чемъ всѣ трое бросаютъ деньги зѣвакамъ и дѣтямъ, слѣдующимъ за ними; если бы онъ слышалъ, какъ его племянникъ говоритъ уличной толпѣ, дерущейся изъ за бросаемыхъ ей монетъ, что онъ высадился на французскую землю съ «небольшимъ числомъ храбрыхъ» и что съ высоты колонны великой арміи геній его дяди бодрствуетъ надъ этой шайкой пьяныхъ лакеевъ, переодѣтыхъ героями — что, спрашиваемъ мы, сказалъ бы императоръ? Онъ отрекся бы отъ своего племянника, который профанировалъ такимъ образомъ его имя и его славу. Что подумалъ бы также «мученикъ св. Елены», если бы онъ слышалъ, какъ говоритъ его наследникъ о народѣ, который уморилъ его на пустынномъ островѣ: «что у него есть могущественныя друзья за границей?» Англичане сдѣлались друзьями, Бонапартъ проситъ иностранной помощи! Не было ли это жестокой обидой, самымъ великимъ позоромъ, который можно было нанести памяти его дяди; мы думаемъ, что злѣйшіе враги его, самъ Гудсонъ Лоу, не могли бы никогда придумать ничего подобнаго!

Глава булонскихъ заговорщиковъ адресовалъ также прокламацію къ французскому народу, прокламацію, отмѣченную той же печатью напыщенности, утрировки, фатализма, монومانіи и лжи, какъ и двѣ первыя:

«Французы! Прахъ императора возвратится только въ возрожденную Францію. Бренныя останки великаго человека не должны быть осквернены нечистыми и лицемерными почестями.

«Нужно, чтобы слава и свобода окружали гробъ Наполеона! Нужно, чтобы измѣнники отечества исчезли.

«Изгнанникъ изъ моей страны, если бы я былъ одинъ несчастенъ, я не сталъ бы жаловаться; но слава и честь страны изгнаны такъ же, какъ и я; французы, мы возвратимся вмѣстѣ! Сегодня, какъ и три года тому назадъ, я съ самоотверженіемъ отдаюсь народному дѣлу. Если, благодаря случаю, я потерпѣлъ неудачу въ Страсбургѣ, то эльзасскіе жюри доказали мнѣ, что я не ошибся.

«Что сдѣлали тѣ, которые вами управляютъ, чтобы имѣть права на вашу любовь? Они обѣщали вамъ миръ, а между тѣмъ произвели междоусобную войну и бѣдственную войну въ Африкѣ; они обѣщали вамъ уменьшеніе налоговъ, а между тѣмъ все золото, которымъ вы обладаете, не насытило бы ихъ алчности. Они обѣщали вамъ безкорыстное управленіе, а царствуютъ только при помощи подкуповъ; они обѣщали вамъ свободу, а защищаютъ только привилегіи и злоупотребленія; они противятся всякой реформѣ; они порождаютъ только произволъ и анархію; они обѣщали прочность, а въ продолженіи десяти лѣтъ они ничего не упрочили. Наконецъ они обѣщали, что станутъ добросовѣстно защищать нашу честь, наши права, наши интересы, а они всюду продали наши права, покинули нашу честь, измѣнили нашимъ интересамъ. Настало время положить предѣлъ такимъ беззаконіямъ; настало время спросить у нихъ, что сдѣлали они изъ этой столь великой, столь великодушнѣй, столь единодушнѣй Франціи 1830 г.!»

«Земледѣльцы, — они возложили на васъ во время мира болѣе тяжкіе налоги, чѣмъ тѣ, какіе Наполеонъ взималъ во время войны.

«Промышленники и торговцы, — ваши интересы приносятъ въ жертву иностранцамъ; ваши деньги, которыми пользовался императоръ, чтобы поощрить ваши усилія и обогатить васъ, употребляютъ для того, чтобы развращать васъ.

«Наконецъ, вы, рабочіе и бѣдные классы, между которыми во Франціи находятъ убѣжище всѣ благородныя чувства, вспомните, что изъ вашей среды Наполеонъ избиралъ своихъ намѣстниковъ, своихъ маршаловъ, своихъ министровъ, своихъ друзей. Окажите мнѣ содѣйствіе, и покажемъ міру, что ни вы, ни я не выродились.

«Я надѣялся также, какъ и вы, что мы безъ революціи можемъ исправить зловредныя вліянія власти; но нынѣ нѣтъ болѣе надежды; въ продолженіи десяти лѣтъ перемѣнили десять министерствъ; ихъ перемѣнили бы еще десять разъ, и все-таки бѣдствія родины остались бы тѣже.

«Когда имѣешь честь находиться въ главѣ такого народа, каковъ народъ французскій, есть одно вѣрное средство совершить великія дѣла: это захотѣть ихъ совершить.

«Во Франціи нынѣ съ одной стороны видишь только наемліе, съ другой распущенность, я хочу возстановить порядокъ и свободу. Я хочу, окруживъ себя всѣми отборными умами страны, безъ различія, и опираясь единственно на волю и интересы массъ, основать непоколебимое зданіе.

«Я хочу дать Франціи дѣйствительныхъ союзниковъ,

прочный миръ, а не подвергать ее риску всеобщей войны.

«Французы! Я вижу предъ собою блестящую будущность родины. Я чувствую за собою тѣнь императора, которая толкаетъ меня впередъ; я остановлюсь только тогда, когда вновь возьму въ руки аустерлицкую шпагу, возстановлю орлы на нашихъ знаменахъ, а народъ въ его правахъ. Да здравствуетъ Франція!»

Булонь. 1840 г.

Подписано: *Наполеонъ.*

Прокламація эта въ особенности дѣлается смѣшной теперь, когда «блестящая будущность» предвидѣнная Наполеономъ въ 1840 г. оказалась нынѣ полнымъ упадкомъ и гибелью страны, когда «толкающая тѣнь императора» привела его племянника, съ «аустерлицкой шпагой» въ рукахъ, къ Седану.

Кромѣ этихъ прокламацій у булонскаго конспиратора былъ еще заготовленъ слѣдующій декретъ. «Принцъ Наполеонъ отъ имени французскаго народа постановляетъ слѣдующее:

«Династія орлеанскихъ Бурбоновъ перестала царствовать.

«Французскій народъ возстановляется въ своихъ правахъ.

«Войска разрѣшаются отъ присяги въ вѣрности.

«Палата перовъ и палата депутатовъ распущены.

«По прибытіи принца Наполеона въ Парижъ будетъ созванъ національный конгрессъ.

«Г. Тьеръ, президентъ совѣта, назначается въ Парижъ президентомъ временнаго правительства.

«Маршалъ Клозель назначается главнокомандующимъ войсками, собранными въ Парижѣ.

«Генераль Пажоль сохраняет за собою командова-
ніе первой военной дивизіей.

«Всѣ начальники корпусовъ, которые не покорятся
немедленно этимъ приказаніямъ, будутъ замѣнены дру-
гими лицами.

«Всѣ офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты, которые
выкажутъ энергическое сочувствіе къ національному
дѣлу, будутъ вознаграждены блистательнымъ образомъ
отъ имени отечества.

«Богъ да хранить Францію!»

Подписано : «*Наполеонъ.*»

Кромѣ того приготовлено было множество другихъ
документовъ, которые были также захвачены при арес-
тованіи Лудовика-Наполеона и его соучастниковъ, и
именно : подробный планъ кампаніи, съ весьма тщательно
изготовленными картами, на которыхъ принцъ начерталъ
собственноручно маршрутъ своего торжественнаго шест-
вія на столицу и означилъ этапы, гдѣ онъ долженъ былъ
останавливаться. Приказы для своихъ сообщниковъ, въ
которыхъ онъ давалъ имъ самыя точныя инструкціи ;
приказъ, назначающій чины офицерамъ, которымъ онъ
распредѣлилъ роли ; декретъ, назначающій новыя граж-
данскія власти для города Булони и новыя должности и
новые посты для военныхъ. Всѣ эти документы, равно
какъ три его прокламаціи, были подписаны имъ и почти
всѣ контрастированы генераломъ Монтолономъ, пол-
ковникомъ Вуазеномъ и графомъ Мезонамомъ, исправ-
ляющимъ должность начальника штаба.

Въ отношеніи концепціи, приготовленія, организаціи
заговора, Лудовикъ-Наполеонъ выказалъ, также какъ
и въ Страсбургѣ, дѣйствительную способность и ловкость ;
онъ простеръ мелочность подробностей до послѣднихъ

предѣловъ ; онъ составилъ свой планъ съ истиннымъ талантомъ опытнаго *metteur en scène* и организатора. Посмотримъ теперь, выказалъ ли онъ тоже дарованіе въ исполненіи плана, и для этого возвратимся къ нашему разсказу, на томъ мѣстѣ, гдѣ мы его прервали, т. е. къ 5-ти часамъ утра, когда Лудовикъ-Наполеонъ одѣтый императоромъ, приближался, во главѣ своего вооруженнаго отряда къ казармамъ 42-го линейнаго полка.

Подобно тому, какъ въ Страсбургѣ, солдаты ожидали его : здѣсь простой поручикъ, по имени Аладенизь, велѣлъ ударить тревогу, собралъ солдатъ на дворѣ, построилъ ихъ въ ряды и извѣстилъ ихъ о прибытіи принца Лудовика Бонапарте и его *войска*, объявивъ, что Лудовикъ-Филиппъ пересталъ царствовать, и приказывая имъ кричать : « да здравствуетъ императоръ ! »

Минуту спустя Лудовикъ-Наполеонъ и его приверженцы, неся знамя, на верху котораго былъ прикрѣпленъ императорскій орелъ, явились въ казармы. Затѣмъ онъ былъ представленъ солдатамъ, поручикомъ Аладенизомъ, и приказалъ сначала бросать имъ пятифранковыя монеты, думая обольстить ихъ этимъ способомъ ; но вскорѣ ему пришлось разочароваться ; послѣ этой безплодной попытки онъ приказалъ прочесть солдатамъ приготовленную для нихъ прокламацію.

Однако, впечатлѣніе произведенное имъ на солдатъ, было далеко не въ его пользу. Этотъ молодой человекъ съ смущеннымъ видомъ, вялый, съ безжизненнымъ взглядомъ, съ лицомъ, на которомъ было написано утомленіе, съ длиннымъ носомъ, сутуловатый, осянка котораго ни сколько не походила на военную, черты лица котораго ни сколько не походили на черты императора, показался

солдатамъ дурной карриатурой послѣдняго. Его протяжный голосъ, его иностранный акцентъ, его неуверенная рѣчь произвели весьма дурное дѣйствіе на его слушателей. Солдаты смотрѣли на него съ недоумѣніемъ и спрашивали себя: не мистификація ли это? Поэтому, чтобы сколько нибудь сгладить это дурное впечатлѣніе, поручикъ Аладенизъ и офицеры, сопровождавшіе Лудовика-Наполеона, стали раздавать имъ вечатныя прокламаціи и деньги горстями. «Лудовикъ самъ одѣлялъ деньгами, цѣловался съ солдатами, сулилъ имъ повышеніе и награды; всѣ унтеръ-офицеры были произведены въ офицеры, капралы были слѣданы сержантами, солдаты замѣнили капраловъ и всѣ получили ордена.» *).

Тогда солдаты, наполовину увлеченные, наполовину обольщенные деньгами, повышеніями и орденами, принялись кричать: «да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ императоръ! «А инсургенты отвѣчали имъ криками: «да здравствуетъ 42-й полкъ!»

Затѣмъ поручикъ Аладенизъ, представивъ Лудовику сержанта гренадеровъ, украшеннаго орденомъ, по имени Шаполяра, сказалъ: «Принцъ, вотъ старый, храбрый служака, которому слѣдуетъ дать пару эполетъ.»—«Принцъ велѣлъ мнѣ выступить впередъ, рассказываетъ Шаполяръ въ своемъ показаніи передъ судомъ, и сказалъ мнѣ: «Сержантъ, я васъ произвожу въ капитаны гренадеровъ.» Шаполяръ отвѣчалъ ему: «Принцъ, я отказываюсь, я ничего не желаю.» Это пожалованіе чиновомъ тогъ часъ внушило Шаполяру мысль, что дѣло идетъ о заговорѣ противъ правительства, и онъ сказалъ гренадерамъ: «Гренадеры, тутъ есть заговоръ; я принимаю на-

---

*) Рапортъ капитана Пюижелье отъ 6 августа 1840 года.

чальство надъ ротой; дѣлайте только то, что я вамъ прикажу.» Принцъ, повидимому, сильно разсердился на слова сержанта и измѣнился въ лицѣ *).

Въ то время, какъ эта сцена происходила на дворѣ, на кухнѣ 42-го полка происходила другая, весьма комическая сцена, которая можетъ дать точное понятіе о способѣ дѣйствій бонапартистскихъ заговорщиковъ и показать, на какія возвышенныя страсти человѣка они стараются дѣйствовать. Приводимъ буквально показаніе гренадера Жофруа, котораго, какъ мы увидимъ нѣсколько далѣе, Лудовикъ-Наполеонъ ранилъ выстрѣломъ изъ пистолета.

6 августа, въ пять часовъ утра, говоритъ гренадеръ Жофруа, я стряпаль на полковой кухнѣ, какъ вдругъ офицеры, въ сопровожденіи множества солдатъ, вошли во дворъ и, выстроившись въ боевомъ порядкѣ, прокричали нѣсколько разъ: «да здравствуетъ императоръ!» Я выразилъ удивленіе моему товарищу, сказавъ ему: «Императоръ умеръ, развѣ онъ воскресъ?» Вдругъ въ нашу кухню входятъ офицеръ и сержантъ, съ орденомъ на груди, которыхъ я не могъ вдругъ узнать, потому что они были безъ мундировъ; у сержанта была въ рукахъ бутылка, а у офицера сабля; оба они предложили мнѣ выпить вина и закричать: «да здравствуетъ императоръ!» Я имъ отвѣчалъ, что я не пью и не закричу «да здравствуетъ императоръ!» потому что онъ умеръ. Тогда офицеръ сказалъ: «такъ какъ вы не хотите пить, то я заставлю васъ пить насильно; становитесь скорѣе во фронтъ и берите ваше оружіе; мы имѣемъ приказаніе отъ вашего полковника,

---

*) Показаніе сержанта Шаполяра передъ судомъ цэровъ 29 сентября 1840 года.

мы идемъ на Парижъ. Послѣ этого я одѣлся и взявъ свое оружіе, спустился во дворъ и сталъ въ ряды» *).

Вообще когда Бонапартисты стараются склонить людей къ нарушенію присяги, они берутъ въ одну руку саблю, а въ другую бутылку и кошелекъ; они предлагаютъ сначала золота и вина, и если это средство не удается, то пробуютъ другое—угрозу; въ этомъ маневрѣ заключается вся тайна ихъ успѣха и въ 1851 году.

Въ то время, какъ эти сцены оболъщенія происходили во дворѣ казармъ 42-го полка, объ этомъ извѣстили капитана Коль-Пюижелье; онъ поспѣшилъ надѣть свой мундиръ и прибѣжалъ въ казармы въ сопровожденіи двухъ подпоручиковъ Рагона и Моссіона. Они увидѣли вскорѣ у воротъ группу офицеровъ и солдатъ и нѣсколько впереди двухъ—караульныхъ, у которыхъ на шако былъ № 40 и которые сказали имъ, что войти нельзя; но эти три офицера отвѣчали, что карауль содержитъ не 40-й полкъ, и приблизились къ группѣ, охранявшей входъ во дворъ. Тутъ одинъ офицеръ съ эполетами баталіоннаго командира подошелъ съ ласковымъ видомъ къ капитану Коль-Пюижелье, и сказалъ ему: «Капитанъ, принцъ Лудовикъ здѣсь, присоединитесь къ намъ, ваша карьера будетъ составлена.» Въ отвѣтъ на это капитанъ быстро схватился за саблю и своими жестами и словами выразилъ намѣреніе пробраться къ своей командѣ.

Его обхватили со всѣхъ сторонъ, нѣсколько лицъ овладѣли его вооруженной рукою. онъ боролся изо всѣхъ силъ, чтобы пробиться къ своимъ солдатамъ. Продолжая свои геройскія усилія, онъ пытался вразумить самихъ заговорщиковъ. «Васъ обманываютъ, говорилъ онъ, знай-

---

*) Покананіе Жюфруа передъ судомъ пэровъ, 29 сентября 1840 года.

те, что васъ побуждаютъ къ измѣнѣ.» Голосъ его былъ заглушенъ криками «да здравствуетъ принцъ Лудовикъ!» — Гдѣ же онъ, вашъ принцъ? воскликнулъ онъ въ свою очередь. Тогда подошелъ къ нему человекъ небольшого роста, бѣлокурый, на видъ лѣтъ тридцати, на головѣ котораго была небольшая историческая шляпа императора, а на плечахъ штабъ-офицерскіе эполеты, который сказалъ: «Капитанъ, я принцъ Лудовикъ, будьте съ нами и вы получите все, что хотите.» Тогда капитанъ прервалъ его и сказалъ: «Принцъ ли вы Лудовикъ или нѣтъ, я васъ не знаю: во Франціи теперь новый законъ о престолонаслѣдїи и вы напрасно ссылаетесь на законность вашихъ правъ; я вижу въ васъ только измѣнника; пусть очистятъ дворъ.» Говоря такимъ образомъ, Коль-Шюишелье продолжалъ свои усилія. Будучи не въ состоянїи пробиться къ своимъ солдатамъ, онъ воскликнулъ: «Ну, такъ убейте меня, или я исполню свой долгъ!» Въ эту минуту Фіаленъ, т. е. Персини, вооруженный ружьемъ, бросился на него со штыкомъ, чтобы убить его, но къ счастью для капитана, Аладенизъ, который услышалъ голосъ послѣдняго, устремился на помощь къ нему и отвратилъ ударъ, который былъ такъ силенъ, что штыкъ, ударившись въ стѣну, согнулся. Тогда Аладенизъ заслонилъ собою капитана, объявивъ инсургентамъ, что онъ отвѣчаетъ за его жизнь и что если они его тронуть, то онъ немедленно обратится противъ нихъ.

Унтеръ-офицеры послѣдшіи на голосъ своего начальника, они помогли ему освободиться изъ рукъ заговорщиковъ, которые отступили въ улицу, но пока капитанъ давалъ необходимыя приказанія своему войску, инсургенты и въ главѣ ихъ принцъ Лудовикъ, генераль Мон-

толонъ и главнѣйшіе изъ нихъ плотными рядами снова вступили во дворъ.

Коль-Пюижелье тотчасъ подошелъ къ нимъ и, обращаясь въ особенности къ принцу, энергически требовалъ, чтобы онъ тотчасъ же удалился, въ противномъ случаѣ грозилъ употребить силу, прибавивъ: «для васъ будетъ хуже, если вы меня къ тому принудите.»

Въ это время Лудовикъ-Наполеонъ воспользовался минутой, когда капитанъ обернулся къ своимъ солдатамъ для какихъ-то приказаній, вынулъ изъ кармана пистолетъ, прицѣлился въ капитана и выстрѣлилъ ему въ спину, но пуля не попала въ него, такъ какъ солдаты успѣли во время оттащить своего начальника. Пуля пистолета поразила гренадера Жофруа, того самаго, который, отказываясь въ кухнѣ пить и кричать: «да здравствуетъ императоръ!» Она попала ему въ верхнюю губу съ лѣвой стороны, вышибла три зуба и затѣмъ засѣла въ шею съ правой стороны *).

Послѣ этого выстрѣла въ спину, Лудовикъ отступилъ съ своимъ войскомъ и оставилъ казармы.

Но если онъ отказался отъ всякой надежды обольстить

---

*) Относительно пистолетнаго выстрѣла, сдѣланнаго Лудовикомъ-Наполеономъ и ранившаго гренадера Жофруа, извлечено изъ показанія сего послѣдняго. Принцъ Лудовикъ не представилъ никакого возраженія и ограничился отвѣтомъ: «Я не имѣю ничего сказать противъ этого, сожалѣю только, что ранилъ французскаго солдата.» (Судъ пэровъ, засѣданіе 29-го сентября 1840 года). Во время же слѣдствія онъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ причину, побудившую его сдѣлать этотъ выстрѣлъ: «Такъ какъ все зависѣло отъ попытки склонить на свою сторону обѣ роты, то, видя, что мое предпріятіе не удастся, я впалъ въ какое-то отчаяніе и — не хочу ничего скрывать — я взялъ пистолетъ, съ цѣлью отдѣлаться отъ капитана и прежде чѣмъ хотѣлъ выстрѣлить, выстрѣлъ раздался и пуля попала въ гренадера, какъ я послѣ узналъ.»

гарнизонъ, то онъ надѣялся, по крайней мѣрѣ, быть болѣе счастливымъ у народа.

Заговорщики направились въ верхній городъ, разбрасывая по дорогѣ прокламаціи и деньги, съ криками: «да здравствуетъ императоръ!» За ними слѣдовала толпа ребятишекъ, которымъ принцъ бросалъ новыя пятифранковыя монеты съ изображеніемъ императора *). Лудовикъ-Наполеонъ старался овладѣть замкомъ и взять въ немъ оружіе, чтобы раздать его народу. Подъ-префектъ, Лонэ-Прово, увѣдомленный о намѣреніяхъ инсургентовъ, отправился въ поиски за ними; онъ не замедлилъ встрѣтить ихъ и направился прямо къ нимъ, убѣждая ихъ разойтись. Они ему отвѣчали неоднократными криками: «да здравствуетъ императоръ!» Лудовикъ Бонапартъ, шедшій въ срединѣ перваго ряда, приказалъ оттолкнуть подъ-префекта и продолжать шествіе, на минуту прерванное, что и было исполнено. Знаменосецъ Ломбардъ хватилъ подъ-префекта въ животъ славнымъ аустерлицкимъ орломъ, насаженнымъ на знамя. Это, вмѣстѣ съ пистолетнымъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ Лудовикомъ-Наполеономъ въ спину капитану Коль-Пюижелье, были два самые блистательные подвига этого геройскаго войска.

Подойдя къ воротамъ верхняго города, оно нашло ихъ запертыми; тщетно пытались выломать ихъ; они не поддавались усиленнымъ ударамъ топора заговорщиковъ, которые, видя бесполезность своихъ усидій, вынуждены были покинуть и эту вторую часть своего предприятия.

Отчаявшись въ успѣхѣ своего дѣла, они направились къ колоннѣ, воздвигнутой въ городѣ въ честь великой арміи, и Ломбардъ подумалъ тогда, что самое лучшее

---

*) Annotateur de Boulogne, отъ 8-го августа 1840 года.

употребленіе, какое онъ можетъ сдѣлать изъ своего знамени, это — водрузить его на вершинѣ этого памятника. Дѣйствительно онъ вскорѣ это и сдѣлалъ при одобрительныхъ восклицаніяхъ своихъ товарищей и крикахъ «да здравствуетъ императоръ!»

Между тѣмъ національная гвардія, собранная наскоро подъ-префектомъ и своимъ полковникомъ г. Сансо, а также войско, подъ начальствомъ капитана Коль-Пюи-желле, приближалось со всѣхъ сторонъ, чтобы окружить инсургентовъ; но они предупредили ихъ прибытіе и бросились спасаться, какъ только завидѣли войско, оставивъ героя Ломбарда съ его знаменемъ, на колоннѣ, гдѣ онъ и былъ задержанъ двумя булонскими жителями, а аустерлицкій орелъ поверженъ въ прахъ.

Герои этой экспедиціи разсѣялись въ разные стороны, одни бросились въ городъ съ намѣреніемъ скрыться тамъ, другіе въ поле, гдѣ они надѣялись ускользнуть отъ розысковъ властей, наконецъ третіе — къ морскому берегу, надѣясь добраться до своего пакетбота. Лудовикъ-Наполеонъ, полковникъ Вуазенъ, Форъ, Мезонанъ, Персиньи, Дюненъ успѣли сѣсть въ лодку и направились къ пакетботу; на сдѣланное имъ приказаніе остановиться они отвѣчали выстрѣломъ изъ пистолета; тогда г. Мартине, членъ магистрата, вошелъ въ воду и выстрѣлилъ по нимъ изъ ружья; за этимъ выстрѣломъ послѣдовали еще нѣсколько другихъ, пущенныхъ національными гвардейцами и липейными солдатами *).

Полковникъ Вуазенъ и полякъ Овенскій были ранены, а Форъ убитъ. Бѣглецы въ страхѣ бросились всѣ

---

*) Показанія г. Мартине передъ судомъ пэровъ. 27-го сентября 1840 г.

на одну сторону лодки, вслѣдствіе чего она перевернулась и они упали въ море. Дюенень утонулъ, между тѣмъ, какъ прочіе, и въ томъ числѣ принцъ Лудовикъ, пытались достигъ пакетбота вплавь.

Но командиръ порта, Полле, успѣлъ всѣхъ ихъ перехватить.

Такъ кончилась эта морская битва, въ которой славные моряки парохода *Chateau d'Edinbourg*, столь же храбрые на водѣ, какъ и на сухомъ пути, имѣли несчастье потерять двухъ изъ своихъ товарищей.

Лудовикъ—Наполеонъ находился въ самомъ плачевномъ положеніи, когда его вытащили изъ воды; онъ былъ очень блѣденъ и такъ испуганъ, что не могъ ни ходить, ни стоять на ногахъ; офицеръ національной гвардіи велъ его подъ руку, а съ другой стороны его поддерживалъ одинъ молодой человѣкъ, который ни на минуту не отходилъ отъ него. *)

Разсказываютъ, что при прибытіи Лудовика Бонапарта въ замокъ, пришлось раздѣвать его одному національному гвардейцу, потому что у него не было слуги и къ тому же онъ слишкомъ упалъ духомъ, чтобы быть въ силахъ раздѣться самъ. **)

Корреспондентъ газеты «*Presse*» рассказываетъ, что онъ видѣлъ принца. На немъ была, говоритъ онъ, его вѣчная зеленая одѣжда, онъ былъ безъ галстука и весь промокшій, лицо его имѣло мертвенный видъ. Онъ казался удрученнымъ своимъ горемъ: ничего великаго, ничего благороднаго не было замѣтно въ его фигурѣ.

Корреспондентъ «*Times*» отъ 10 августа писалъ: «Я

---

*) *L'indépendant de Bruxelles* отъ 7-го августа 1840 г.

**) *Le Globe Anglais*, отъ 12-го августа 1840 г. и *L'Indépendant de Bruxelles*, отъ 14-го августа 1840 г.

только что видѣлъ Лудовика-Наполеона; бѣдняга находится въ плачевномъ положеніи. Онъ едва не утонулъ и пули порядкомъ напугали его. Если бы одна изъ нихъ поразила его, это все-таки было бы самымъ лучшимъ концомъ для такого пошлаго глупца (*mischievous block-head*)».

Достаточно было полицейскаго комиссара Бержере, чтобы задержать Паркена и Монтолона, и вскорѣ всѣ инсургенты, въ числѣ 57 человѣкъ, попались въ руки правосудія.

Генераль Монтолонъ выказалъ не болѣе твердости, чѣмъ Лудовикъ-Наполеонъ. Вотъ что объ этомъ говоритъ *l'Annotateur de Boulogne*, отъ 8-го августа: «Мы видѣли его въ кухнѣ замка, одного, въ генеральскомъ мундирѣ, сидящимъ на соломенномъ стулѣ, съ повисшими руками, съ головой, склоненной на грудь, въ самомъ горестномъ положеніи.»

Пароходъ «*Chateau d'Edinbourg*» былъ также захваченъ г. Полле, командиромъ булонскаго порта, съ помощью 10 человѣкъ команды, почти безъ всякихъ затрудненій, хотя на пароходѣ было 19 человѣкъ экипажа, 3 человѣка для ухода за лошадьми и 3 грума. Всѣ эти люди были на время задержаны, но потомъ отпущены.

Кромѣ цѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей почти на полмиліона, четырехъ боченковъ, наполненныхъ золотою монетою въ 40 франковъ, на «*Chateau d'Edinbourg*» находилось девять великолѣпныхъ англійскихъ лошадей, живой орелъ, двѣ совершенно новыя кареты; великолѣпные мундиры, только что сшитые, на которыхъ были написаны имена ихъ владѣльцевъ; 23 или 24 ящика съ превосходными винами, пивомъ, инбирнымъ пивомъ (*ginger-beer*), содовой водой и водкой (*brandy*);

прекрасный дамскій нессесеръ, альбомъ, въ которомъ принцъ Лудовикъ нарисовалъ замокъ Аренембергъ и пейзажи и написалъ эротическіе стансы. Въ чемоданахъ и сакъ-воляжахъ нашли партикулярную одежду совершенно новую и прекрасно сдѣланную.

У капитана парохода «Chateau d'Edinbourg», Джемса Кро, спросили, пили ли эти господа въ послѣдніе часы своего пребыванія на пароходѣ? — Онъ отвѣчалъ, что «они пили ужасно всякаго рода вина и ликеры, и что онъ никогда не видывалъ, чтобы ктонибудь столько пилъ, что они выпили 16 дюжинъ бутылокъ вина, не считая водки и ликеровъ» *).

Точно также солдаты 42-го полка, присутствовавшіе при покушеніи, утверждали, что почти всѣ заговорщики были пьяны.

Вотъ въ какомъ положеніи находилось «небольшое число *храбрыхъ*», слѣдовавшихъ за Лудовикомъ-Наполеономъ и надъ которыми бодрствовалъ «съ высоты колонны геній императора, рукоплескавшій ихъ усиліямъ.»

Два дня спустя послѣ арестованія, Лудовика-Наполеона изъ булонскаго замка, гдѣ онъ содержался, отравили въ Гамъ. Этотъ внезапный отъѣздъ, котораго онъ не ожидалъ, его сильно поразилъ, разставаніе его съ генераломъ Монтолономъ было весьма трогательное; когда онъ спускался во дворъ замка, его вель подъ руку полковникъ національной гвардіи.

Повидимому булонскій герой не оправился еще отъ сильнаго страха и не могъ еще ходить одинъ.

Никакой симпатической манифестациі не обнаружилось при его проѣздѣ по Франціи. 8-го августа онъ про-

---

*) Репортъ булонскаго подъ-префекта, отъ 8-го августа 1840 г.

ѣхалъ черезъ Амьенъ ; многочисленная толпа, состоявшая преимущественно изъ рабочихъ, ожидала его ; на лицахъ было написано равнодушіе, не раздалось ни одного крика ; Лудовикъ Бонапартъ казался весьма печальнымъ, онъ прятался въ глубь кареты, чтобы избѣгнуть взоровъ. Гамское населеніе выказало тоже равнодушіе, какъ и амьенское ; оно не обнаружило ни малѣйшей симпатіи къ плѣннику ; неодобреніе было всеобщее *).

12-го августа Лудовикъ Бонапартъ былъ изъ гамской тюрьмы перевезенъ въ тюрьму Conciergerie, въ Парижъ.

---

*) L'Indépendant, бельгійская газета, отъ 13-го августа 1840 года.

IV

СУДЪ ПЭРОВЪ.

Послѣ того, какъ всѣ булонскіе инсургенты были перевезены въ Парижъ, 9-го августа 1840 года, послѣдовалъ королевскій указъ, которымъ созывался судъ пэровъ для разсмотрѣнія этого дѣла.

18-го августа судъ собрался подъ предсѣдательствомъ канцлера Паскье, чтобы выслушать указъ и обвинительный актъ генеральнаго прокурора и назначить слѣдственную комиссію; докладчикомъ былъ Персиль.

28-го сентября обвиняемые въ инсurreкціонной попыткѣ въ Булони явились въ первый разъ предъ судъ пэровъ. Ихъ ввели подъ конвоемъ сенскихъ жаңдармовъ; за ними слѣдовали ихъ адвокаты.

Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ входитъ первымъ; онъ одѣтъ въ черный сюртукъ, на груди у него орденъ почетнаго легіона, который, надо замѣтить, не былъ ни кѣмъ ему пожалованъ. Повидимому, его злополучная попытка въ Страсбургѣ, и униженіе, которому онъ подвергся отъ полковника Тайландье, сорвавшаго съ него орденъ почетнаго легіона, не излечилъ его отъ мани

украшать себя орденами; затѣмъ являются гг. Монтолонъ, Вуазень, Мезонанъ, Паркенъ и другіе обвиняемые, которые и размѣщаются на нѣсколькихъ скамьяхъ.

Между защитниками находились, между прочимъ, гг. Берье, Фердинандъ Барро, Жюль Фавръ и др.

Чтобы дать болѣе точное понятіе о поведеніи обвиняемыхъ на судѣ, всего лучше будетъ привести статью изъ одной французской газеты того времени, l'Univers, отъ 30 сентября 1840 г.

«Пренія по процессу Лудовика Бонапарта, говоритъ газета, начались и продолжаются среди полнѣйшаго равнодушія; даже любопытство не было возбуждено. Передъ зданіемъ суда пэровъ не было замѣтно ни одной группы любопытныхъ.

«Мы не думаемъ, чтобы въ какомъ либо другомъ процессѣ судьи были столь многочисленны, какъ въ настоящемъ. Сто шестьдесятъ семь пэровъ участвуютъ въ преніяхъ.

«Принцъ Лудовикъ Бонапартъ молодой человекъ, тридцати двухъ лѣтъ, средняго роста; въ его чертахъ, въ его физиономіи, въ его голосѣ трудно найти какое нибудь выраженіе, которое бы показывало въ немъ человекъ, способнаго продолжать роль Наполеона I. Прежде чѣмъ отвѣчать на вопросы президента, Лудовикъ Бонапартъ прочелъ свое политическое profession de foi, въ которомъ онъ выставилъ себя не обвиняемымъ, но побѣжденнымъ. Чтеніе это не произвело никакого впечатлѣнія. Голосъ у обвиняемаго слабый, вслѣдствіе чего секретарь де-ла-Шовиньеръ принужденъ былъ повторять всѣ его отвѣты.

«Точно также невозможно было слышать отвѣтовъ

почти всѣхъ прочихъ обвиняемыхъ, почему отвѣты ихъ также повторялъ судьямъ г. де-ла-Шовиньеръ.

«Судя по смущенному, постыдно-робкому виду обвиняемыхъ, ихъ можно было скорѣе принять за школьничковъ, застигнутыхъ въ расплохъ учителемъ, чѣмъ за бойцовъ за какое нибудь дѣло, побѣжденныхъ въ смѣлой попыткѣ. За исключеніемъ поручика Аладениза всѣ упорно держались своей смѣшной системы защиты. утверждая, что принцъ скрывалъ отъ нихъ свои намѣренія; даже его домашній секретарь (Далмбергъ) и тотъ изъ его повѣренныхъ, который печаталъ его прокламаціи и его афиши (Коппо), употребили это средство защиты. Къ тому же отвѣтами своими они не сказали ничего поваго, развѣ только доказали свою радикальную и унизительную неспособность; трудно себѣ вообразить *болѣе полное собраніе немощностей физическихъ и моральныхъ*. Странный заговоръ, въ которомъ для всѣхъ членовъ нужны обильныя возліянія, чтобы приступить къ дѣлу и почти половина которыхъ убогіе. Поэтому, когда видишь передъ важнымъ судомъ паровъ эту нестройную массу молодыхъ людей и стариковъ, сгруппированныхъ вокругъ тридцатилѣтняго предводителя, которому на видъ нѣтъ и двадцати пяти, и который держитъ себя безъ всякаго величія, невольно проникаешься глубокимъ состраданіемъ. Еслибы не пролитая кровь и не опасность, которой подвергался миръ страны, можно было бы просить состраданія суда къ этимъ сѣдымъ и бѣлокурымъ головамъ, которыхъ одно и тоже великое имя одинаково смутило.»

Г. Персиль, назначенный судомъ докладчикъ, прочелъ рапортъ о покушеніи 6-го августа 1840 года.

Мы приводимъ здѣсь въ сокращеніи этотъ замѣчатель-

ный документъ, который составляетъ безпристрастное резюме всѣхъ обвиненій, тяготѣвшихъ тогда на Людовикѣ Бонапартѣ и его сообщникахъ:

«Мм. гг., Страсбургское покушеніе, которое выказало въ его виновникахъ, вмѣстѣ съ самой страшною оцѣнкой національныхъ чувствъ, столько же самообольщенія, сколько и непредусмотрительности, повидимому, не должно было повториться. Общественное мнѣніе осудило его и общее негодованіе замѣнило въ извѣстной степени законную кару, которой избѣгло это великое преступленіе. Бзнаказанность, вышавшая на его долю, и которая произвела на страну такое тягостное впечатлѣніе, была явленіемъ совершенно необыкновеннымъ, такъ что можно было думать, что тѣ, которые ею воспользовались, предостереженные опасностью, висѣвшею надъ ихъ головою, съумѣютъ почерпнуть въ ней спасительный урокъ. Эта столь естественная надежда не осуществилась. Страсбургское оправданіе сдѣлалось, въ ихъ глазахъ, доказательствомъ «сочувствія всего населенія къ наполеоновскому дѣлу» (брошюра Laity, стр. 75; прокламація къ французскому народу, раздававшаяся въ Булони), и когда, позднѣе, король возымѣлъ благородную мысль возвратить Франціи славные останки императора, они увидѣли въ выраженіяхъ энтузіазма, возбужденнаго воспоминаніями объ эпохѣ, въ которую совершились столь великія дѣла, лишь случай удовлетворить, преступными средствами, безумное честолюбіе и испровергнуть наши учрежденія во имя того, кому мы должны быть признательны за уничтоженіе анархіи. Ничто не остановило ихъ: ни уроки опыта, которые должны были бы вразумить ихъ на счетъ непопулярности ихъ дѣла, покинутаго всѣми; ни цвѣтущее состояніе Франціи, съ каждымъ днемъ все

болѣе и болѣе привязывающейся къ своей династїи и къ правительству, которое она себѣ дала; ни то охлажденіе страстей, которое время и неотразимая сила общественнаго мнѣнія произвели даже среди самыхъ крайнихъ партій. Они ничего не хотѣли признать, они напали на все съ тѣмъ же самообольщеніемъ и увѣренностью, еще болѣе безумною, чѣмъ та, которая привела ихъ къ стѣнамъ Страсбурга.

«Намъ было бы прїятно думать, что не международныя затрудненія, озабочивающія и тревожащія въ настоящую минуту всѣхъ, вызвали ихъ на преступные замыслы. Но чего нельзя подумать о тѣхъ, кто предпринявъ неожиданное нападеніе на Булонь, съ нѣсколькими отставными офицерами, съ нѣсколькими людьми безъ имени, неизвѣстными Франціи, и съ горстью солдатъ, переодѣтыхъ слугами, или слугъ, переодѣтыхъ солдатами, возымѣли мысль овладѣть Франціей и возстановить тамъ, во имя народа и свободы, подъ эгидою имени, слишкомъ высоко стоящаго, чтобы кто нибудь могъ явиться его преемникомъ, систему управленія, которая, правда, дозволила собрать намъ обильную жатву славы, но которая не заслужила нашей признательности и не отличается ни пламенной любовью къ свободѣ и равенству, ни глубокимъ уваженіемъ къ правамъ гражданъ! Иныя времена, иныя потребности; то, что могло быть благомъ, что могло быть предписываемо неумолимой необходимостью въ первые годы XIX-го столѣтія, когда внутренніе раздоры и бремя самой ужасной войны, которая когда либо велась, удручали страну, было бы нынѣ вопіющимъ апохронизмомъ. Цивилизація идетъ впередъ и шествіе ея должно быть освѣщаемо свободой, уваженіемъ къ правамъ всѣхъ и учрежденіями, дѣлающими

произволъ и абсолютизмъ невозможными. Поэтому, взгляните, какъ было принято это преступное нападеніе на Булонь: въ этихъ солдатахъ, въ этихъ національныхъ гвардейцахъ, которые, какъ внушала заговорщикамъ ихъ высокомѣрная увѣренность, должны были непременно примкнуть къ нимъ, они нашли только защитниковъ существующаго порядка. Пусть наконецъ поймутъ они этотъ урокъ! Это дѣйствительно и случится, потому что часъ правосудія насталъ!

«Вы должны быть, мм. гг., его органами, и для того, чтобы приготовить ваши рѣшенія, мы отдаемъ вамъ отчетъ о результатахъ слѣдствія, производившагося по этому дѣлу.

«Одинъ изъ первыхъ отвѣтовъ главнаго обвиняемаго, Лудовика Бонапарта, на допросъ, слѣдственной комисіи, тотчасъ же перенесъ насъ къ происхожденію, къ первой мысли, къ первымъ приготовленіямъ покушенія.

«Я возобновилъ свои связи во Франціи, сказалъ онъ, не болѣе какъ годъ или полтора тому назадъ. Пока я думалъ, что честь запрещаетъ мнѣ предпринимать что-либо противъ правительства, я оставался спокойнымъ. Но когда меня стали преслѣдовать въ Швейцаріи подъ тѣмъ предлогомъ, будто я кую заговоры—что тогда было несправедливо, то я вновь принялся за мои прежніе замыслы.» (Допросъ принца Лудовика отъ 19 августа.)

«Вы сейчасъ разсудите, справедливъ ли этотъ отвѣтъ. Едва Лудовикъ Бонапартъ возвратился изъ Соединенныхъ Штатовъ, куда онъ былъ высланъ,—мѣра внушенная величайшимъ милосердіемъ и великодушіемъ, — какъ онъ пріѣзжаетъ въ Лондонъ, печатаетъ и распространяетъ при содѣйствіи Персиныи, своего всегдашняго сообщника, брошюру, предназначенную для апологіи страсбургска-

го покушенія, въ которой доказываетъ возможность уда-
чи и шансы своихъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Это было
первое изданіе сочиненія Лэти (Laity), которое вы осуди-
ли въ іюнѣ 1838 года.

«Еще въ предшествовавшемъ февралѣ мѣсяцѣ Лудо-
викъ Бонапартъ обращался къ командиру Мезонану, ко-
торого министръ заставилъ подать въ отставку; онъ хо-
тѣлъ воспользоваться недовольствомъ этого офицера, ко-
торое послѣдній даже публично выразилъ въ газетахъ *).
Въ это время онъ еще не возвращался въ Швейцарію и
правительство не требовало его изгнанія: оно рѣшилось
на это гораздо позднѣе, послѣ того, какъ открыло про-
иски, которые Лудовикъ-Наполеонъ продолжалъ вести
въ этомъ, сосѣднемъ съ Франціей, государствѣ. Страс-
бургская неудача не лишила его бодрости. Тотчасъ по
своемъ возвращеніи въ Европу, онъ не пренебрегъ ни-
чѣмъ, чтобы вновь завязать порванные нити своихъ за-
мысловъ и вновь сталъ заниматься своими прежними пла-
нами въ такое время, когда, по его собственному выра-
женію, честь запрещала ему предпринимать что либо про-
тивъ французскаго правительства.

---

*) Извлеченіе изъ допроса Мезонана отъ 29 августа:

В. Съ которыхъ поръ вы состоите въ сношеніяхъ съ Лудовикомъ Бонапартомъ?

О. Года два съ половиной: въ это время я былъ уволенъ въ от-
ставку. Будучи оскорбленъ въ своихъ интересахъ, я написалъ къ во-
енному министру, который вынудилъ меня выйти въ отставку, доволь-
но строгія письма, которые были напечатаны въ *Courrier Français* и
въ другихъ газетахъ. Принцъ написалъ ко мнѣ по этому поводу изъ
Аренемберга, въ февралѣ 1838 года, сколько я помню, письмо, въ ко-
торомъ превозносилъ похвалами мой образъ дѣйствій. До тѣхъ поръ
я его не звалъ и даже никогда не видалъ. Я увидѣлъ его уже позд-
нѣе, когда онъ былъ въ Англіи годъ или 15 мѣсяцевъ тому назадъ.

«Приготовленія для этого новаго покушенія тѣже самыя, какія были употреблены для страсбургскаго; это есть ничто иное, какъ второй опытъ одного и тогоже плана. Ежедневная печать есть самое дѣйствительное средство въ наше время расположить умы, взволновать ихъ, это есть необходимое начало всякаго предпріятія. И такъ ее попросятъ нападать на все существующее, унижать его, чтобы возвратить то, что хотятъ поставить на его мѣсто; ее попросятъ быть посредницею между партіями, изъ которыхъ хотятъ образовать коалицію противъ власти. Призовутъ на помощь также всѣ другіе роды публикацій, которые могутъ оказать тѣмъ большую поддержку, что въ нихъ можно развить идеи подробнѣе и прибѣгнуть къ самымъ маленькимъ форматамъ, потому что они удобно переносятся и быстрѣе переходятъ изъ рукъ въ руки. Притомъ, примутъ всѣ предосторожности, чтобы газеты и намфлеты доходили всюду, гдѣ заговорщики надѣются найти адептовъ. Затѣмъ явятся эмиссары, которымъ поручатъ объѣзжать департаменты и останавливаться въ городахъ, гдѣ есть гарнизоны, потому что Лудовикъ-Наполеонъ хочетъ добиться своей цѣли преимущественно при содѣйствіи арміи. Вербовщики, вѣстники безпорядковъ, антрепренеры международныхъ войнъ и революцій всегда и вездѣ одинаковы. Тѣ, къ которымъ прибѣгнуть, должны пользоваться недовольствомъ, котораго имъ удастся возбудить или породить; они станутъ отыскивать людей, которыхъ заговорщики всѣхъ временъ называютъ жертвами произвола и тираніи; солдатамъ они будутъ предлагать высокою плату и ордена; унтеръ-офицерамъ повышенія; штабъ-офицеру, котораго неумолимый военный уставъ уволилъ въ отставку прежде, чѣмъ онъ утратилъ всю свою бодрость, посулятъ возвратитъ

ту дѣятельность, потерю которой онъ оплакиваетъ ; наконецъ, въ ожиданіи рѣшительной минуты, будутъ набирать и держать въ какомъ нибудь сборномъ мѣстѣ или даже принимать въ услуженіе отставныхъ военныхъ, которыхъ беспорядочная жизнь или несчастіе вынудитъ принять такую тяжкую зависимость.

«Таково, мм. гг., резюме главныхъ пунктовъ, собранныхъ слѣдствіемъ касательно приготовленій къ покушенію. Теперь позвольте сообщить вамъ подробности и доказательства.

«На допросѣ, о которомъ мы уже говорили и которому Лудовикъ Бонапартъ былъ подвергнутъ канцлеромъ при содѣйствіи слѣдственной комисіи, онъ не колеблясь сознался, что «онъ истратилъ много денегъ, чтобы основать и поддерживать во Франціи нѣсколько газетъ»; онъ отказался сообщить названія этихъ газетъ, цифру означенныхъ расходовъ и указать лицъ, съ которыми находился въ перепискѣ; но молчаніе его возбудить немного сожалѣнія въ виду важнаго открытія, добытаго слѣдствіемъ.

«Нѣкоторыя обвиненія, брошенныя одной газетою Сѣвернаго департамента въ нѣкоего Круи-Шанеля, вызвали со стороны послѣдняго протестъ, который вы могли прочесть въ *Courrier Français* отъ 22 прошлаго августа. Круи-Шанеля обвиняли въ томъ, будто бы онъ получилъ отъ принца Лудовика сумму въ 250,000 франковъ для преступнаго употребленія. Отвергнувъ это утвержденіе, какъ оскорбительную клевету, Круи-Шанель прибавлялъ: «Никогда принцъ не давалъ мнѣ такой суммы.» Изъ этихъ словъ *Courrier* вывелъ такое заключеніе, что Круи-Шанель открыто сознается, что руки у него не совсѣмъ чисты.

«Гласность этой полемики указала слѣдственной комиссіи путь, которому ей предстояло слѣдовать. Канцлеръ вытребовалъ къ себѣ Круи-Шанеля. Послѣдній объявилъ, что въ 1839 году, когда была основана газета *Capitole*, онъ получилъ отъ Лудовика Бонапарта 140,000 франковъ, которые онъ употребилъ на эту газету и на исполненіе разныхъ весьма дозвожительныхъ порученій принца; что ихъ сношенія продолжались три мѣсяца, съ іюня 1839 года до слѣдующаго октября или ноября; что съ тѣхъ поръ сношенія ихъ совершенно прекратились; что если онъ въ послѣднее время предпринималъ поѣздки въ Лондонъ, то не видѣлся тамъ съ Лудовикомъ Бонапартомъ.

«Послѣдній, будучи въ свою очередь спрошенъ объ этомъ случаѣ, 26-го прошлаго августа, подтвердилъ показанія Круи-Шанеля; съ одной стороны относительно присылки суммъ, назначенныхъ и употребленныхъ имъ на изданіе *Capitole*; съ другой, относительно прекращенія ихъ сношеній около конца 1839 г., съ тою только разницею, что, по словамъ Лудовика Бонапарта, сношенія эти начались въ іюнь и августъ 1838 года, вскорѣ послѣ изданія брошюры *Лети. Круи-Шанель*, который пріѣзжалъ къ нему въ Швейцарію, предлагалъ ему въ то время оказать содѣйствіе къ основанію какой нибудь газеты. Онъ не принялъ тогда этого предложенія, по впоследствии согласился и результатомъ его было основаніе *Capitole*. Во все продолженіе слѣдствія ни одинъ фактъ не опровергъ утвержденія Лудовика Бонапарта касательно сношеній его съ Круи-Шанелемъ и, должно замѣтить, они согласны съ утвержденіями Круи-Шанеля. Послѣдній уже былъ арестованъ за свои сношенія съ Лудовикомъ Бонапартомъ и за другія политическія интриги; но такъ

какъ противъ него не оказалось явныхъ уликъ, то онъ и былъ оправданъ. Тѣмъ не менѣе у него на дому была захвачена обширная переписка; не могла ли она навести на слѣдъ приготовленій булонскаго покушенія и указать на которыхъ лицъ, которыя ему содѣйствовали? Канцлеръ приказалъ принести въ судъ дѣло, въ которомъ содержалась эта переписка. Комиссія тщательно ее разсмотрѣла и убѣдилась, что происки, которые велъ Круи-Шанель и большая часть которыхъ относилась дѣйствительно къ Лудовику Бонапарту, окончились въ ноябрѣ 1839 года и что ихъ сношенія съ тѣхъ поръ совершенно прекратились. И такъ, какъ не судить о характерѣ намѣреній, которыя Круи-Шанель питалъ въ теченіи всего времени, какъ эти интриги продолжались, невозможно однако вывести изъ нихъ заключеніе, что онъ зналъ о рѣшеніи дѣйствовать противъ Булони, или же какимъ нибудь образомъ ему содѣйствовалъ.

«Но не принималъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, какого нибудь участія въ выборѣ лицъ и средствъ для этого покушенія? На слѣдующій вопросъ канцлера Лудовику Бонапарту: «Вѣроятно. Круи-Шанель могъ давать вамъ о людяхъ и вещахъ крайне живыя понятія, если они могли вліять на замыслы, которыя вы недавно осуществили», (допросъ 26-го августа) Лудовикъ Бонапартъ отвѣчалъ: «Онъ не имѣлъ никакого вліянія на мои замыслы, потому что я мало вѣрилъ въ его сужденія».

«И такъ, самое внимательное разсмотрѣніе сношеній Лудовика Бонапарта съ Круи-Шанелемъ доказали только еще яснѣе, какъ долго первый обдумывалъ планъ своего покушенія, въ то время, когда онъ еще не рѣшилъ окончательно, какимъ способомъ и въ какомъ мѣстѣ его предпринять.

«Мы уже говорили, что Лудовикъ—Наполеонъ не ограничился готовить свое вступленіе на престолъ при содѣйствіи одной лишь ежедневной печати; дѣйствительно, онъ вознамѣрился присоединить къ ней, кромѣ своей біографіи, которая должна была подвять надежды приверженцевъ наполеоновской династіи, небольшія брошюры, которыя будучи распространяемы въ большомъ числѣ въ публикѣ, а въ особенности въ городахъ, содержащихъ гарнизоны и въ казармахъ, могли—какъ онъ надѣялся—популяризировать его имя и связать его неразрывно съ именемъ императора.

«Вы помните брошюру, которая раздавалась въ Лондонѣ подъ именемъ брошюры Персиньи, а въ Парижъ подъ именемъ Лэти. Она слишкомъ хорошо извѣстна судьямъ, чтобы мнѣ нужно было вновь указывать на ея опасный духъ; назначеніемъ ея было — возстановить честь страсбургскаго покушенія, превозносить дѣло Лудовика Бонапарта, обмануть ложными надеждами тѣхъ, которые пощитались бы къ нему присоединиться, — словомъ создать ему вездѣ новыхъ и довѣрчивыхъ прозелитовъ.

«Другія брошюры имѣли подобное же назначеніе. Это были: *Idées napoléoniennes*, Лудовика Наполеона и *Lettres de Londres*. Всѣ эти сочиненія обнаруживаютъ тѣ же притязанія и стремятся къ тѣмъ же усиліямъ создать ему приверженцевъ и дѣлательно собрать ихъ подъ его знаменемъ.

«Были приняты всѣ мѣры, употреблены всѣ предосторожности, чтобы съ пользою распространять эти возмутительныя сочиненія. Выбирали преимущественно мѣстности, гдѣ проживаютъ старые служивые, еще полные чудныхъ воспомнаній объ имперіи, и сборные пункты нашихъ молодыхъ солдатъ, всегда готовыхъ съ

жадностью слушать почти баснословные, не смотря на ихъ дѣйствительность, рассказы о нашей старинной воинской славѣ.

«Между прочими доказательствами, собранными въ этомъ отношеніи слѣдственной комиссіей, вотъ одно, которое не оставитъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ вашихъ умахъ.

«24-го прошлаго іюня, какой-то человекъ, по имени Озіазъ, подошелъ въ одной изъ улицъ Лилля къ гренадеру 46-го линейнаго полка, занимающаго гарнизонъ въ этомъ городѣ; назвавшись его землякомъ, онъ свелъ его въ кабакъ, гдѣ и далъ ему два экземпляра *Lettres de Londres*. Онъ оставилъ десять экземпляровъ этой брошюры кабатчику, предлагая ему роздать ихъ. Ободренный успѣхомъ Озіазъ явился на слѣдующій день въ казармы, которыя онъ попросилъ осмотрѣть. Получивъ на то дозволеніе, онъ проникъ въ одну комнату, гдѣ собрались гренадеры; онъ счелъ долгомъ возобновить свою смѣлую вербовку партизановъ для Лудовика Бонапарта, но былъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія и преданъ въ руки судебной власти.

«Другіе эмиссары, занимающіе болѣе высокое положеніе въ обществѣ, взяли также распространять эти брошюры. Мы можемъ упомянуть здѣсь командира Мезонана, командира Паркена и проч. Но они имѣли другое назначеніе, которое болѣе согласовалось съ сношеніями, которыя они имѣли средства поддерживать; они должны были навѣщать лицъ, на которыхъ надѣялись оказать какое нибудь вліяніе; они должны были дѣлать имъ самыя заманчивыя предложенія, словомъ, не пренебрѣгать ничѣмъ, чтобы окончательно завербовать ихъ подъ знамена партіи.

«Слѣдствіе, конечно, не открыло всѣхъ этихъ столь ревностныхъ вербовщиковъ, но открыло главныхъ изъ нихъ; это: обвиняемые Паркенъ, Ломбардъ, Персини, Дальмбертъ, Мезонанъ, Форестье.

«Обвиняемый Паркенъ, съ тѣхъ поръ, какъ принцъ возвратился изъ Соединенныхъ Штатовъ, почти постоянно жилъ у него, называя себя его адъютантомъ. Вѣчно готовый исполнять его приказанія, онъ былъ безпрестанно посылаемъ съ разными порученіями въ интересахъ дѣла, которому служилъ слѣпо. Не далѣе, какъ за нѣсколько дней до булонскаго покушенія, онъ былъ въ Парижѣ; вы поймете, что онъ тамъ дѣлалъ. Ему было приказано обратить въ особенности вниманіе на старыхъ солдатъ имперіи, бѣдныхъ и впавшихъ въ несчастіе. Онъ ихъ отыскивалъ и посылалъ въ Лондонъ подъ разными предлогами.

«Такимъ-то образомъ онъ завербовалъ нѣкоего Бриго и капитана Дежардена, которыхъ потомъ нашли между заговорщиками.

«Слѣдствіе не раскрыло вполнѣ происковъ, которымъ предавались, во время своихъ частыхъ поѣздокъ во Францію, обвиняемые Ломбардъ и Персини. Все заставляетъ думать, что измѣна поручика 42-го полка Аладениза была дѣломъ Дальмберта или Баталя и Форестье; но особеннаго вниманія заслуживаетъ случай, касающійся командира Мезонана. Тутъ дѣло идетъ уже не о нѣсколькихъ отдѣльныхъ солдатахъ, привязанныхъ къ дѣлу, къ которому ихъ заставили пристать, бѣдностью, бездѣльемъ или хитростью какого нибудь ловкаго вербовщика. Мезонанъ простираетъ свои честолюбивые виды на самихъ начальниковъ. Если бы ему удалось завлечь въ свои сѣти генерала, командующаго сѣвернымъ департаментомъ,

развѣ ему не позволено было бы считать себя владѣтелемъ границы и прибрежья, на которомъ должна совершиться высадка; развѣ многочисленные гарнизоны, находящіеся подъ начальствомъ этого генерала, не послѣдуютъ неизбѣжно его примѣру?

«Канцлеръ допрашивалъ Мезонана на счетъ этого столь дерзкаго, столь невѣроятнаго предпріятія. Онъ спросилъ его, не обращался ли онъ, во время своихъ поѣздокъ по сѣвернымъ департаментамъ, къ нѣкоторымъ генераламъ съ предложеніями отъ имени Лудовика Бонапарта; именно, не показывалъ ли онъ одному генералу письмо, которое, по его словамъ, было прислано отъ него? Вотъ его буквальный отвѣтъ: (допросъ отъ 20-го августа) «Нѣтъ, я долго бесѣдовалъ о политикѣ съ однимъ генераломъ; онъ открылся мнѣ, что онъ оѣкорбленъ нѣкоторыми происшедшими повышеніями; онъ высказался даже по этому поводу съ большой горячностью. Я не скрылъ отъ него, что ѣду въ Англію, что увижу тамъ принца, но не дѣлалъ ему никакого предложенія отъ имени принца.»

«Канцлеръ спросилъ у Мезонана, какъ фамилія этого генерала и тотъ отвѣчалъ: «генералъ Маньянъ».

«Отвѣтъ этотъ указалъ слѣдственной комиссіи на ея обязанность. Канцлеръ вытребовалъ къ себѣ генералъ-маіора Маньяна, выслушалъ его и вотъ показаніе генерала цѣликомъ:

«Въ концѣ марта 1840 года, я былъ извѣщенъ префектомъ сѣвернаго департамента, что нѣкто Ломбардъ, бывшій полковой лекаръ, замѣшанный въ страсбургскихъ событіяхъ, прибылъ въ Лилль и что онъ тамъ находится въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми офицерами гарнизона. Я не назову этихъ офицеровъ, а также полковъ, къ которымъ

они принадлежатъ; король увѣдомленный военнымъ министромъ и мною о ихъ безразсудствѣ, снисходительно помиловалъ ихъ.

«6 го апрѣля 1840 г. я имѣлъ честь донести военному министру, что бывший командиръ Паркенъ, одинъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ страсбургскихъ событіяхъ, прибылъ въ Лилль. Я ему писалъ: «Такимъ образомъ, едва успѣлъ уѣхать Ломбардъ, какъ прибылъ Паркенъ. Прибытіе его нисколько меня не встревожило, тѣмъ не менѣе, чтобы исполнить свой долгъ, я созвалъ офицеровъ лильскаго гарнизона и хотя вѣрность ихъ престолу и преданность мнѣ извѣстны, однако я счелъ долгомъ указать имъ на присутствіе Паркена въ нашихъ стѣнахъ. Паркенъ пробылъ въ городѣ только сутки и уѣхалъ. Онъ былъ наканунѣ въ театрѣ, я его тамъ видѣлъ; онъ вошелъ въ ложу, бывшую занятой кирасирскимъ эскадроннымъ командиромъ Гранже, который тотчасъ же оставилъ свою ложу и занялъ другое мѣсто.

«Около того же времени, въ февралѣ мѣсяцѣ, помнится, прибылъ въ Лилль командиръ Мезонанъ. Онъ явился къ одному своему старому другу, эскадронному командиру, Кабуръ-Дюге, состоявшему при дивизионномъ штабѣ. Онъ былъ также у полковника 60-го полка въ Лиллѣ, одного изъ своихъ друзей. Этотъ полковникъ сказалъ ему: «я не могу пригласить тебя къ обѣду, потому что обѣдаю у генерала Маньяна. Знаешь ты его? Поди къ нему, онъ безъ сомнѣнія пригласитъ тебя обѣдать и мы проведемъ время вмѣстѣ.» Командиръ Мезонанъ явился ко мнѣ; я его зналъ въ Брестѣ, въ 1829 году, когда онъ былъ адъютантомъ генераль-лейтенанта графа Буркъ, главнаго инспектора полка, которымъ я тогда командовалъ. Я сохранилъ большую признательность къ графу

Буркъ за его доброту ко мнѣ и къ моему полку, и адъютантъ его пользовался моимъ расположеніемъ. Я не видалъ его съ 1829 года, мнѣ было пріятно его видѣть; я пригласилъ его обѣдать, онъ согласился. Послѣ обѣда, я спросилъ Мезонана, въ залѣ, въ присутствіи другихъ гостей, что его привело въ Лилль и куда онъ ѣдетъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что ѣдетъ въ Гентъ повидаться съ старыми друзьями; спрашивалъ у меня свѣдѣній о нѣкоторыхъ лицахъ этого города, гдѣ я имѣлъ квартиру, какъ командиръ фландрской дивизіи, когда меня посылали въ Бельгію. Я далъ ему эти свѣдѣнія. Онъ мнѣ сказалъ также, что онъ поѣдетъ въ Брюссель повидаться съ однимъ бывшимъ негоціантомъ, его товарищемъ по заключенію въ Англіи. Я представилъ его обѣдавшимъ у меня вмѣстѣ съ нимъ генералъ-лейтенанту, командующему дивизіей, и префекту. Составились партіи виста и я не говорилъ больше съ Мезонаномъ, который ушелъ отъ меня домой вмѣстѣ съ остальнымъ обществомъ.

«На слѣдующій день Мезонанъ пришелъ ко мнѣ, онъ былъ введенъ въ мой кабинетъ моимъ адъютантомъ, онъ сталъ мнѣ говорить о своемъ увольненіи въ отставку въ то время, когда ему обѣщали повышение въ чинъ подполковника; онъ говорилъ объ услугахъ, которыя оказалъ въ 1830 году, во время іюльской революціи, когда онъ сдѣлался адъютантомъ генерала Морена, командовавшаго первой дивизіей; подробно рассказывалъ мнѣ о своихъ услугахъ въ Лионѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Эмара, въ ту минуту, когда вспыхнуло республиканское движеніе въ этомъ городѣ. Я увидѣлъ въ немъ человѣка недовольнаго, но онъ ничего не говорилъ мнѣ о своихъ связяхъ съ принцемъ Лудовикомъ. Онъ мнѣ вручилъ небольшую брошюру, бывшую въ свое время напечатанною въ газетѣ *Cougier de l'Europe*, и въ кото-

рой было выражено его недовольство и его жалобы. Я бросилъ брошюру на бюро и сказалъ ему, что я все это читалъ въ газетахъ, будучи въ Бельгiи; я прибавилъ: «если вы хотите, любезный Мезонанъ, чтобы я вамъ высказалъ свое мнѣнiе объ этомъ дѣлѣ, я вамъ скажу, что я васъ порицалъ въ Бельгiи и порицаю и теперь; вы человѣкъ холостой, у васъ нѣтъ ни семьи, ни дѣтей, вы имѣете небольшое состоянiе; вы должны быть счастливы, что находитесь въ отставкѣ; что выиграли бы вы, сдѣлавшись полковникомъ? пятьдесятъ или 60 франковъ пенсiона болѣе».

Мезонанъ простился со мной; онъ нѣсколько разъ возвращался въ Лилль, заходилъ ко мнѣ, не засталъ меня дома, потому что я находился въ трехмѣсячномъ инспекторскомъ объѣздѣ. Однако, эти частыя поѣздки въ Лилль показались мнѣ подозрительными, я спросилъ у командира Кабура, что дѣлаетъ безпрестанно въ Лиллѣ г. Мезонанъ; Кабуръ отвѣчалъ, что онъ пріѣзжаетъ изъ за одной женщины, и я повѣрилъ. Однако, въ послѣднихъ числахъ iюня командиръ Мезонанъ снова пріѣхалъ въ Лилль, снова зашелъ ко мнѣ и я опять пригласилъ его обѣдать. Я ему назначилъ для этого день, не помню какой, кажется 22 или 23 iюля. На этотъ же день я пригласилъ капитана Гереля, 50-го линейнаго полка, который пріѣхалъ въ Лилль, чтобы дать показанiе по одному военно-судному дѣлу. Оба эти господина, жена моя и я отправились вчетверомъ, послѣ обѣда гулять на эспланаду: около восьми часовъ вечера я простился съ капитаномъ Герелемъ и Мезонаномъ, которые оба уѣзжали на слѣдующій день изъ города. На эспланадѣ Мезонанъ, прощаясь со мною, вручилъ мнѣ небольшую книжку, прося ее прочесть; я подумалъ, что это опять чтонибудь

относящееся къ его полемикѣ, положилъ книжку въ карманъ, и отправился въ префектуру.

«На слѣдующій день послѣ этого обѣда, Мезонанъ, котораго я считалъ уѣхавшимъ, вошелъ въ мой кабинетъ, спросилъ по обыкновенію, адъютанта доложить о себѣ; на лицѣ у него было написано смущеніе; я спросилъ его, почему онъ не уѣхалъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что имѣеть передать мнѣ письмо.—Отъ кого?—Прочтите, генераль. Онъ вручилъ мнѣ письмо, на которомъ было написано: «Г—пу командиру Мезонану». Я ему возвратилъ письмо, сказавъ: «Вы ошибаетесь, м. г., оно адресовано къ вамъ, а не ко мнѣ». Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Нѣтъ, оно написано къ вамъ». Я открылъ письмо и прочелъ первыя фразы, которыя мнѣ хорошо припомнились :

«Любезный командиръ, весьма важно, что вы сейчасъ же повидались съ извѣстнымъ вамъ генераломъ; вы знаете, это человѣкъ рѣшительный, котораго я записалъ у себя кандидатомъ въ будущіе маршалы Франціи. Вы ему предложите 400,000 франковъ отъ моего имени и 300,000 франковъ, которые я положу у какого нибудь банкира въ Парижѣ, по его выбору, на случай, если онъ лишится командованія своей арміей». Я остано- вился, такъ какъ негодованіе все болѣе и болѣе овла- дѣвало мною; я обернулъ листокъ и увидѣлъ, что письмо подписано: Наполеонъ—Лудовикъ. Я возвратилъ письмо командиру, сказалъ ему, что я думаю, что внушилъ ему достаточно уваженія къ себѣ, чтобы онъ осмѣливался дѣлать мнѣ подобное предложеніе; что никогда я не измѣнялъ своей присягѣ, даже въ 1815 г., не захотѣлъ служить первой реставраціи; что мое поклоненіе памяти им- ператора никогда не заставитъ меня измѣнить моимъ клятвамъ, что онъ, Мезонанъ, дѣйствуетъ безумно,

присоединившись къ партіи племянника, что эта партія смѣшная и погибшая.

«Я прибавилъ : И если бы я былъ на столько подлѣ , на столько гнусенъ , чтобы принять 400,000 Франковъ отъ принца , я бы ихъ укралъ у него, потому что , если бы я завтра явился къ льльскому гарнизону и сталъ бы убѣждать его измѣнить своей присягѣ , то послѣдній изъ капраловъ схватилъ бы меня за воротъ и арестовалъ , — до такой степени армія проникнута чувствомъ долга и чести. Я сказалъ Мезопану : Мнѣ слѣдовало бы арестовать васъ и отправить ваше письмо въ Парижъ ; но я считаю дѣломъ не достойнымъ донести на человѣка , котораго я принималъ у себя, съ которымъ я дѣлилъ хлѣбъ-соль , я этого не сдѣлаю. Спасайтесь , пока еще не поздно ; сохраните , отказавшись отъ этихъ замысловъ , уваженіе вашихъ товарищей и пусть армія не знаетъ о томъ , на что вы хотѣли докуситься. Мезонанъ хотѣлъ мнѣ возражать , но я отворилъ дверь моего кабинета , предложилъ ему выйти вонъ , сказавъ : «Идите упражняться въ другомъ мѣстѣ *)». Разставаясь съ нимъ , я ему обѣщалъ , что если онъ уѣдетъ изъ Лилля , что если онъ не будетъ болѣе возвращаться въ этотъ городъ , то я оставлю безъ послѣдствій его гнусныя предложенія. Мезонанъ сказалъ мнѣ , что онъ уѣзжаетъ въ тотъ же вечеръ и болѣе не возвратится.

«Послѣ его ухода , я вспомнилъ о книгѣ , которую онъ мнѣ далъ наканунѣ , я спросилъ ее у моего слуги ,

---

*) Этотъ самый генералъ Маньянъ , который при Наполеонѣ III сдѣлался маршаломъ имперіи , хладнокровно , съ заранѣе обдуманномъ планомъ и ловушкой , совершилъ страшную рѣзню на бульварахъ 4 декабря 1851 года.

такъ какъ она осталась у меня въ карманѣ, и увидѣлъ, что эта книга была: «Письма изъ Лондона.» Я позвалъ полковника Сенъ-Пэра, 4-го кирасирскаго полка, которому я ее и передалъ, предложивъ ему удостовѣриться, не распространены ли въ его полку подобныя книги, и передать ее другимъ полковникамъ съ тою же цѣлью. Дѣйствительно эта брошюра была распространена накануне въ казармахъ 46-го линейнаго полка. Подполковникъ Саллексъ, командовавшій временно этимъ полкомъ, донесъ мнѣ объ этомъ, о чемъ я 26 июня представилъ рапортъ военному министру.

«Въ тотъ же день я розослалъ циркуляръ къ 13 командирамъ, состоящимъ подъ моимъ начальствомъ, чтобы предостеречь ихъ отъ бонапартистскихъ вербовщиковъ.

«Первыя сообщенія, которыя я сдѣлалъ военному министру о покушеніяхъ Ломбарда и Паркена, показались съ моей стороны смѣшными и ребяческими — такъ мало важности придавали этимъ проискамъ. Полковникъ баронъ де-Вареннъ, начальникъ штаба дивизіи, пріѣхавъ изъ Парижа, сказалъ мнѣ, что тамъ находятъ, что слишкомъ много тревожусь изъ за разныхъ нелѣпостей.

«Но долгъ мой требовалъ болѣе того: необходимо было, чтобы я объѣхалъ свои войска, для чего я и отправился вмѣстѣ съ префектомъ сѣвернаго департамента. Дорогой я ему сообщилъ всѣ подробности свиданія моего съ Мезонаномъ; префектъ попросилъ у меня дозволенія предупредить объ этомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ правительство было предупреждено, правда, не мною, но префектомъ сѣвернаго департамента, съ моего дозволенія. Когда я возвратился домой, адъютантъ мой извѣстилъ меня, что Мезонанъ приходилъ ко

нѣ въ мое отсутствіе, жалуясь на то, что полиція за нимъ наблюдаетъ. Я тотчасъ же разсказалъ своему адъютанту обо всемъ, что произошло между Мезонаномъ и мною: негодование мое было сильно; я запретилъ своему адъютанту впускать Мезонана, если онъ явится. Я приказалъ тоже самое своему вѣстовому и слугѣ. Въ ту же минуту я позвалъ командира жандармовъ, указалъ ему на Мезонана, какъ на агента принца Лудовика, и приказалъ ему розыскать его и арестовать. Я лично ѣздилъ къ королевскому прокурору, чтобы заявить ему о Мезонанѣ, и въ тотъ же день, т. е. 5 іюля писалъ о немъ къ военному министру. Едва я возвратился домой и уѣлся въ своемъ кабинетѣ, какъ Мезонанъ, не сказавъ своего имени вѣстовому, проникъ украдкой въ мой кабинетъ; я всталъ, пошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ: «Вы не низвергните правительства, но вы потеряете голову или, лучше сказать, вы ее уже потеряли. Вы безумецъ, уйдите, жандармы васъ ищутъ, спасайтесь. Прежде я былъ вашимъ другомъ, а теперь дѣлаюсь вашимъ врагомъ; вы хотите низвергнуть правительство, которое я клялся защищать; разстанемтесь. Онъ ушелъ и я его болѣе не видалъ.»

«Что же это были за странные мотивы, за необыкновенныя причины, которыя ускорили роковое рѣшеніе Лудовика Наполеона? Слѣдствіе тщетно пыталось разгадать эту тайну. Лудовикъ Бонапартъ обнаружилъ на допросахъ скрытность, отъ которой не отступалъ ни на минуту. Сообщники его приняли такую же систему. Большая часть изъ нихъ—если вѣрить ихъ словамъ—обрекли себя на пассивное повиновеніе и слѣдовательно ничего не могли знать о намѣреніяхъ своего вождя.

«И такъ, остается открытымъ обширное поле для до-

гадокъ. Дѣйствительно ли Лудовикъ Бонапартъ и его сообщники думали, искренно вѣрили, что ихъ силъ весьма незначительныхъ, потому что они простирались не выше 50 или 60 человекъ, будетъ достаточно, въ соединеніи съ приверженцами, которыхъ доставили имъ интриги трехъ послѣднихъ лѣтъ, чтобы одолѣть всякое сопротивленіе и привести ихъ триумфаторами въ столицу? Рассчитывали ли они, что корона достанется имъ послѣ одной побѣды или послѣ цѣлаго ряда болѣе или менѣе ожесточенныхъ битвъ?

«Лудовикъ Бонапартъ, какъ извѣстно, питалъ убѣжденіе, что правительство помиловало его за страсбургскую попытку потому, что видѣло всеобщую симпатію народа къ наполеоновскому дѣлу. Впрочемъ, исторія свидѣтельствуетъ намъ, что всѣ, розыгрывавшіе роль претендентовъ, имѣли слабость вѣрить, что нація пламенно желаетъ ихъ видѣть у себя на престолѣ и ждетъ только ихъ прибытія, чтобы свергнуть его, подъ которымъ, по ихъ мнѣнію, она томится. По увѣреніямъ сообщниковъ, которыми былъ окруженъ Лудовикъ Бонапартъ, Франція была покрыта недовольными, которыхъ великое имя Наполеона тотчасъ бы собрало около того, кто былъ его самымъ достойнымъ представителемъ. Развѣ императоръ Наполеонъ не явился съ о. Эльбы въ Парижъ, не обнажая знаги? И почему бы тому, кто носилъ его имя, кто является наслѣдникомъ его правъ, не встрѣтить такого же счастья?»

Затѣмъ докладчикъ разсматриваетъ, какую роль игралъ каждый изъ подсудимыхъ и степень виновности каждаго изъ нихъ.

1) *Карлъ Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ* есть авторъ и душа покушенія. Онъ долженъ былъ главнымъ обра-

зомъ извлечь изъ него пользу, потому что, низвергнувши королевскую власть, онъ долженъ былъ естественно занять тронъ. По его словамъ, искреннее безкорыстiе, истинное величiе души побудили его къ его патриотическому нападенiю. «Тронутый страданiями народа, говоритъ онъ, онъ обрекъ себя въ жертву, чтобы спасти его отъ тиранiи правительства, которое портило его славу и жертвовало его матеріальными интересами ради разныхъ мелкихъ заботъ. Послѣ успѣха онъ предоставилъ бы націи выбрать себѣ правительство!...» (См. прокламаціи, раздававшiеся въ Булони).

«Не позволительно-ли думать, что эта мнимая умѣренность, это лицемерное уваженiе къ народной волѣ были только ловкимъ средствомъ прикрыть свои безумныя притязанiя? Развѣ онъ не представляетъ самъ тому доказательства, являясь отъ имени французскаго народа и объ-являя, отъ имени его же, что династія орлеанскихъ Бурбоновъ перестала царствовать, что палата пэровъ и палата депутатовъ распущены? Развѣ за этой узурпаціей не послѣдовали бы другія? Низпровергнувъ существующій порядокъ, развѣ онъ не счелъ бы себя въ правѣ устроить общество на новыхъ основанiяхъ? Развѣ онъ не приписываетъ себѣ этого права въ актахъ, которые онъ называетъ декретами? Развѣ оно не проистекаетъ изъ его притязанiй на императорское наслѣдство? По какому праву онъ заставилъ бы себя привѣтствовать криками: да здравствуетъ императоръ!»

О другихъ обвиняемыхъ мы не будемъ приводить буквально-словъ докладчика, который воспроизводитъ большую часть фактовъ и подробностей, уже сообщенныхъ нами, а постараемся представить наиболѣе важныхъ сообщниковъ Лудовика-Наполеона въ болѣе новомъ видѣ,

приведа относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ факты, которые были открыты впоследствии и которые вполне рисовываютъ ихъ личности.

2) *Генераль графъ Карль-Тристанъ-де-Монтолонъ* проживалъ въ Лондонѣ послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ. По возвращеніи съ о. св. Елены, куда онъ сопровождалъ императора и раздѣлялъ съ нимъ его плѣнъ, генераль Монтолонъ потерялъ въ раззорительныхъ спекуляціяхъ около двухъ милліоновъ франковъ и надѣлалъ долговъ на такую же сумму. Онъ былъ объявленъ банкротомъ и дошелъ до такой нужды, что нашелся вынужденнымъ продавать драгоцѣнныя вещи, которыя ему далъ императоръ Наполеонъ на о. св. Елены, а именно: знаменитый плащъ и шляпу, которые были на Наполеонѣ при Ватерлоо, несесерь, подаренный первому консулу, англійскимъ принцемъ-регентомъ, впоследствии Георгомъ IV, нѣсколько часовъ и драгоцѣнностей и пр.*) Повидимому, въ это время Лудовикъ Бонапартъ, который располагалъ однако значительными суммами, какъ это доказываетъ имущество, найденное на пароходѣ «Château d'Edinbourg», не слишкомъ дорожилъ священными для него вещами своего покойнаго дяди, такъ какъ позволялъ ихъ продавать; видно также, что онъ не всегда оказывалъ помощь своимъ приверженцамъ, потому что оставлялъ въ бѣдности человѣка такъ сильно ему преданнаго, какъ графъ Монтолонъ, стариннаго слугу своего дяди, за которымъ онъ послѣдовалъ на о. св. Елены.

Генераль Монтолонъ принялъ ту же систему защиты, какъ почти всѣ обвиняемые; подобно имъ, онъ утверждалъ, что ничего не зналъ о предпріятіи прежде отплы-

---

*) См. англійскую «Globe», августъ 1840 г.

тія въ море и что онъ послѣдовалъ за принцемъ изъ преданности къ его особѣ и его дѣлу; онъ жалуется даже въ довольно горькихъ выраженіяхъ, что принцъ весьма тщательно скрывалъ отъ него свои планы. Принцъ, прибавилъ онъ, изыскивалъ всякаго рода средства возвратиться во Францію вооруженной рукою и захватить корону. Я усиливался отворотить его отъ его замысловъ и потому, зная, что я держусь противнаго съ нимъ мнѣнія, онъ таилъ ихъ не только отъ меня, но и отъ своего дяди. *) Онъ насъ обманулъ обоихъ.

3) *Буффе де-Монтобанъ*, 47 лѣтъ отъ роду, называющій себя генераломъ парижскихъ волонтеровъ съ 1830 по 1831 годъ, родившійся въ Вернелѣ (въ департаментѣ Эрв), проживающій въ Лондонѣ, назначенный Людовикомъ Бонапартомъ командиромъ волонтеровъ центра.

Этотъ знаменитый воинъ не отличился ничѣмъ въ славной булонской экспедиціи, напротивъ, онъ, какъ и всегда, блисталъ своимъ совершеннымъ ничтожествомъ и присутствовалъ при подвигахъ инсургентовъ, какъ настоящій аматёръ; когда его допрашивали на судѣ пэровъ, онъ отвѣчалъ, что онъ думалъ, что предпринимаетъ съ принцемъ *partie de plaisir*, что онъ совершенно не зналъ его замысловъ. Онъ разсказалъ затѣмъ вступленіе бонапартистской шайки въ Булонь, сцену въ казармахъ и какъ онъ былъ арестованъ на берегу, въ ту минуту, какъ собирался сѣсть въ лодку. Что касается его личной роли, то она всл заключалась въ простой прогулкѣ въ мундирѣ.

---

*) Дядя Людовика Бонапарта, о которомъ здѣсь говорится, есть графъ Сюрвилле, бывшій король неаполитанскій и испанскій, Іосифъ Бонапартъ, который сенатскимъ постановленіемъ XII года былъ объявленъ наслѣдникомъ престола Наполеона I и права котораго, согласно этому декрету, имѣли преимущество передъ правами Людовика Бонапарта, отца и сына.

Тѣмъ не менѣе, повидимому это герой рѣдкихъ достоинствъ, потому что когда его господинъ достигъ власти, то возложилъ на него командованіе китайской экспедиціей, гдѣ онъ стяжалъ неуывдаемую славу тѣмъ, что разграбилъ лѣтній дворецъ императора небесной имперіи. Чтобы вознаградить его за этотъ новый подвигъ и въ особенности за его участіе въ булонскомъ покушеніи, е. в. императоръ Наполеонъ III сдѣлалъ его герцогомъ Па-ли-као, а такъ какъ Франція никогда не умѣла цѣнить по достоинству преданность особѣ бывшаго императора, то послѣдній хотѣлъ, чтобы законодательный корпусъ вотировалъ дотацію новому герцогу. Однако это государственное учрежденіе, не смотря на свое раболѣпіе, на этотъ разъ въ видѣ исключенія, имѣло мужество воспротивиться приказаніямъ своего повелителя. Дотація не была вотирована, вслѣдствіе чего бывший императоръ взялся выплачивать ему ее изъ своей частной шкапулки, причемъ жестоко насмѣялся надъ Франціей, сказавъ ей болѣе чѣмъ невѣжливимъ образомъ въ письмѣ къ своему любезному Паликао: «что только выродившіяся націи торгуются изъ-за наградъ за услуги, которыя имъ оказываютъ.»

4) *Конно*, докторъ медицины, состоящій при принцѣ Лудовикѣ-Наполеонѣ, былъ секретаремъ отца Лудовика-Наполеона Бонапарта, докторомъ, а потомъ фаворитомъ бывшей королевы Гортензін; онъ сознается, что участвовалъ въ заговорѣ, былъ извѣщенъ о немъ заранѣе и печаталъ прокламаціи Лудовика Бонапарта.

Когда его спросили, какія причины побудили его вступить въ заговоръ, онъ отвѣчалъ:

«Мое положеніе и долгъ еще болѣе священный —

признательность за милости, которыми меня осыпала мать принца, королева Гортензія.»

Какъ удивительно воспользовался Барильонъ, защитникъ г-на Конно, этими воспоминаніями любви и этимъ трогательнымъ положеніемъ, когда онъ съ тончайшей деликатностью, съ прелестнымъ пафосомъ напомнилъ послѣднія слова добродѣтельной принцессы: «я желаю, чтобы сынъ мой постоянно имѣлъ при себѣ доктора Конно.»

Поэтому, когда краснорѣчивый защитникъ, обратясь къ судьямъ и указывая на доктора, сидящаго на скамьѣ обвиняемыхъ рядомъ съ принцемъ Лудовикомъ, сказалъ: «Это послѣднее желаніе, мм. гг., было свято соблюдено, ибо на этой скорбной скамьѣ вы видите Конно подлѣ сына своей благодѣтельницы», то гг. пары не могли удержаться отъ чувства глубокаго удовольствія.

Во время второй имперіи докторъ Конно былъ щедро вознагражденъ за предупредительную услужливость, любезную нѣжность, за сладкія утѣхи, которыя онъ доставлялъ снисходительной Королевѣ Гортензіи и за преданность, которую онъ такъ свято засвидѣтельствовалъ сыну этой влюбчивой и чувствительной принцессы; ибо Лудовикъ Бонапартъ сдѣлалъ Конно сенаторомъ, съ 30,000 фр. жалованья, не считая огромнаго жалованья, которое онъ ему платилъ какъ лейбъ-медику е. в., жаловалъ ему кресты, мѣста, чины, дотаціи для него и для семейства. Этотъ бывший булонскій обвиняемый былъ во вторую имперію высокимъ и могущественнымъ лицомъ; когда онъ бывалъ нездоровъ, «*Moniteur officiel*» печаталъ бюллетени о его здоровьѣ; всѣ придворныя газеты спѣшили на перерывъ рассказывать объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ семейства Конно и передавали восхищен-

ному міру, какіе восхитительные туалеты были на *mesdames* и *mesdemoiselles* Конно и придворные или бальные костюмы на гг. Конно, отцѣ, сынѣ и К^о.

Эти удовольствія и ихъ описанія составляютъ самую блестящую сторону славныхъ дѣяній имперіи.

4) *Фіаленъ де-Персиньи*. Намъ приходится говорить объ одномъ изъ самыхъ знаменитыхъ наполеоновскихъ заговорщиковъ, о Доиъ-Кихотѣ императорской шайки, подвиги котораго въ Страсбургѣ мы уже описали.

Послѣ этого достопамятнаго дня, Жанъ-Жильбертъ Фіаленъ, названный Персиньи, впалъ въ немилость у своего господина и былъ сильно подозрѣваемъ въ измѣнѣ всѣми прочими заговорщиками; множество причинъ породили эту холодность и эти подозрѣнія.

Страсбургскіе инсургенты нашли, что Фіаленъ игралъ весьма странную роль при исполненіи заговора, котораго онъ былъ, послѣ Лудовика Бонапарта, главнымъ двигателемъ. Въ самомъ дѣлѣ тогдашнее поведеніе его было необъяснимо. Его не было видно ни въ Финкматѣ; ни у генерала Вуароля, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ предстояла какая нибудь опасность. Что же дѣлалъ во время этихъ несчастныхъ попытокъ тотъ, кого считали душою заговора?

Онъ исполнялъ тогда, съ помощью подкрѣпленія изъ двадцати артиллеристовъ, наименѣе опасную изъ операций—арестовывалъ Шопена д'Арпувиля, страсбургскаго префекта, набожнѣйшаго изъ чиновниковъ, не оказавшаго ни малѣйшаго сопротивленія. Тѣмъ не менѣе Фіаленъ, чтобы придать болѣе важности своему геройскому поступку, приказалъ своимъ солдатамъ бѣднаго префекта, трясшагося всѣми членами, бить кулаками, ногами, ружейными прикладами въ то время, какъ его вели съ его квар-

тиры въ аустерлицкіе казармы, куда онъ велѣлъ его запереть. Вотъ чѣмъ ограничились подвиги Фіалена въ позорный день 30 октября 1836 года. Поэтому Шовенъ Бейляръ, его бывший сотрудникъ въ газетѣ *l'Occident Français* и защитникъ обвиняемаго Грикура, отозвался въ ассизномъ судѣ слѣдующимъ образомъ о двусмысленной роли, которую тогда игралъ Фіалень:

«Кто же этотъ важный заговорщикъ, сказалъ онъ, который все знаетъ, который находится повсюду и которому, въ концѣ концовъ, поручаютъ въ великій день 30 октября арестовать нижнерейнскаго префекта, безобиднѣйшаго изъ префектовъ. По истиннѣ, это весьма странное назначеніе для вождя заговорщиковъ, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи столько храбрыхъ офицеровъ и уже цѣлый полкъ.»

Какъ бы то ни было, но этимъ и ограничилась вся роль мнимаго главнаго директора заговора, который, послѣ этого подвига, узнавъ о несчастномъ исходѣ попытки, сдѣланной въ Финкматѣ, бросился еле-живой отъ страха домой, гдѣ, если бы не присутствіе духа, мужество и хладнокровіе *m-me Гордонъ*, спасшей его изъ рукъ жандармовъ, онъ былъ бы непременно арестованъ.

Вотъ какъ одно бонапартическое изданіе *), которое нельзя заподозрить въ злобоязвительствѣ, рассказываетъ этотъ эпизодъ:

«Послѣ печальнаго исхода событія, *m-me Гордонъ* отправилась къ Персиньи, котораго она застала въ сильномъ отчаяніи и *проливающимъ обильныя слезы*. Не смотря на свою собственную горестъ, она старалась *возбудить его мужество*, потомъ схватила какъ попало разныя бу—

---

*) *Biographie des hommes du jour*, томъ IV, стр. 171.

маги, бросила ихъ въ печку и сожгла. Вскорѣ явились четыре жандарма, чтобы арестовать того и другую: не заботясь о самой себѣ, она бросила взглядъ отчаянія и сожалѣнія на своего товарища несчастія; онъ не видалъ этого взгляда. Вдругъ у ней блеснула счастливая идея и съ быстротою мысли она приступила къ ея исполненію. «Персиньи! вскричала она, мой флаконъ, я не въ силахъ болѣе, я задыхаюсь...» казалось, что она готова умереть!!!

Молодой человѣкъ подаетъ ей флаконъ съ спиртомъ и въ ту минуту, когда онъ подымаетъ на нее глаза, она указываетъ ему взглядомъ на полуоткрытую дверь; за этой дверью находилось окно, выходящее на *rez-de-chaussée*; онъ понимаетъ ее, но чувствуетъ свое безсиліе, потому что двѣ сильныя руки крѣпко ухватили его. Тогда эта женщина, которая за минуту передъ тѣмъ лежала въ обморокѣ, приходитъ въ чувство, встаетъ, глаза ее вспыхиваютъ и, бросившись на жандарма, который держалъ въ одной рукѣ Персиньи, а въ другой сакъ, который онъ у него отнял, кричитъ: «отдайте мнѣ мой сакъ, тутъ мои бумаги, мои деньги!» и съ силою вырываетъ его. Жандармъ изумленный, почти испуганный этимъ внезапнымъ нападеніемъ, не въ силахъ его удержать. Молодой человѣкъ, воспользовавшись этой минутой, въ одинъ мигъ выскакиваетъ въ окно.»

Этотъ недостатокъ энергіи, это двусмысленное поведение и наконецъ бѣгство Фіалена въ ту минуту, когда всѣ его сообщники были арестованы, произвели на послѣднихъ самое дурное дѣйствіе и породили странныя подозрѣнія въ ихъ умахъ, они обвинили бывшаго унтеръ-офицера Фіалена не только въ трусости, но и въ измѣнѣ.

Это мнѣніе сильно подѣйствовало также на Людовика

Бонапарта, который пересталъ питать прежнее довѣріе къ своему главному агенту.

Но когда Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, вопреки данной клятвѣ, возвратился изъ Америки, чтобы снова приняться за свои интриги и заговоры, Фіаленъ усугубилъ усиліе и рвеніе, чтобы вновь приобрести охладѣвшую дружбу.

Онъ снова предложилъ свою преданность и свои услуги, которыя были наконецъ приняты; онъ вновь началъ свои поѣздки во Францію и въ особенности въ Лондонъ, гдѣ Лудовикъ-Наполеонъ окончательно поселился, послѣ того, какъ былъ вынужденъ покинуть Швейцарію вслѣдствіе разныхъ понудительныхъ мѣръ, которыя его присутствіе вызвало противъ этой маленькой республики со стороны французскаго правительства. Тогда Лудовикъ Бонапартъ издалъ, какъ мы уже говорили, нѣсколько политическихъ брошюръ, между прочимъ «Lettres de Londres», писанныя будто бы однимъ генераломъ къ другому, въ которыхъ Персиныи, авторъ брошюры, прославлялъ страсбургское предпріятіе и провозглашалъ законность правъ племянника императора на французскій престоль. Эти письма были, при помощи многочисленныхъ бонапартистскихъ агентовъ, распространены въ большомъ количествѣ между войскомъ.

Мы уже отчасти видѣли, какъ велъ себя Фіаленъ въ булонскомъ предпріятіи, гдѣ онъ выказалъ не болѣе мужества, какъ и въ Страсбургѣ, и гдѣ онъ хвастался передъ судомъ царевъ, что хотѣлъ убить поручика Мосьона и капитана Пюижелье въ ту минуту, когда они входили во дворъ казармы, послѣ чего траги-комически прибавилъ: «я ничего не имѣю болѣе сказать, я принесъ сюда мою голову, пусть берутъ ее.» Но кому нужна была го-

лова знаменитаго Фіалена, что можно было бы съ нею сдѣлать? Ему оставили ее на плечахъ и хорошо сдѣлали, потому что иначе современники лишились бы забавнаго зрѣлища видѣть Фіалена въ качествѣ посла, министра и наконецъ — герцога имперіи.

Но, какъ говорить пословица, утро вечера мудренѣе, а потому первый фигурантъ смѣшныхъ комедій страсбургской и булонской на слѣдующій день одумался; онъ испугался, что судъ пэровъ приметъ его слова серьезно и что ему придется фантазія приговорить его къ смертной казни, и вслѣдствіе этого измѣнилъ показаніе, данное имъ наканунѣ, слѣдующимъ образомъ:

«Гг. пэры, сказалъ онъ, 11 августа я сдѣлалъ въ Булони декларацію, касательно поведенія моего въ казармахъ относительно капитана Коль-Пюишелье и поручика Мосьона. Я сдѣлалъ эту декларацію свободно, добровольно, послѣ шести дней размышленій, хотя противъ меня не было сдѣлано никакихъ показаній, не выступилъ ни одинъ свидѣтель. Но вчера, когда я отдавалъ отчетъ суду, волненіе которое я испытывалъ, говоря передъ такимъ важнымъ собраніемъ, преувеличило мои выраженія до такой степени, что придало моимъ отвѣтамъ рѣзкій характеръ, который не былъ ни въ моихъ мысляхъ, ни въ моемъ сердцѣ, ни въ характерѣ предпріятія принца. И такъ покорнѣйшу прошу судъ позволить мнѣ отказаться отъ того, что я сказалъ вчера по этому предмету и сослаться на мою декларацію 11 августа.

Впрочемъ, гг. пэры, если бы вы знали, какія гнусныя клеветы я вынужденъ переносить, вы бы поняли раздражительность моихъ словъ.»

Видно, что по нѣкоторомъ размышленіи, хвастовство Фіалена страннымъ образомъ умѣрилось. Во всякомъ слу-

чаѣ такое поведеніе его не было ни достойно, ни прилично и обнаруживало все тщеславіе, ребячество и измѣнчивость характера этого сообщника Лудовика Бонапарта.

Булонскіе заговорщики обвиняли тогда Фіалена: въ недостаткѣ рѣшимости въ казармахъ, вмѣсто энергіи, которой онъ хвастался на допросѣ; въ томъ, что онъ подалъ сигналъ къ отступленію въ верхній городъ; что онъ первый подалъ примѣръ къ бѣгству у колонны великой арміи; что онъ, устремившись очертя голову въ море, заставилъ опрокинуться лодку, на которой онъ спасался вмѣстѣ съ Лудовикомъ Бонапартомъ и другими своими товарищами, которыхъ онъ такимъ образомъ заставилъ упасть въ воду и предалъ ихъ беззащитныхъ и безъ средствъ къ бѣгству, ихъ врагамъ. Но они подозрѣвали его даже въ измѣнѣ, какъ онъ самъ даетъ это понятъ суду пэровъ, говоря: «Если бы вы знали, какія гнусныя клеветы я вынужденъ переносить, вы бы поняли раздражительность моихъ словъ.»

Эліасъ Реньо въ своей *Histoire de huit ans* выражается слѣдующимъ образомъ по поводу тѣхъ же фактовъ:

«Всѣ булонскіе обвиняемые были убѣждены, что имъ измѣнили; подозрѣніе многихъ изъ нихъ пало на Фіалена де-Персиныи. Во время судебныхъ преній ихъ поведеніе и ихъ взгляды свидѣтельствовали о ихъ недовѣрїи; они не разговаривали съ нимъ и во время перерывовъ засѣданія; между тѣмъ какъ всѣ вмѣстѣ изливали другъ другу свои чувства, они держались отъ него вдали и старались оставлять его одинокимъ. Адвокатъ Мари былъ до такой степени пораженъ этими демонстраціями, что счелъ нужнымъ спросить объясненій у принца. Последній отвѣчалъ, что онъ счтаетъ эти подозрѣнія неосновательными.»

Извѣстно было тогда, что графъ де Сень-Лё *) указывалъ на Фіалена, когда послѣ арестованія сына въ 1840 году писалъ въ письмѣ, напечатанномъ во всѣхъ газетахъ:

«..... Будучи убѣжденъ, что мой сынъ, единственный, который у меня остался, сдѣлался жертвой *инусной интриги и обольщенъ низкими льстецами, ложными друзьями и можетъ быть коварными совѣтами*, я не могу хранить молчанія, безъ того, чтобы не уклониться отъ своего долга и не подвергнуться самымъ горькимъ упрекамъ.

«И такъ я объявляю, что мой сынъ, Наполеонъ-Лудовикъ, попался въ третій разъ въ страшную ловушку, потому что нельзя допустить, чтобы человѣкъ, нелишенный способностей и здраваго смысла, добровольно бросился въ такую пропасть.

«Если онъ виновенъ, то наиболѣе виновные и истинные виновники суть тѣ, которые его соблазнили и ввели въ заблужденіе....

«Рекомендую моего заблудшаго и обольщеннаго сына его судьямъ и всѣмъ тѣмъ, которые носятъ въ груди сердце французское и отеческое.

Подписано: *Лудовикъ-де-Сень-Лё*.

Флоренція, 24 августа 1840 г.»

Чтобы покончить вопросъ объ измѣнѣ Фіалена, скажемъ въ заключеніе, что послѣ его осужденія правительство Лудовика Филиппа обращалось съ нимъ снисходительно: оно сначала назначило ему мѣстомъ заключенія дуланскую цитадель, а впослѣдствіи возвратила ему свободу и водворило въ Версали, гдѣ онъ могъ спокойно гу-

---

*) Бывшій король голландскій, законный отецъ Лудовика-Наполеона Бонапарта.

лять, развлекаться или работать, какъ ему заблагоразсудится.

Вообще июльское правительство приберегало всю свою строгость для республиканцевъ все свое снисхожденіе для династическихъ претендентовъ и ихъ приверженцевъ. Въ благодарность эти послѣдніе, лишь только достигли власти, тотчасъ же поспѣшили конфисковать имущества орлеанской фамиліи, которыя пощадили революціонеры 1848 года. Фіаленъ Персиньи тожь, когда занялъ высокій постъ въ имперіи, забылъ о снисходительности, которое выказало къ нему июльское правительство; онъ былъ безжалостенъ, онъ умѣлъ только поражать, заключать въ тюрьму, изгонять, ссылатъ, разстрѣливать, гильотинировать защитниковъ законности. Таковъ этотъ человѣкъ.

5) *Орси*, Жозефъ, родившійся во Франціи, проживающій въ Лондонѣ. Этотъ обвиняемый былъ банкиромъ фамиліи Бонапартъ во Флоренціи; подобно всѣмъ прочимъ обвиняемымъ онъ участвовалъ въ булонской экспедиціи. Но кромѣ своего матеріальнаго участія въ булонскомъ покушеніи, банкиръ Орси оказалъ гораздо важнѣйшую услугу Лудовику Бонапарту, потому что именно онъ открылъ средство достать деньги, необходимыя для предпріятія. Вотъ какимъ образомъ: Орси знавалъ въ низшихъ слояхъ лондонскихъ биржевыхъ спекуляторовъ одного генуэзскаго авантюриста, по имени Рапалло, у котораго была значительная денежная сумма, въ видѣ билетовъ, украденныхъ изъ англійскаго казначейства.

Эти цѣнности уже были предлагаемы другому претенденту, графу Монтемолино, который отказался отъ нихъ изъ деликатности; но булонскій герой, менѣе его

совѣстливый, принялъ ихъ съ радостью и такъ какъ онъ былъ въ то время добрымъ и негордымъ принцемъ, то и захотѣлъ засвидѣтельствовать свою признательность генуэзскому авантюристу и оказалъ ему честь, вызвавшись быть крестнымъ отцомъ его дочери.

Газета «Morning-Post» увѣряла тогда, что пароходъ, перевезшій Людовика Бонапарта и его сообщниковъ, былъ зафрахтованъ биржевыми игроками, которые вмѣстѣ съ тѣмъ подвинули этого молодаго безумца на это предпріятіе, съ цѣлью произвести вліяніе на англійскіе консолидированные фонды.

Но вскорѣ разнеслись еще болѣе важныя слухи, обвинявшіе англійское правительство въ томъ, что оно не чуждо булонскаго покушенія; указывали даже на членовъ англійскаго кабинета, какъ на тѣхъ «могущественныхъ друзей за границей», о которыхъ Людовикъ Бонапартъ говоритъ въ своей прокламаціи къ жителямъ Падде-Кале; эти слухи до такой степени усилились, что англійское правительство сочло долгомъ ихъ опровергнуть, какъ о томъ извѣщала газета «Débats» отъ 10-го августа 1840 года, говоря: «Англійское правительство поручило официально опровергнуть извѣстіе, будто бы принцъ Людовикъ Бонапартъ имѣлъ свиданіе съ лордомъ Пальмерстономъ.»

Отношенія между Франціей и Англіей были въ то время до такой степени напряжены по поводу восточнаго вопроса, что каждый день ожидали войны между этими двумя націями. Въ подтвержденіе этого приводимъ слова корреспондента «Times», который писалъ изъ Булони: «Уже нѣсколько дней слухи о войнѣ до такой степени волнуютъ наше населеніе, что когда сегодня ут-

ромъ ударили тревогу, многіе вообразили себѣ, что англичане уже высадились на берегъ.» *).

И это-то была «удобная минута», которую племянникъ Наполеонъ избралъ, чтобы возбудить междуособную войну во Франціи съ помощью своихъ «могущественныхъ друзей за границей»!

Дѣйствительно ли лордъ Пальмерстонъ участвовалъ въ булонскомъ предпріятіи? Это болѣе, чѣмъ вѣроятно, не смотря на официальное опроверженіе англійскаго правительства, которое, какъ и всѣ подобнаго рода опроверженія, не имѣетъ никакой нравственной цѣны, потому что газета «*Capitole*» утверждала, что свиданіе дѣйствительно происходило. Это свидѣтельство имѣетъ болшую цѣну, потому что помянутая газета принадлежала Лудовику Бонапарту, который ее основалъ, и слѣдовательно она должна была получать вѣрныя свѣдѣнія.

Въ виду подобнаго утвержденія органа Лудовика Бонапарта, тайна, окружавшая это свиданіе, разсѣялась, сомнѣніе слѣдалось болѣе не возможно, и, естественно, французскій народъ пришелъ въ сильное негодованіе, узнавъ, что Бонапартъ злоумышляетъ въ союзѣ съ англичаниномъ противъ внутренней безопасности Франціи, возбудилъ въ ней возмущеніе войскъ и междуособную войну.

Корпорация биржевыхъ маклеровъ и негоціанты Сити послѣдовали примѣру англійскаго правительства и посѣпили также отвергнуть всякое участіе съ своей стороны въ булонскомъ дѣлѣ и всякую связь съ Рапалло, объявивъ, что онъ непатентованный маклеръ. **)

---

*) Корреспонденція «*Times*» отъ 6-го августа 1840 г.

**) «*Journal des Débats*» отъ 14-го августа 1840 г.

Но тѣмъ не менѣе осталось несомнѣннымъ, что именно послѣдній доставилъ заговорщикамъ, черезъ посредство обвиняемаго Орси, капиталы, необходимые для того, чтобы довести предпріятіе до благополучнаго конца, что онъ самъ нанималъ пароходъ, заплативъ впередъ большую часть фрахта.

Трудно было однако объяснить себѣ, какимъ образомъ Рапалло, который находился въ весьма бѣдномъ положеніи, могъ доставить претенденту, финансовыя средства котораго совершенно истощились, значительныя суммы, необходимыя для его экспедиціи; тайна эта разъяснилась годъ спустя.

Въ концѣ октября 1841 года открыли, что множество билетовъ англійскаго казначейства имѣють дубликаты. Гг. Мастерманъ и К^о, бывшіе впоследствии акціонерами въ многихъ компаніяхъ французскихъ желѣзныхъ дорогъ, первые убѣдились въ неправильности многихъ билетовъ государственнаго казначейства, находившихся въ обращеніи. *)

Слѣдствіе, которое было тотчасъ же наряжено, привело къ открытію, что эти билеты были украдены Бомптомъ Смитомъ, однимъ изъ главныхъ чиновниковъ казначейства и племянникомъ адмирала Сиднея Смита. Будучи арестованъ, виновный объявилъ, что онъ передалъ всѣ украденные билеты Рапалло, который обѣщалъ ему, что ихъ выкупятъ, прежде, чѣмъ они поступятъ на биржу, и кромѣ того прибавилъ: «что Рапалло былъ замѣшанъ въ экспедиціи Лудовика Бонапарта противъ Франціи и что именно онъ нанималъ пароходъ для высадки въ Булонь.» Тогда Рапалло былъ арестованъ, какъ

---

*) «Observer», 31-го октября 1841 г.

сообщникъ Смита и на вопросы слѣдователя отвѣчалъ : « что онъ знаетъ обвиняемаго давно, что ему извѣстно его официальное положеніе и что онъ зналъ, что билеты, довѣренные ему Смитомъ, не есть собственность послѣд-
няго. » *)

Бомонтъ Смитъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ, въ уголовномъ судѣ, обстоятельства, побудившія его похитить означенные билеты :

« Денежныя затрудненія, сказалъ онъ, происшедшія отъ неумѣстнаго довѣрія, но не превышающія нѣсколь-
кихъ сотенъ фунтовъ стерлинговъ, заставили меня под-
даться внушеніямъ людей, которые пригласили меня вы-
свободиться изъ моего стѣсненнаго положенія и для этого воспользоваться на короткій срокъ билетами казначей-
ства, находившимися въ моемъ распоряженіи. Я поддался этому искушенію, не достигнувъ цѣли, которую я себѣ постановилъ, и разъ попавшись въ руки искусителя, я уже не могъ изъ нихъ вырваться: обольщенный, околдо-
ванный дьявольскими совѣтами и обѣщаніями, противъ которыхъ я не могъ устоять, я попалъ въ безысходное положеніе, и въ то время, какъ отъ меня получили би-
летовъ казначейства на громадную сумму, я не извлекъ изъ нихъ даже настолько денегъ, чтобы освободиться отъ незначительныхъ стѣсненій, которыя меня первонач-
ально тревожили. » **)

Несчастный Бомонтъ Смитъ былъ приговоренъ къ пожизненной ссылкѣ, а Рапалло, поставщикъ билетовъ бонапартискимъ заговорщикамъ, черезъ посредство бывшаго флорентинскаго банкира Орси, пробылъ въ тюрьмѣ

---

*) -Observer-, 7-го ноября 1841 г.

**) -Observer-, 5-го декабря 1841 г.

до конца сессіи парламента, въ которомъ это дѣло разсматривалось, и затѣмъ освобожденъ.

Кромѣ показанія Бомонта Смита, который говоритъ, что Рапалло былъ замѣшанъ въ экспедиціи Лудовика Бонапарта, къ дѣлу о булонскомъ заговорѣ, послѣ того, какъ было открыто похищеніе билетовъ казначейства, были присоединены документы, доказывавшіе, что эти билеты перешли изъ рукъ Рапалло въ руки Лудовика Бонапарта и что полмилліона, найденные на пароходѣ «City-Edinbourg», захваченномъ во время булонской экспедиціи, были добыты продажею билетовъ казначейства, украденныхъ Смитомъ; изъ того же источника былъ заплаченъ фрахтъ и получены всѣ суммы, которыя заговорщики такъ усердно расточали, какъ мы видѣли, они бросали прохожимъ серебро и золото цѣлыми горстями. Но теперь этихъ доказательствъ болѣе не существуетъ, такъ какъ одной изъ первыхъ заботъ булонскаго заговорщика, послѣ того, какъ онъ былъ выбранъ въ президенты республики, было завладѣть этими компрометирующими документами и уничтожить ихъ, для чего онъ не убоился нарушить неприкосновенность архивовъ. Поэтому—то случаю, чтобы не быть солидарнымъ съ этимъ фактомъ, Мальвилъ, бывшій тогда министромъ Лудовика Бонапарта, подалъ въ отставку.

Послѣ неудачи булонской экспедиціи, генуэзскій маклеръ Рапалло снова впалъ въ бѣдность, изъ которой вышелъ только на минуту.

Въ 1849 году, когда счастье улыбнулось наконецъ тому, кого онъ обязалъ въ 1840 году, онъ потребовалъ у него плату за услуги, которыя онъ ему оказалъ и сумму билетовъ, украденныхъ въ казначействѣ, — сумму, простиравшуюся свыше милліона. Лудовикъ Бонапартъ

сначала ничего ему не отвѣчалъ, онъ хотѣлъ оправдать безотвязнаго; но послѣдній пригрозилъ ему, что онъ все откроетъ, что онъ обнаружитъ письма и росписки принца, а также его переписку съ бывшими банкиромъ Орси.

И такъ нашему герою ничего болѣе не оставалось, какъ уступить, чтобы избѣжать скандала, который бы его погубилъ. Конно устроилъ свиданіе между Рапалло и его могущественнымъ должникомъ, который къ несчастію оказался не при деньгахъ. Лудовикъ-Наполеонъ далъ понять своему кредитору, какъ сильно онъ стѣсненъ въ своихъ средствахъ; онъ вручилъ ему билетъ въ 2,500 франковъ и золотую цѣпочку съ сердцемъ изъ брилліантовъ для его дочери, своей крестницѣ, и обѣщавъ разсчитаться съ нимъ, лишь только позволятъ болѣе благоприятныя обстоятельства. Благодаря успѣху 2-го декабря 1851 года Рапалло получилъ свои деньги, его должникъ выплатилъ ему ихъ посредствомъ сорока мѣсячныхъ уплатъ въ 25,000 фр. каждая. И въ этомъ случаѣ опять Лудовикъ Бонапартъ уплатилъ золотомъ Франціи и общественнымъ достояніемъ, которое онъ похитилъ, свою нечистую долговую претензію; деньги гражданъ, потъ народа покрыли издержки булонской экспедиціи, подобно тому, какъ они въ продолженіи 20 лѣтъ поддерживали пышность, баснословные расходы и мотовство бывшихъ заговорщиковъ Страсбурга и Булони.

6) *Аладенизъ*, поручикъ 42-го линейнаго полка, 27-ми лѣтъ отъ роду. Этотъ булонскій инсургентъ былъ единственнымъ военнымъ, состоявшимъ на службѣ, котораго могъ завлечь Лудовикъ Бонапартъ въ 1840 году. Онъ участвовалъ въ іюльскомъ возстаніи 1830 года и былъ въ то время награжденъ орденомъ. Въ 1848 году онъ сталъ выдавать себя за республиканца и добился командованія

однимъ изъ отрядовъ подвижной гвардіи, гдѣ, разумѣется, онъ служилъ бонапартистскому, дѣлу. Послѣ государственнаго переворота 2-го декабря онъ былъ наконецъ награжденъ за свои прежнія и новыя услуги ; глава булонскихъ заговорщиковъ назначилъ его консуломъ въ Ниццу, гдѣ онъ исполнялъ почетную должность изгонять республиканскихъ выходцевъ, жертвъ остракизма своего повелителя, между тѣмъ, какъ прежде назывался ихъ другомъ и съ 1848 по 1851 годъ проповѣдывалъ самыя крайнія республиканскія мнѣнія. Но когда этотъ старинный и безвѣстный воинъ 1830 года, сдѣлавшійся впоследствии однимъ изъ героевъ Булони, занялъ официальное положеніе, то онъ не зналъ болѣе предѣловъ своей роскоши и своимъ оргіямъ, и г. консулъ е. в. императора Наполеона въ Ниццѣ произвелъ такой скандалъ, что его патронъ, который между прочимъ не особенно взыскателенъ въ подобныхъ случаяхъ, вынужденъ былъ отозвать его. Между тѣмъ, такъ какъ этотъ свѣже-испеченный дипломатъ, вслѣдствіе своихъ безумныхъ расходовъ надѣлалъ пропасть долговъ, то его движимое имущество было конфисковано и продано съ публичнаго торга, самъ же онъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ, чтобы избѣжать преслѣдованій своихъ кредиторовъ ; съ тѣхъ поръ объ немъ ничего не было слышно ; безъ сомнѣнія онъ прозябаетъ въ низшихъ слояхъ императорской челяди.

V

ОСТАЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ПАРТИИ.

Прежде чѣмъ передавать судебныя пренія по процессу булонскихъ инсургентовъ, намъ остается еще сказать объ одномъ изъ самыхъ дѣятельныхъ заговорщиковъ, котораго мы уже видѣли участвовавшимъ въ Страсбургской попыткѣ, но котораго и на этотъ разъ обвинительная власть не сочла нужнымъ преслѣдовать, не смотря на его недвусмысленное содѣйствіе второму покушенію Людовика-Наполеона Бонапарта.

Этотъ сообщникъ — прекрасная и любезная м-ше Гордонъ. Вотъ что говоритъ о ней Times отъ 28-го августа:

«Бумаги, находящіяся въ рукахъ правительства, развиваютъ планъ заговора, въ которомъ г-жа Гордонъ была однимъ изъ главныхъ агентовъ, хотя полиція и не арестовала ее. Какъ кажется, принцъ предполагалъ сначала произвести свое покушеніе около ноября, т. е. въ то время, когда должны были прибыть во Францію останки Наполеона; въ эту минуту энтузіазмъ арміи и народа достигли бы своего апогея. Гордонъ была того мнѣнія, что

ноябрскіе и декабрскіе холода могли оказать свое вліяніе и оледѣнить умы, и дать такимъ образомъ Лудовику Филиппу шансы, которые жаръ каникулярныхъ дней обезпечили бы за принцемъ. Это мудрое замѣчаніе имѣло величайшій успѣхъ. Принцъ выбралъ для своей экспедиціи моментъ, указанной его подругой; онъ извѣстилъ ее даже о днѣ высадки и о своемъ маршрутѣ, и безъ сомнѣнія секретъ этотъ былъ свято сохраненъ.

«М-me Гордонъ, которая пѣлавъ Парижѣ, привлекала въ свои салоны многочисленную толпу посѣтителей не прелестью своего голоса и не совершенствомъ своего таланта. Ея слушатели состояли по большей части изъ друзей императорскаго дѣла. Остальное общество состояло изъ полицейскихъ агентовъ и любопытныхъ.

«Эта дама, окончивъ свои концерты въ Парижѣ, давала ихъ въ провинціи; ее слушали послѣдовательно въ Мецѣ, Руэ и въ другихъ укрѣпленныхъ городахъ, въ которыхъ находились многочисленные гарнизоны; и тамъ эта пѣвица или, лучше сказать, императорская пропаганда, хвалилась въ своихъ письмахъ къ принцу, что она склонила на его сторону цѣлые полки и большое число офицеровъ. Принцъ, положившись на точность этихъ свѣдѣній, повелѣлъ, по полученіи одной изъ ея депешъ, произвести общее возстаніе. Одинъ изъ его приверженцевъ долженъ былъ отправиться въ Гентъ, чтобы оттуда вторгнуться въ Лилль, а другой въ Монсъ, откуда вступить въ Валансьенъ. Однако этотъ планъ былъ оставленъ. Не мѣшаетъ указать на одну изъ дѣйствительныхъ услугъ этой дамы. Легитимисты и бонапартисты во Франціи безъ сомнѣнія храбры, но, къ несчастію, люди, которые подъ начальствомъ Жанна и Барбеса выходятъ на улицу, чтобы вступать въ борьбу съ правительствомъ,

опирающимся на 120,000 штыковъ, не легитимисты и не бонапартисты: лиліи или орелъ не въ силахъ поднять этихъ предприимчивыхъ людей; поэтому Круи—Шанель предложилъ произвести сліяніе съ республиканцами. Припцъ отвѣчалъ на это внушеніе формальнымъ отказомъ. *Никогда идея республики не приходила мнѣ въ голову*, сказалъ онъ. Никогда онъ не вымолвилъ ни одного слова въ интересъ ея принциповъ. Тѣмъ не менѣе мысль Круи—Шанеля поразила г-жу Гордонъ, которая, съ совершеннымъ тактомъ, взялась за это дѣло и привлекла на сторону имперіи нѣсколько тысячъ красныхъ калпаковъ, портныхъ подмастерьевъ. Эта дама говорила имъ откровенно, что дѣло идетъ объ учрежденіи не республики, но имперіи. Неизвѣстно, какія средства убѣжденія употребила она, чтобы обратить портныхъ, напичтанныхъ Бабѣфомъ и Барбесомъ, и заставить ихъ перейти на сторону имперіализма.

«Есть три отдѣленія имперіалистской партіи. Первое и предводителя ея мы сейчасъ описали. Другое отдѣленіе находится подъ предсѣдательствомъ m-me Рено де-Сенъ-Жанъ-д'Апжели, вдовы извѣстнаго сенатора этого имени. Членовъ этого отдѣленія называютъ *обожателями*. Третье отдѣленіе имѣетъ вождемъ m-me де-Сальважъ-де-Фавероль, при содѣйствіи герцогини Рагузской. Это отдѣленіе — наиболѣе просвѣщенное изъ всѣхъ трехъ; членовъ ея называютъ *выжидающими* (espectants). Они не хотятъ никакой внезапной попытки.

«Круи—Шанель не совсѣмъ отказался отъ своего плана создать республиканско-бонапартистскую партію. Онъ утверждалъ, что никакая другая комбинація не будетъ имѣть успѣха. Онъ напомнилъ принцу, что первоначально этотъ планъ ему улыбался; что онъ соглашался быть

представленнымъ вождямъ республиканскихъ выходцевъ въ Лондонѣ, гг. Кавеньяку и Маррасту, но что эти вожди отказались отъ этого сближенія. Однако впоследствии было условлено такъ, что во время десерта у генерала Монтобана принцъ войдетъ какъ бы невзначай и будетъ представленъ г-ну Кавеньяку. Этотъ послѣдній отвѣчалъ на любезности принца такими же любезностями, но не сдѣлалъ ему никакой уступки. Съ этого дня между принцемъ и Кавеньякомъ не было болѣе никакихъ сношеній. Но принцъ сказалъ по этому поводу одному изъ своихъ приверженцевъ: «Пусть Круи-Шанель розыгрываетъ какъ хочетъ *комедію съ народомъ*, я же надѣюсь только на армию и буду ей обязанъ всѣмъ, моимъ успѣхомъ.» Это истинно наполеоновская идея; *tout pour le peuple, rien par le peuple* (все для народа, ничего при помощи народа), говаривалъ Наполеонъ. М-ше Гордонъ пользовалась полнымъ довѣріемъ принца. Во время своихъ странствованій вдоль границы она извѣстила Лудовика Бонапарта, что одно важное лицо готово оказать содѣйствіе, въ случаѣ если будетъ сдѣлано какое нибудь усиліе. Правительство, не извѣстно на какомъ основаніи, связывало съ этимъ извѣщеніемъ прибытіе въ прошломъ мѣсяцѣ въ Висбаденъ Юсифа Бонапарта.

«Форестье, арестованный въ Булони, былъ однимъ изъ самыхъ предприимчивыхъ агентовъ партіи Лудовика Бонапарта въ Парижѣ. Подъ его руководствомъ происходила раздача «Писемъ изъ Лондона», касающихся Лудовика-Наполеона.

«Увѣряютъ, что стараются выбрать Берье въ адвокаты къ принцу. Цѣль та, чтобы примирить легитимистовъ съ бонапартистами и побудить послѣднихъ способствовать попыткѣ, которую легитимисты намѣрены сдѣлать въ

пользу герцога Бордосскаго тотчасъ послѣ смерти герцогини Ангулемской, которая изъ всѣхъ силъ возстаетъ противъ поспѣшности и безразсудной отваги».

Эти открытія касательно бонапартистской партіи во время булонскаго заговора не лишены извѣстнаго интереса. Видно, что Лудовикъ-Наполеонъ считалъ народный элементъ за ничто; идеаломъ его всегда была военная диктатура или порабощеніе народа арміей. Онъ позволялъ только Круи-Шанелю *розыграть комедію съ народомъ*, но самъ онъ надѣялся только на армію и утверждалъ, что ей именно онъ будетъ обязанъ своимъ успѣхомъ. Однако, обѣ неудачныя попытки, страсбургская и булонская, доказали ему противное, и безъ голосовъ народа, благодаря которымъ онъ въ 1848 году сдѣлался президентомъ республики, онъ не былъ бы, конечно, впоследствии императоромъ.

Это доказываетъ всю шаткость сужденій Лудовика Бонапарта и то, что онъ обязанъ своимъ торжествомъ не своимъ достоинствамъ и талантамъ, но своему рожденію и обстоятельствамъ, сложившимся въ его пользу въ 1848 году. Статья, которую мы выше привели, доказываетъ также, что республиканцы постоянно отвергали авансы и предложенія императорскаго претендента и что они никогда не хотѣли имѣть ничего съ нимъ общаго. Они въ этомъ отношеніи не послѣдовали примѣру легитимистовъ и орлеанистовъ, которые 10-го декабря 1848 года почти всѣ подали голосъ за Лудовика Бонапарта, которые ковали вмѣстѣ съ нимъ заговоры во все время его президентства, въ надеждѣ, что онъ низвергнетъ республику въ ихъ пользу, и которые перестали его поддерживать только тогда, когда увидѣли, что онъ ихъ только проводитъ, что онъ хлопочетъ только о своихъ собствен-

ныхъ интересахъ. Это, однако не помѣшало гг. Ларош-жаклену, Буасси, Монталамберу, Дюпену и нѣкоторымъ другимъ роялистамъ пристать къ имперіи.

Мы уже видѣли вѣроломную роль, которую игралъ Круи-Шанель въ бонапартистскомъ заговорѣ, который онъ предалъ полиціи; онъ вѣроятно старался снискать согласіе республиканцевъ съ тою же цѣлью, но къ счастью вѣрность ихъ своимъ принципамъ и презрѣніе ихъ къ бонапартистской партіи, составленной исключительно изъ авантюристовъ, помогли имъ избѣгнуть этой западни. М-ше Сальважъ-де-Фавероль, бывшая статсъ-дама королевы Гортензіи и ея душеприкащица, есть одна изъ тѣхъ старыхъ бонапартистскихъ вѣдьмъ, изрытыхъ *морщинами* и *беззубыхъ*, которыя составляли заговоръ въ пользу имперіи и на которыхъ остроумно намекаетъ Альфонсъ Карръ въ своихъ «Осахъ». Во время булонскаго покушенія полиція захватила обширную переписку у этой дамы, которая была арестована и впослѣдствіи освобождена.

Приказано было также арестовать полковника Водре, жившаго тогда въ Парижѣ, и которому Лудовикъ Бонапартъ назначилъ въ своихъ приказахъ командованіе артиллеріею. Но его не было дома, когда явились его арестовать, и вмѣсто него, по ошибкѣ, арестовали его брата, который такимъ образомъ облегчилъ ему средства скрыться. Полковникъ утверждалъ впослѣдствіи, что онъ не хотѣлъ участвовать въ этой второй экспедиціи, такъ какъ первая совершенно разочаровала его на счетъ способностей и мужества страсбургскаго героя. «Capitole», органъ наполеоновской партіи, утверждалъ тогда, что Лудовикъ Бонапартъ не сдѣлалъ бы своей безразсудной попытки, если бы послушался Водре.

Бачіоки, родственникъ императорскаго претендента

и бывший впоследствии первым камергеромъ императора Наполеона III, былъ въ то время камергеромъ короля вюртембергскаго; его также обвиняли въ томъ, что онъ участвовалъ въ булонскомъ заговорѣ и арестовали, но не подвергли судебному преслѣдованію и вскорѣ освободили.

Французское правительство получало самыя точныя свѣдѣнія о всѣхъ проискахъ и замыслахъ бонапартистской партіи черезъ свою полицію и въ особенности черезъ Круи-Шанеля, который продавалъ ему секреты заговорщиковъ. Дѣйствительно, въ *Moniteur Parisien* отъ 7 августа 1840 года читаемъ:

«Правительство знало довольно давно, что Лудовикъ Бонапартъ и его агенты замышляютъ упередить время перенесенія останковъ императора Наполеона, чтобы занять собою публику посредствомъ какой нибудь неожиданной попытки. Эмиссары постоянно разъѣзжали изъ Парижа въ Лондонъ, изъ Лондона въ наши крѣпости, чтобы ознакомиться съ духомъ нашихъ гарнизоновъ и заняться тѣми, столь же пустыми, какъ и преступными, происками, которыя составляютъ препровожденіе времени для нѣкоторыхъ умовъ.

«Въ послѣдніе дни нельзя было уже сомнѣваться въ томъ, что минута дѣйствовать наступила. Вслѣдствіе того были даны приказанія и предостереженія во всѣ города, на которые могли рассчитывать, въ своихъ химерическихкихъ надеждахъ *habitués* Карльтонъ-Гардена *), а также во всѣ пункты побережья и границъ.»

Cougrier de l'Europe, французская газета, издающаяся въ Лондонѣ, извѣщала на своихъ столбцахъ, за двѣ недѣли до булонскаго покушенія, что на берегу Франціи

---

*) Отель Лудовика Бонапарта въ Лондонѣ.

должна произойти высадка и называла даже этотъ послѣдній городъ, какъ одинъ изъ портовъ, гдѣ должна была произойти эта высадка. Она съ точностью сообщила всѣ подробности экспедиціи и называла главныхъ участниковъ заговора; она имѣла такія вѣрныя свѣдѣнія, что даже извѣщала, что Тьеръ будетъ назначенъ членомъ временнаго правительства.

Изъ этого видно, что эта экспедиція не была въ то время тайною, потому что газеты извѣстили о ней со всѣми подробностями за двѣ недѣли впередъ; что правительство французское имѣло о ней самыя точныя свѣдѣнія и что если англійскій кабинетъ не воспрепятствовалъ ей, то потому, что онъ ее терпѣлъ, втайнѣ одобрялъ и былъ съ сообщникомъ.

VI

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕССЪ.

Если Лудовикъ-Наполеонъ потерпѣлъ такую же неудачу въ Булони, какъ и въ Страсбургѣ, то на этотъ разъ по крайней мѣрѣ ему дозволено было «высказать въ своей защитѣ свои идеи и свои намѣренія» *), что онъ желалъ сдѣлать еще по случаю помилованія, дарованнаго ему въ 1836 году, послѣ его первой, страсбургской попытки.

Когда канцлеръ Паскье сталъ допрашивать его въ судѣ пэровъ, въ засѣданіи 28 го сентября 1840 года, то вмѣсто того, чтобы отвѣчать на обращенный къ нему вопросъ, въ которомъ у него спрашивали: «не высидѣлся ли онъ на булонскомъ берегу съ значительнымъ числомъ лицъ въ ночь съ 5 по 6 прошлаго года и не пытался ли онъ измѣнить форму правленія, установленною хартіей 1830 года?» онъ попросилъ, прежде чѣмъ отвѣчать на вопросъ, представить суду нѣкоторыя замѣчанія. Когда это дозволеніе было ему дано, онъ развернулъ

---

*) Письмо Лудовика-Наполеона къ своей матери 10-го января 1837 года.

тетрадь, которую держалъ въ рукѣ и прочелъ медленнымъ и слабымъ голосомъ, съ весьма рѣзкимъ иностраннымъ акцентомъ, слѣдующее политическое profession de foi, каждый параграфъ котораго секретарь де-ла-Шовиньеръ принужденъ былъ повторять, чтобы судъ могъ ихъ слышать; понятно, какое тягостное впечатлѣніе производила эта сцена на публику.

«Гг. пэры, сказалъ онъ: въ первый разъ въ жизни мнѣ позволено наконецъ возвысить голосъ во Франціи и говорить свободно къ Французамъ.

«Не смотря на стражу, которая меня окружаетъ, не смотря на обвиненія, которыя я сейчасъ слышалъ, полный воспоминаній моего перваго дѣтства, находясь въ этихъ стѣнахъ сената *)», среди васъ, которыхъ я знаю, мм. гг., я не могу думать, чтобы я здѣсь имѣлъ надежду оправдаться, а также то, чтобы вы могли быть моими судьями. Мнѣ представляется торжественный случай объяснить моимъ согражданамъ мое поведеніе, мои намеренія, мои планы, то, что я думалъ, чего я хочу.

«Если я безъ гордости, также какъ и безъ слабости напоминаю права, врученныя націей моей фамиліи, то единственно для того, чтобы объяснить обязанности, которыя эти права наложили на всѣхъ насъ.

«Въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, какъ принципъ самодержавія народа былъ освященъ во Франціи самой могучей революціей, какая когда либо происходила въ мірѣ, никогда національная воля не была провозглашаема такъ торжественно, не заявляла себя такимъ множе-

---

*) Видно, что Лудовикъ Бонапартъ былъ до такой степени напуганъ воспоминаніями объ учрежденіяхъ имперіи, что называетъ палату пэровъ *сенатомъ*.

ствомъ свободныхъ голосовъ, какъ при принятіи учрежденій имперіи.

«Нація никогда не отмѣняла этого великаго акта своей верховной власти, и императоръ сказалъ: «Все, что было сдѣлано безъ нея — незаконно.»

«Поэтому прошу васъ не думать, чтобы я, поддавшись внушеніямъ личнаго честолюбія, хотѣлъ попытаться, наперекоръ народной волѣ, возстановить во Франціи имперію. Я образовался подъ вліяніемъ болѣе высокихъ уроковъ и имѣлъ передъ глазами болѣе благородные примѣры.

«Я родился отъ отца, который безъ сожалѣнія сошелъ съ престола въ тотъ день, когда увидѣлъ невозможность примирить съ интересами Франціи интересы народа, которымъ онъ былъ призванъ управлять.

«Императоръ, мой дядя, предпочелъ скорѣе отречься отъ имперіи, чѣмъ согласиться, на основаніи трактатовъ, на стѣсненные границы, которыя должны были подвергнуть Францію пренебреженію и угрозамъ, которыя иностранецъ себѣ нынѣ позволяетъ. Я никогда не могъ забыть такихъ уроковъ. Незаслуженная и жестокая проскрипція, которая въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ влачила мою жизнь со ступеней трона, на которыхъ я родился, до тюрьмы, откуда я сейчасъ выхожу, была не въ силахъ раздражить или утомить мое сердце; она не могла меня ни на одинъ день сдѣлать чуждымъ достоинству, славы, правамъ, интересамъ Франціи. Отсюда понятно мое поведеніе; мои убѣжденія.

«Когда въ 1830 году народъ вновь завоевалъ себя верховную власть, я думалъ, что будущее будетъ столь же честно, какъ и само завоеваніе и что судьбы Франціи навсегда упрочены: но странѣ пришлось пережить пе-

чальный опытъ десяти послѣднихъ лѣтъ. Я думалъ, что голоса четырехъ милліоновъ гражданъ, возведшіе мою фамилію на императорскій престолъ, налагаютъ на насъ по крайней мѣрѣ обязанность обратиться съ воззваніемъ къ націи и спросить ея волю: я думалъ даже, что еслибы въ средѣ національнаго конгресса, который я хотѣлъ созвать, слышались какіе нибудь протесты, то я имѣлъ бы право пробудить въ немъ блистательныя воспоминанія имперіи, указать на старшаго брата императора, на этого добродѣтельнаго человѣка, который прежде меня имѣетъ право на его наслѣдство, и поставить нынѣшнюю Францію, ослабленную, не имѣющую голоса на конгрессѣ государей, лицомъ къ лицу съ тогдашней Франціей, столь сильной внутри, столь могущественной и столь уважаемой за своими предѣлами. Нація отвѣчала бы: республика или монархія, имперія или королевство; отъ ея свободнаго рѣшенія зависитъ конецъ нашихъ бѣдствій, нашихъ споровъ.

«Что касается моего предпріятія, цовторяю, я не имѣю сообщниковъ. Я одинъ все рѣшилъ; никто не зналъ заранее ни моихъ плановъ, ни моихъ средствъ, ни моихъ надеждъ. Если я виновенъ передъ кѣмъ нибудь, то только передъ моими друзьями. Однако, пусть они не обвиняютъ меня въ томъ, будто бы я игралъ ихъ мужествомъ и преданностью. Они поймутъ побужденія чести и благородія, не позволяющія мнѣ открыть даже имъ, какія обширныя и сильныя причины имѣлъ я надѣяться на успѣхъ.

«Еще одно слово, мм. гг. Я представляю передъ вами принципъ, дѣло, пораженіе. Принципъ, это — самодержавіе народа; дѣло — имперія; пораженіе — Ватерлоо. Принципъ вы признали; дѣло — вы ему служили, пора-

женіе — вы хотѣли за него отомстить. Нѣтъ, между вами и мною нѣтъ разногласія и я не хочу думать, чтобы я былъ обреченъ нести наказаніе за пораженія другихъ.

«Будучи представителемъ политическаго дѣла, я не могу принять судьями моихъ намѣреній и моихъ дѣйствій политическую юрисдикцію. Въ борьбѣ, которая открывається, есть только побѣдитель и побѣжденный. Если вы слуги побѣдителя, мнѣ нечего ожидать отъ васъ справедливости, а великодушія я не желаю.»

На вопросы президента Лудовикъ Бонапартъ почти ничего не хотѣлъ отвѣчать и ссылался на показанія, данныя имъ на предшествовавшихъ допросахъ.

На вопросъ, сознается-ли онъ, что выстрѣлилъ изъ пистолета въ капитана Коль-Пюижелье, противившагося его намѣреніямъ, Лудовикъ Бонапартъ отвѣчалъ: «Бываютъ минуты, когда не отдаешь себѣ вполнѣ отчета въ точномъ смыслѣ выраженій. Я отнюдь не имѣлъ намѣренія произвести свалку. Я сдѣлалъ этотъ выстрѣлъ невольно.»

Президентъ. Признаете-ли вы, что поручили напечатать и распространить брошюру Лэти и другую, подъ заглавіемъ *Idées napoléoniennes*?

Обвиняемый. Нѣтъ.

През. Какимъ образомъ вы присвоивали себѣ верховную власть, провозглашая вмѣстѣ съ тѣмъ самодержавіе народа?

Обв. Я хотѣлъ учредить временное правительство и затѣмъ созвать національный конгрессъ.

През. Но прежде чѣмъ созывать конгрессъ, вы произнесли низложеніе нынѣшняго правительства?

Обв. Безъ революціи нельзя было созвать національный конгрессъ.

През. Какимъ образомъ вы достали суммы, найденныя на пароходѣ?

Обв. Продажею части моего родового имѣнія.

През. До какой цифры простирались эти суммы?

Обв. Я объяснилъ это на моихъ допросахъ.

Вотъ что обвиняемый отвѣчалъ касательно этого пункта булонскому судебному слѣдователю:

«У меня было 15,000 фунт. стерл. билетами англійскаго банка. Я имѣлъ эти билеты при себѣ. Я довѣрилъ Телену и Бюру два жестяныхъ ящика, изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ по 25,000 фр. золотомъ. Бюръ и Теленъ довѣрили двумъ лицамъ, имена которыхъ они мнѣ не сказали, два этихъ ящика, содержащихъ въ себѣ по 25,000 фр. золотомъ каждый. Я думалъ, что ключи отъ этихъ ящиковъ находятся въ портфель, оставшемся въ моей каретѣ.

«Во время переѣзда изъ Англии въ Булонь я роздалъ вѣроятно 100 или 105 фунт. стерл. Я полагаю, что ящики содержали вмѣстѣ только 78,000 франковъ, и что у меня при себѣ было отъ 20 до 22,000 франковъ, которыя я роздалъ во время переѣзда. Эти суммы были моимъ личнымъ достояніемъ, я въ послѣднее время скоплялъ деньги, для приведенія въ исполненіе моихъ замысловъ.»

Коммисары суда представили обвиняемому запечатанный пакетъ, въ которомъ, по его вскрытіи, оказалось три пакета билетовъ англійскаго банка, на сумму 11,190 фунт. стерл., или 279,750 франковъ, считая фунтъ стерл. въ 25 фр.

Презид. Повидимому суммы, которыя вы роздали дорогой, простираются приблизительно до 22,000 франковъ. Кому вы дали эти деньги?

Обе. Всѣмъ одинаково; я даже далъ денегъ прислугѣ, для того, чтобы никто не нуждался.

Политическое *profession de foi* составлено ловко, не смотря на ошибки и софизмы, которыми оно изобилуетъ. Но мы были бы несправедливы къ его автору, если бы хотѣли сдѣлать его лично отвѣтственнымъ за лживыя ученія, которыя оно въ себѣ содержитъ, потому что въ этомъ случаѣ виновенъ не онъ, по несправедливое дѣло, которое онъ защищаетъ и которое вынуждаетъ его поддерживать съ возможной ловкостью ложные принципы, которые самому великому искусству не удалось бы выдать за истинные.

Поэтому онъ требуетъ здѣсь, весьма естественно, мнимыхъ правъ, которыя, по его словамъ, *были вручены націей его фамилии*, указываетъ на пресловутые четыре милліона голосовъ, болѣе или менѣе ловко эскамотированныхъ въ пользу имперіи, — голосовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ самодержавіемъ народа, которые, напротивъ, были совершеннымъ его отрицаніемъ, которые его совершенно уничтожили, чтобы воздвигнуть на его развалинахъ военный деспотизмъ тирана.

Что касается *высокихъ уроковъ и благородныхъ приливовъ*, подѣ влияніемъ которыхъ образовался Лудовикъ Бонапартъ, то если бы ихъ и не знали, можно было бы легко судить по плодамъ, которые они принесли, образовавъ такого *малоправственнаго*, по выраженію газеты Times, человека, каковъ нашъ герой, напрасно ссылающійся на качества своего *законнаго отца*, потому что всѣмъ извѣстно, что кровь бывшего короля голландскаго не течетъ въ его жилахъ; онъ былъ по своему происхожденію и правилъ совершенно равенъ знаменитому герцогу Морни, съ той лишь разницей, что отцомъ этого

послѣдняго считается графъ Флаго, бывшій сенаторъ второй имперіи, тогда какъ отцомъ Лудовика считается голландскій адмиралъ Вегюзель. Воспитанникъ своей матери, онъ пріученъ былъ къ хитрости, притворству, лжи, лицемерію, любви къ роскоши, къ чувственнымъ наслажденіямъ; Гортензія внушила ему съ ранняго возраста непомѣрное честолюбіе, жажду власти, богатства и постоянно указывала ему на тронъ Наполеона, какъ на цѣль стремленій его честолюбія. Вотъ *высокіе уроки и благородные примѣры*, которые образовали нашего героя.

И вообще говоря, ссылки на примѣры сдѣланы были Лудовикомъ—Наполеономъ весьма не кстати. Онъ, конечно, имѣлъ въ виду напомнить французамъ, что и Наполеонъ I сдѣлалъ высадку на берегъ Франціи, которая встрѣтила его съ вновь возгорѣвшимся чувствомъ увлеченія; но обѣ попытки племянника, страсбургскій заговоръ и булонская высадка, напротивъ, будучи сопоставлены съ удавшейся высадкой Наполеона I, казались еще смѣшнѣе, еще опрометчивѣе. Спекулируя на имя Наполеона I, Лудовикъ—Наполеонъ хотѣлъ эксплуатировать и самыя дѣйствія его, что видно во всей его послѣдующей карьерѣ; но это является простымъ обезьянствомъ, обличившимъ, что подражатель въ умственномъ отношеніи отстоитъ неизмѣримо далеко отъ своего образца. Опрометчивый заговорщикъ оказался впослѣдствіи и не менѣе опрометчивымъ правителемъ. О немъ можно сказать теперь, что онъ держался только злоупотребленіями своей власти и, естественно, не могъ чувствовать себя прочнымъ. Злоупотребленіе власти онъ обратилъ въ систему, одинаково вредную и ему и странѣ.

Если бы Лудовикъ—Наполеонъ имѣлъ малѣйшее чувство приличія, онъ бы не сослался на примѣръ быв-

шаго короля голландскаго, Лудовика Бонапарта, который сошелъ съ престола не добровольно, но потому, что не въ силахъ былъ болѣе сносить капризы и тиранство своего брата Наполеона I и въ особенности стыдъ, который послѣдній наносилъ ему каждый день, удерживая у себя жену его Гортензію де-Богарне, съ которой онъ открыто поддерживалъ интимную связь; онъ бы не при-мѣшалъ имени своего законнаго отца къ своимъ безумнымъ замысламъ, особенно послѣ того, какъ послѣдній рѣшительно осудилъ ихъ въ письмѣ, напечатанномъ во всѣхъ газетахъ, въ которомъ онъ называетъ страсбургское покушеніе *жусной интригой, ужасной ловушкой и страшной засадой*.

Точно также невѣрно, будто бы императоръ, его дядя, предпочелъ отрѣчься отъ имперіи, чѣмъ принять, въ силу трактатовъ, сжатія границы, предавшія Францію въ жертву пренебреженія и угрозъ, которыя иноземецъ позволилъ себѣ въ 1840 году.

Когда Лудовикъ-Наполеонъ говорить, то для того, чтобы лгать; когда онъ цитируетъ исторію, то для того, чтобы ее исказить; слово его, точно также какъ и его перо, порождаютъ только ложь и коварство.

Въ 1819 году Наполеону I не приходилось выбирать между отрѣченіемъ отъ престола и уменьшенной имперіей, съ сжатыми границами; онъ былъ покинутъ большей частью своихъ маршаловъ, которыхъ онъ осыпалъ почестями и богатствомъ, и которые послѣ упрекали его въ его ненасытномъ честолюбіи. Его насильственное отрѣченіе отъ престола въ пользу своего сына Наполеона II, отдававшее Францію на произволъ иностранца, съ границами, какія послѣднему угодно будетъ ей даровать, даже не было уважено. Его собственный *охранительный*

сенатъ (*Senat conservateur*), выразивъ ему жестокіе упреки въ его тиранствѣ, клятвопреступленіяхъ, въ его раззорительныхъ и непрерывныхъ войнахъ, въ его политическихъ убійствахъ, въ его государственныхъ тюрьмахъ, ценсурѣ, произволѣ его полиціи, его деморализаціи, въ оскорбленіяхъ нравственности и справедливости, его ненасытномъ честолюбіи, его жестокости, презрѣніи къ жизни другихъ, его глубокомъ эгоизмѣ, его безнравственности, въ *раззореніи городовъ, опустошеніи селъ, въ голодъ и заразительныхъ болѣзняхъ*, — его охранительный сенатъ, говоримъ мы, обвинивъ его во всемъ этомъ, изданъ слѣдующій декретъ :

«Статья I. Наполеонъ Бонапартъ низложенъ съ престола и право наслѣдованія, установленное въ его семействѣ, уничтожено.

Статья II. Французскій народъ и армія освобождаются отъ «клятвы въ вѣрности Наполеону Бонапарту.»

Если Наполеонъ — что мы оспариваемъ — дѣйствительно хотѣлъ спросить волю народа, созвать національный конгрессъ, то почему онъ не сдѣлалъ этого въ 1851 году, послѣ переворота 2-го декабря? Почему въ то время, вмѣсто того, чтобы прямодушно спросить желанія народа, онъ предложилъ ему слѣдующій лукавый и коварный вопросъ :

«Пусть тѣ, которые желаютъ продлить полномочія президента республики на десять лѣтъ и одобряютъ его плебисцитъ отъ 2-го декабря 1851 года, подадутъ голосъ: *да*. Если они рѣшатъ *нѣтъ*, то все по прежнему останется нерѣшеннымъ и снова впадетъ въ анархію.»

Вотъ какимъ способомъ Лудовикъ-Наполеонъ сдѣлалъ воззваніе къ народу въ 1851 году, вмѣсто того, чтобы постановить честно и прямодушно вопросъ между

республикой и монархіей, между имперіей и королевствомъ, какъ онъ, по его словамъ на судѣ пэровъ въ 1840 году, намѣренъ былъ это сдѣлать.

Но, впрочемъ, заключеніе его рѣчи въ судѣ пэровъ доказываетъ неискренность его намѣренія предоставить народу свободу выбрать себѣ форму правленія по желанію.

Развѣ онъ является передъ судомъ какъ боецъ за справедливость, за свободное выраженіе народной воли? Нѣтъ, онъ выдаетъ себя за представителя, за наслѣдника въ боковой линіи *самодержавія народа*, которое, какъ онъ утверждаетъ, передано его фамиліи вотированіемъ 1804 года; за представителя *дѣла имперіи*, т. е. за реставратора, продолжателя императорскаго управленія, и наконецъ за мстителя за *пораженіе при Ватерлоо*. Это столь ясное, столь рѣшительное *profession de foi* не оставляетъ болѣе сомнѣній на счетъ истинныхъ убѣжденій и цѣли Лудовика-Наполеона Бонапарта; помѣщенные же въ началѣ его предисываемые обстоятельства и приличіемъ фразы суть только средства, ораторскія приготовленія, имѣющія цѣлью снискать благосклонность, симпатію суда и публики, по которыя не имѣютъ иного значенія и цѣны.

Генераль Моктолонъ, спрошенный въ свою очередь, сознался, что послѣдовалъ за Лудовикомъ-Наполеономъ въ Булонь изъ отеческой дружбы, которую онъ питаетъ къ этому молодому человѣку, что онъ ничего не зналъ о его замыслахъ на Булонь и что принцъ открылъ ему ихъ только за нѣсколько минутъ до высадки на французскій берегъ. Понятно, какъ неправдоподобны были эти отрицанія генерала; по этому судьи увидѣли въ нихъ только неловкія извиненія, не заслуживающія никакой вѣры.

Канцлеръ Паскье замѣтилъ ему это, но онъ до конца упорствовалъ въ своихъ деклараціяхъ.

Полковникъ Вуазенъ, Паркенъ, Буффе-Монтобанъ и Ломбардъ дѣлаютъ почти такія же деклараціи, утверждая, что они раньше ничего не знали о намѣреніяхъ принца; они, на своихъ допросахъ, не выходятъ изъ одного и того же круга, отвѣты ихъ какъ бы стереотипированы.

Только допросъ Фіалена, принявшаго имя Персиньи, представляетъ нѣкоторые варианты; вотъ наиболѣе интересная часть его:

През. Вы приняли имя Персиньи, это не ваше имя, вы называетесь Фіаленъ.

Обв. Я принялъ имя Персиньи, потому что это имя моего дѣда (*общій смѣхъ*).

През. Вы приняли также титулъ виконта, развѣ вашъ дѣдъ былъ графъ?

Обв. Нѣтъ, мой прадѣдъ былъ графомъ.

Изъ этого видно, что генеалогическое древо г-на виконта де-Персиньи оставляло многого желать и что онъ присвоилъ себѣ имя, которое ему не принадлежало. Это не помѣшало ему однако выказать предъ судомъ большое самохвальство.

Онъ объявилъ, что участвовалъ въ экспедиціи, не зная ея цѣли, и рассказалъ слѣдующимъ образомъ эпизодъ въ казармахъ:

«Когда принцъ отправился въ казармы, я поставилъ у воротъ шесть часовыхъ, приказавъ имъ никого ни впускать, ни выпускать. Этотъ приказъ былъ исполненъ въ продолженіи нѣкотораго времени, но въ ту минуту, когда войска провозглашали принца и привѣтствовали знамя, одинъ офицеръ 42-го полка, который, какъ мнѣ пока-

залось, питалъ враждебныя намѣренія, силою ворвался въ казармы. Я тогда былъ одѣтъ пѣхотнымъ унтеръ-офицеромъ и имѣлъ въ рукѣ ружье; я бросился на него и въ ту минуту, какъ я его хотѣлъ убить, поручикъ Аладенизь устремился ко мнѣ и отвратилъ ударъ, который я готовъ былъ нанести. Ударъ этотъ былъ такъ силенъ, что штыкъ согнулся надвое.

Минуту спустя прибылъ капитанъ гренадеровъ 42-го полка и завязался новый ожесточенный споръ, во время котораго, по вышеупомянутымъ причинамъ, я бы непременно убилъ капитана, если бы г. Аладенизь снова не бросился между этимъ офицеромъ и мною и не остановилъ меня самымъ энергическимъ образомъ; онъ объявилъ мнѣ тогда съ большой гордостью, что если я трону капитана, то онъ, Аладенизь, тотчасъ же обратится противъ насъ.

През. Такимъ образомъ, вы сдѣлались виновны въ покушеніи на убійство.

Персиньи. Я бы могъ убить его изъ своего ружья, которое было заряжено. Но я не имѣлъ этого намѣренія, я бы напалъ на него съ равнымъ оружіемъ.

През. Капитанъ имѣлъ только саблю, у васъ же было ружье со штыкомъ, оружіе было не равное; еслибы вы его убили, вы были бы убійцей.

Въ другомъ засѣданіи суда Фіаленъ де-Персиньи, виконтъ милостію своего прадѣда, попросилъ дозволить ему разъяснить это показаніе и отвергъ его.

Затѣмъ канцлеръ допрашиваетъ *Форестье* и *Баталя*, которые не показали ничего новаго. Канцлеръ спрашиваетъ у послѣдняго, не принадлежалъ ли онъ къ редакціи газеты *Саритоле*? «Да, сказалъ онъ, потому что эта газета редактировалась въ смыслѣ моихъ мнѣній; я раз-

бираль въ ней спеціальный вопросъ — восточный . Я трактоваль его съ точки зрѣнія союза съ Россіей .»

Любопытно сравнить теперь , что Лудовикъ Бонапартъ поручаль въ 1840 г. , въ своей газетѣ *Capitole* , трактовать восточный вопросъ съ точки зрѣнія союза съ Россіей , а въ 1854 году онъ основываль свою политику на востокъ на союзъ съ Англіей и предприняль крымскую экспедицію вмѣстѣ съ Англіей противъ Россіи .

Это одно изъ многочисленныхъ доказательствъ шаткости внѣшней политики Лудовика Бонапарта , которая , также какъ и его внутренняя политика , состояла вся изъ уловокъ , влачась изо дня въ день , и лишена твердыхъ правилъ и принциповъ .

Поручикъ *Аладенизъ* сознается въ своемъ участіи въ покушеніи .

« Мое положеніе трудное , сказалъ онъ : будучи поставленъ между моими товарищами-офицерами полка и моими симпатіями , я не могу ничего сказать въ свою защиту , чтобы могло потомъ обратиться въ ущербъ моихъ политическихъ друзей . Въ такомъ положеніи мнѣ остается ожидать показаній , которыя , какъ я въ томъ не сомнѣваюсь , будутъ въ мою пользу ; а до тѣхъ поръ я не имѣю ничего лучшаго сказать .

Президентъ допрашиваетъ обвиняемыхъ Орнено , Гальвани , д'Альмберта , Орси и Бюра ; всѣ они сознаются , что участвовали въ экспедиціи изъ преданности къ принцу .

Никогда не бывало примѣра столь ничтожныхъ , столь пошлыхъ допросовъ ; между всѣми этими обвиняемыми мы не найдемъ ни одного человѣка съ глубокими убѣжденіями , всѣ они говорятъ , что дѣйствовали изъ лично й

преданности, повинуюсь, какъ автоматы, какъ машины. Лудовикъ Бонапартъ говорилъ имъ: ступайте туда, и они шли туда, садитесь на этотъ пароходъ — и они отправлялись на пароходъ; надѣньте этотъ мундиръ, и они его надѣвали, сойдите на землю, идите въ казармы, кричите: « да здравствуетъ императоръ! » и они это дѣлали. Это тѣла безъ души, безъ мысли, безъ воли, безъ инициативы, которыя движутся въ силу внѣшняго, чуждаго имъ побужденія. Почти всѣ: до бывшихъ страсбургскихъ сообщниковъ; до домашняго секретаря Лудовика-Наполеона; до доктора Конно, находившагося при Лудовикѣ Бонапартѣ въ продолженіи многихъ лѣтъ, который жилъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ его матерью и который печаталъ прокламаціи; до банкира Орси, доставившаго краденыя деньги, послужившія для экспедиціи, до командира Мезонана, который хотѣлъ завербовать генерала Маньяна; до Паркена, посылавшаго къ Лудовику Бонапарту лакеевъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ солдатъ экспедиціи; до генерала Монтолона, занимавшаго первую роль при принцѣ, который подписывалъ прокламаціи — повторяемъ, почти всѣ упорно держались пошлой системы защиты, состоявшей въ томъ, что они утверждали, будто бы они не знали заранѣе о заговорѣ.

Обыкновенно заговорщики, къ какой бы партіи они не принадлежали, дѣйствуютъ въ силу глубокихъ убѣжденій, основанныхъ или на разумѣ, или на предрасудкахъ, на фанатизмѣ, или на заблужденіи, но во всякомъ случаѣ ихъ вѣрованія сильны и искренни; печальнымъ же и смѣшнымъ спутникамъ Лудовика Бонапарта было суждено выказать совершенное отсутствіе убѣжденій, отсутствіе всякихъ благородныхъ, возвышенныхъ и великодушныхъ чувствъ. Всѣ эти люди повиновались какъ

лакеи; они послѣдовали за тѣмъ , кто ихъ кормилъ , содержалъ , платилъ имъ жалованье , давалъ имъ пить , ѣсть , раздавалъ имъ на пароходѣ вино и золото , и который обѣщалъ имъ мѣста , почести , ордена , чины и могущество . Предводитель ихъ не отличается также благородствомъ чувства: когда онъ хочетъ завлечь генерала , то онъ ничего лучшаго не находитъ , какъ предложить ему 400,000 или 500,000 фр. и жезлъ маршала Франціи; когда онъ высадился на берегъ , первымъ дѣломъ его было предложить золото таможеннымъ солдатамъ и пенсію ихъ начальнику , — всѣ они съ достоинствомъ отказываются; когда его представляютъ капитану Коль-Пюи-желле , то вмѣсто того , чтобы повести рѣчь о военной славѣ , о національной чести , о роли защитника народовъ , которую , по его словамъ , онъ готовитъ арміи , онъ пытается грубымъ образомъ подкупить его , говоря ему , какъ человѣку , котораго презираютъ , какъ съ продажной совѣстью: «Капитанъ , присоединитесь къ намъ , и вы получите все , что хотите.» Чтобы завлечь стараго сержанта , онъ тутъ же производитъ его въ капитаны , но послѣдній обращается противъ него.

Мы видѣли , что Лудовикъ-Наполеонъ употребилъ тѣже самыя средства низкаго и гнуснаго подкупа въ Страсбургѣ , раздавалъ всѣмъ чины , одѣлялъ солдатъ деньгами и хотѣлъ назначить пенсію дѣтямъ полковника Тайланде , отъ чего послѣдній съ негодованіемъ отказался , сказавъ ему: «я отдаю мою кровь , но не продаю ее.» Только , такъ какъ въ Страсбургѣ принцъ не имѣлъ на милліонъ билетовъ , украденныхъ изъ англійскаго казначейства , то онъ былъ менѣе великодушенъ , чѣмъ въ Булони , онъ не бросалъ золото горстями прохожимъ и уличнымъ мальчуганамъ. Позднѣе , 2-го декабря 1851

года, онъ употребилъ тѣже самыя средства постыднаго подкупа, раздавалъ деньги солдатамъ, свертки золота офицерамъ и завлекъ главныхъ начальниковъ арміи: Канробера, Форея, Еспинасса, Флѣри, Маньяна, Сентъ-Арно, и пр. и пр., далъ каждому изъ нихъ двѣ, три, пять, шесть, восемьсотъ тысячъ фр. и до милліона. Булонскій герой всегда былъ тѣмъ же грубымъ и омерзительнымъ лиходателемъ, понимающимъ и эксплуатирующимъ только самыя низкія страсти человѣческаго сердца. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, это — типъ, который нигдѣ не встрѣтишь въ исторіи, даже въ исторіи величайшихъ преступниковъ, прославившихъ собою уголовные суды.

Мы не приводимъ здѣсь показанія генерала Маньяна, которое уже находится въ докладѣ Персиля, сообщенномъ нами. Онъ повторилъ передъ обвиняемымъ Лудовикомъ-Бонапартомъ, осыпая его презрѣніемъ, все; что онъ показалъ на слѣдствіи, не забывъ снова объявить, что «партія племянника императора есть смѣшная и погибшая партія» и что онъ прогналъ Мезонана, присланнаго къ нему принцемъ, сказавъ ему: «Идите вѣшаться въ другомъ мѣстѣ.» Впослѣдствіи Маньянъ продался за полмилліона франковъ представителю этой *смѣшной и погибшей* партіи; для него-то онъ устроилъ побоище на бульварахъ, за что былъ награжденъ титуломъ сенатора и маршала имперіи.

Генеральный прокуроръ Франкъ — Карре произнесъ весьма краснорѣчивую обвинительную рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

« Не мѣсто-ли здѣсь, мм. гг., показать всю ничтожность этого предпріятія до смѣшнаго противорѣчія между пышною программой и жалкими подробностями испол-

ненія? Вы читали, мм. гг., вы имѣли передъ глазами эти постановленія, эти декреты, приказы (Лудовика Бонапарта), въ которыхъ невозможное дѣло, о которомъ мечтали, предполагается уже исполненнымъ, совершеннымъ. Въ нихъ назначенъ маршрутъ побѣдоносной арміи, распредѣлено командованіе: этотъ помѣщенъ въ авангардѣ; этотъ командуетъ всей кавалеріей; тотъ имѣетъ подъ своимъ начальствомъ всю пѣхоту центра, третьему поручено наблюдать за арберггардомъ; штабъ организованъ; военное интендантство учреждено; оно дѣйствуетъ ..... не забыта и медицинская часть, — и однако, гг. пэры, эта могущественная армія была вся цѣликомъ приведена къ намъ на судъ; когда же съ нея сняли нарядъ, въ который ее облекли, мы увидѣли передъ собою *лакейскую миврею*; потомъ, когда судъ освободилъ большую часть этого войска, за неимѣніемъ достаточныхъ поводовъ къ обвиненію, всѣ эти солдаты, *ставшіе снова лакеями*, поспѣшили потребовать чрезъ судей свое жалованье.

Говорить-ли намъ о лживыхъ прокламаціяхъ, печальныхъ пародіяхъ на неподражаемый языкъ, гдѣ въ каждой строкѣ прочтешь незнакомство съ положеніемъ страны и забвеніе *національнаго достоинства*; гдѣ тотъ, кто упрекаетъ наши учрежденія въ томъ, что они не защищаютъ свободы, учреждаетъ военныя комиссіи, чтобы судить тѣхъ, которые позволяютъ себѣ остаться *вѣрными своему долгу*; гдѣ тотъ, кто занимался *вербовкой и раздавалъ деньги, чтобы купить измѣну*, обвиняетъ наше правительство въ *подкупахъ*; гдѣ племянникъ Наполеона возвѣщаетъ Франціи, что у него есть *могущественные друзья за границей, которые обѣщали ему поддержать его*? какъ будто бы Франція не знаетъ, что иноземецъ, который бы сталъ злоумышлять противъ ея правитель-

ства, злоумышлялъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ противъ нея; гдѣ этотъ молодой человѣкъ., известный только по своимъ двумъ безумнымъ предпріятіямъ страсбургскому и булонскому, осмѣливается обѣщать, что онъ останется только тогда, когда снова возьметъ въ руки аустерлицкую шпагу..... Аустерлицкую шпагу! Она слишкомъ тяжела для вашихъ слабыхъ рукъ! Эта шпага — шпага Франціи! Горе тому, кто ее отниметъ у нея!

Однако, мм. гг., импровизированный диктаторъ, высадившійся въ Булони среди своей переодѣтой челяди, уже уничтожилъ однимъ почеркомъ пера національное правительство, основанное въ 1830 году; приговоръ лаконическій, какъ приговоръ судьбы, но къ счастью не столь неотразимый, опредѣляетъ низложеніе нашей королевской династіи и распущеніе обѣихъ палатъ. И нужно же, мм. гг., чтобы всѣ эти произведенія, которыя всего приличнѣе приписать воображенію, находящемуся въ бреду, были подписаны великимъ именемъ Наполеона!»

Обвинитель заключаетъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Насъ поражаетъ, мм. гг., то, что десять лѣтъ спустя послѣ великой іюльской революціи, одного изъ самыхъ достопамятныхъ и самыхъ плодотворныхъ событій нашей исторіи, Лудовикъ Бонапартъ, не потерявъ бодрости послѣ плачевнаго исхода двухъ сумазбродныхъ попытокъ, осмѣливается провозглашать передъ вами — неизвѣстно по какому праву — что онъ намѣренъ уничтожить наши учрежденія своими декретами и созвать національный конгрессъ, чтобы организовать на новый ладъ управленіе странюю. Онъ отстаиваетъ ими уже незаконность своихъ правъ на императорскій престоль, онъ имѣетъ въ виду уже не раставрацію: онъ самопроизвольно захватываетъ диктатуру, по долгу къ отечеству, чтобы

вести его, подъ покровительствомъ своего счастья, къ лучшимъ судьбамъ.

Но, въ самомъ дѣлѣ, кто же вы такой, чтобы выражать такіе *сумазбродныя притязанія*? Кто-же вы такой, который выдаете себя за представителя верховой власти народа въ этой землѣ, гдѣ царствуетъ государь избранный націей и которому она сама вручила скипетръ и шпагу? Кто же вы такой, который разыгрываете изъ себя роль представителя имперіи, вы, который являетесь такимъ *жалкимъ* въ высшихъ предпріятіяхъ, который своими дѣйствіями безпрестанно *оскорбляете здравый смыслъ*?

Императоръ, знайте это, не могъ никому завѣщать скипетра, выпавшаго изъ его мощной руки прежде, чѣмъ свершилась его судьба.

Узнайте наконецъ, эту Францію, которая была вашимъ отечествомъ и откуда васъ изгналъ законъ, мудрость котораго вы какъ нельзя лучше доказали; оцѣните эти уже испытанныя учрежденія, которыя она любитъ за ихъ благодѣянія, и которыя она защищаетъ какъ свое завоеваніе. Дважды провинившись передъ странюю, вы вынудили ее призвать противъ васъ законы, охраняющіе ея спокойствіе и ея безопасность. Будучи приведены въ ея высшій судъ, не говорите, что васъ, побѣжденнаго, приволокли на судъ слугъ побѣдителя. Это—притязаніе, которое никогда ничего не возвышало и не оправдывало.

Узнайте, напротивъ, что Франція имѣла право требовать у васъ отчета за нарушеніе ея территоріи, за *французскую кровь, пролитую вашею рукою*, и вспомните, что раскаяніе смягчаетъ всѣ вины и прилично всякому званію! »

За этой рѣчью, произведшей на всѣхъ слушателей самое сильное впечатлѣніе, послѣдовалъ довольно долгій перерывъ. Лудовикъ — Наполеонъ и генераль Монтлонъ

взяли себѣ въ защитники Бертье, легитимистскаго адвоката. Этотъ выборъ покажется сначала страннымъ, но его легко объяснить, если принять во вниманіе, что наполевская партія никогда не имѣла въ своихъ рядахъ ни одного способнаго человѣка и что она всегда безъ зазрѣнія совѣсти пользовалась людьми всѣхъ партій, или для того, чтобы защищать ее, или же ковать вмѣстѣ съ нею заговоры, и за это въ послѣдствіи платила неблагодарностью или преслѣдованіемъ, что она сдѣлала и относительно Бертье. Именно, Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ велѣлъ арестовать его 2 декабря 1851 года, въ ратушѣ, гдѣ онъ присоединился къ своимъ товарищамъ, чтобы защищать конституцію; онъ велѣлъ его бросить въ карету, въ которой возятъ каторжниковъ, и запереть въ казематахъ одной казармы. Вотъ какъ булонскій герой засвидѣтельствовалъ свою признательность своему знаменитому защитнику.

Въ своей защитительной рѣчи Бертье старался придать поступку Лудовика Бонапарта чисто политическій характеръ и оспаривалъ право судить его кліента, потому что Лудовикъ Бонапартъ не только совершилъ покушеніе, но и явился оспаривать верховную власть у орлеанскаго дома; во вторыхъ потому, что Лудовикъ Бонапартъ поставленъ, въ силу одного закона *) страны, внѣ общаго права; наконецъ потому, что безпристрастіе есть первое условіе правосудія, а въ такомъ политическомъ дѣлѣ судьи не могутъ быть безпристрастны.

---

*) Законъ 11 апрѣля 1832 года: «Вступленіе на французскую территорию воспрещается на вѣчныя времена родственникамъ Наполеона по восходящей и нисходящей линіи, его дядямъ и теткамъ, его племянникамъ и племянницамъ, его братьямъ, ихъ женамъ и потомкамъ, его сестрамъ и ихъ мужьямъ.»

Во время волненія произведеннаго защитительной рѣчью Бертье встаетъ генераль Монтолонъ и читаетъ слабымъ голосомъ записку, въ которой онъ снова старается доказать, что ничего не зналъ о замыслахъ Лудовика Бонапарта, пока послѣдній не открылъ ихъ ему на пароходѣ, когда уже было поздно имъ воспрепятствовать, и заключаетъ слѣдующими словами: «Я принялъ послѣдній вздохъ императора. Я закрылъ ему глаза. Это достаточно объясняетъ мое поведеніе. Я безъ сожалѣнія вижу себя нынѣ обвиняемымъ за то, что принялъ рѣшеніе, на которое, судя по доброму мнѣнію, какое я имѣю о людяхъ, я увѣренъ гг. пэры, каждый изъ васъ былъ бы способенъ.»

Послѣ защитительныхъ рѣчей адвокатовъ Фердинанда Барро и Делакура, адвокатъ Берильонъ объявляетъ суду, что одинъ изъ его кліентовъ, обвиняемый Персиньи, желаетъ лично представить суду нѣкоторыя объясненія.

Персиньи читаетъ писанную рѣчь: «Гг. пэры, семь лѣтъ тому назадъ глубокое изученіе великой эпохи консульства и имперіи, которую я невольно сравнилъ съ нынѣшней эпохой, заставили меня принять наполеоновскія идеи. Результатомъ было мое удивленіе къ великому человѣку, основавшему эти идеи, и моя преданность принцу, его племяннику, какъ ихъ представителю.

Наполеоновская идея есть вмѣстѣ идея величія и свободы; нужно ли удивляться, что ее не понимаютъ теперь, когда нѣтъ ни истинной власти, ни истинной свободы, теперь, когда партіи и власть одинаково безсильны, за недостаткомъ личности, которая бы олицетворяла въ себѣ эти великіе и спасительные принципы.

Презид. Я не могу допустить этихъ словъ, обвиняемый говорить, что въ наше время нѣтъ власти.

Персиньи. Я сказалъ, что нѣтъ ни истинной власти, ни истинной свободы.

Презид. Фіалень, я не хочу мѣшать вашей защитѣ, но умѣрьте ваши выраженія.

Персиньи. Я не имѣю того намѣренія, которое вы предполагаете.

Презид. Не желая разсматривать, какія могутъ быть у васъ намѣренія, я говорю, что вы уже много заблуждались, вы можете увлечься еще болѣе.

Перс. Я горжусь тѣмъ, что рисковалъ своей жизнью и свободой съ цѣлью упрочить и расширить вольности моей страны; я горжусь тѣмъ, что принялъ девизъ того великодушнаго принца, который подвергалъ опасности свою жизнь на берегу Франціи, который умеръ при Креси и который взялъ себѣ девизомъ слѣдующія скромныя, но полныя величія слова: «*Я служу!*» Я горжусь тѣмъ, что принадлежу къ солдатамъ чловѣка, фамиліи, составляющей славу Франціи, ибо наполеоновская идея есть высшее выраженіе французской революціи.

Наполеоновская идея обезпечиваетъ между нами равенство, она обезпечиваетъ свободу и счастье народа (!??) Наполеоновская идея вамъ извѣстна: потому что вы способствовали ея торжеству, потому что почти всѣ вы раздѣляли съ императоромъ его славу.

Чтобы выразить наполеоновскую идею во время ея развитіи, для этого, гг. пэры, нуженъ былъ бы голосъ краснорѣчивѣе моего.

Сенаторы имперіи, согласитесь, до какой степени величія, могущества дошла бы Франція, если бы не было заключено постыдныхъ трактатовъ 1814 и 1815 годовъ?

Презид. Обвиняемый, все это нисколько не касается

вашей защиты, трактаты 1814 и 1845 годовъ не имѣють никакого отношенія къ настоящему процессу.

Персини. Судъ можетъ оцѣнить отношенія, которыя, по моему мнѣнію, существуютъ. Я не вознижаю, почему мнѣ не хотять дать развить мою мысль.

Презид. Предупреждаю васъ, что вы нисколько не стараетесь себя оправдать.

Персини. Сравните, въ самомъ дѣлѣ, прошлое величіе и нынѣшнее положеніе Франціи, мм. гг.; всѣхъ обвиняемыхъ возмущаетъ одно общее, тягостное чувство при видѣ Франціи униженной и оскорбленной, между тѣмъ какъ недавно она посылала свои побѣдоносныя арміи поочередно во всѣ столицы Европы. Вотъ, гг. пэры, одно мѣсто изъ брошюры, подъ заглавіемъ *Idées paroleoniennes*, которое я васъ прошу послушать; вы тогда убѣдитесь въ справедливости мною сказаннаго.

Презид. Приступайте скорѣе къ вашей защиты; судъ собрался здѣсь не для того, чтобы слушать чтеніе брошюрь.

Персини. Я долженъ развернуть передъ вами печальную картину нынѣшняго положенія Франціи сравнительно съ *господствомъ*, которое она нѣкогда имѣла въ Европѣ. Тщетно между вами находится столько знаменитыхъ мужей...

Презид. Повторяю вамъ, Фіаленъ, что это совершенно не относится къ вашему дѣлу.

Персини. Ну, такъ если судъ не хочетъ меня слушать, я замолчу; но мнѣ не дають защищаться.

Презид. У васъ есть адвокатъ.

Персини. Я протестую противъ перерыва. (*Обвиняемый прячетъ свои бумаги и садится.*)

Послѣ того, какъ были выслушаны рѣчи всѣхъ за-

щитниковъ и послѣ заключительной рѣчи генеральнаго прокурора, президентъ предлагаетъ послѣднему представить свои выводы.

Генеральный прокуроръ. Принимая во вниманіе, что Карль-Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, Карль-Тристанъ графъ де-Монтолонъ, Жанъ-Батистъ Вуазень, Дени-Карль Паркенъ, Ипполитъ-Франсуа-Аталь-Себастьянъ, Буфе-Монтобанъ, Этьенъ Лабордъ, Лудовикъ-Северинъ Ледюфъ-де-Мезонанъ, Жюль-Бартеlemi Ломбаръ, Генрихъ Конно, Жанъ-Жильбертъ-Викторъ-Фиаденъ, по прозванію Персиньи, Альфредъ д'Альмберъ, Жозефъ Орси, Матьё Сальвани, Наполеонъ Орнано, Жанъ-Батистъ-Теодоръ Форестье, Марсіаль-Эженъ Баталь, Жанъ-Батистъ-Карль Аладенизъ, Пьеръ-Жанъ-Франсуа Бюръ, оказались 6 прошлаго августа въ Булони виновными въ покушеніи, цѣлью котораго было или уничтожить или измѣнить существующую нынѣ форму правленія, или возбудить гражданъ къ возстанію противъ королевской власти, или же возбудить междоусобную войну, вооружившись или склонивъ гражданъ вооружиться другъ противъ друга.

«Преступленія эти предусмотрены ст. 87, 88, 89 и 91 уголовного закона.»

Королевскій генеральный-прокуроръ проситъ судъ примѣнить къ вышеупомянутымъ лицамъ наказанія определенныя означенными статьями.

Президентъ. Защитники обвиняемыхъ не имѣютъ-ли чего нибудь прибавить? (*Молчаніе на скамьяхъ защитниковъ.*)

Прицъ Карль-Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, имѣете-ли вы что нибудь прибавить въ свою защиту?

Принцъ Лудовикъ Бонапартъ. Я не имѣю ничего прибавить.

Генералъ Монтолонъ и прочіе обвиняемые, на такой же вопросъ, объявляютъ, что они не имѣютъ ничего сказать.

Президентъ. «Судъ объявляетъ, что пренія закончены, онъ произнесетъ свой приговоръ въ одномъ изъ своихъ ближайшихъ засѣданій. Публичное засѣданіе закрыто. Пусть уведутъ обвиняемыхъ.»

Судъ пэровъ въ засѣданіи 6 октября 1840 года произнесъ свой осудительный приговоръ, главныя постановленія котораго слѣдующія: Относительно принца Карла-Лудовика-Наполеона Бонапарта:

Имѣя въ виду, что изъ слѣдствія и судебныхъ преній обнаруживается, что онъ 6 прошлаго августа въ Булопи оказался виновнымъ въ покушеніи, имѣвшемъ цѣлью уничтожить или измѣнить существующую форму правленія, или возбудить гражданъ вооружиться другъ противъ друга, — преступленія, предусмотрѣнныя ст. 87, 88 и 91 уголовного устава;

Принимая во вниманіе также ст. 59 и 60 уголовного устава, по которымъ наказаніе должно быть соразмѣримо съ долею участія, которое каждый изъ виновныхъ принималъ въ совершенномъ имъ покушеніи: — приговариваетъ Карла-Лудовика-Наполеона Бонапарта къ пожизненному заключенію въ одной изъ крѣпостей, находящихся на континентальной территоріи королевства.

Ж. Батиста Аладениза къ ссылкѣ.

К. Тристана графа де-Монтолона, К. Паркена, Жюля Ломбара, Ж. Жильберта Фіалена, по прозванію Персицыя, къ 20-лѣтнему заключенію.

Повелѣваетъ, согласно 436-й статьи угол. уст., чтобы вышеупомянутые осужденные оставались въ теченіе всей своей жизни подѣ надзоромъ высшей полиціи, объявляетъ ихъ лишенными званій, чиновъ и орденовъ.

Г. Ж. Конно приговариваетъ къ пятилѣтнему заключенію, а Лаборда къ двухлѣтнему.

Повелѣваетъ, чтобы Г. Ж. Конно оставался подѣ надзоромъ высшей полиціи въ продолженіи пяти лѣтъ; а Этьенъ Лабордъ въ продолженіи двухъ лѣтъ. Присуждаетъ ихъ всѣхъ въ совокупности къ судебнымъ издержкамъ, которыя будутъ ликвидированы согласно закону.

Объявляетъ Проспера Дежардена, М. Гальвани, д'Альмбера и Бюра оправданными отъ взведеннаго на нихъ обвиненія, повелѣваетъ, чтобы они были освобождены, если они не подлежатъ тюремному заключенію по какой нибудь другой причинѣ.»

Прочіе инсургенты¹, бывшіе слуги Лудовика Бонапарта, и матросы City-of Edimbourg были уже ранѣе освобождены, вслѣдствіе изданнаго относительно ихъ судомъ указа о невмѣшаемости.

Таковъ былъ конецъ смѣшнаго булонскаго предпріятія. Лудовикъ Бонапартъ былъ на слѣдующій день переведенъ въ Гамскую цитадель, которую ему назначили мѣстомъ заключенія.

Прочихъ осужденныхъ перевели въ тюрьму Conciergerie; генераль Монтолонъ и докторъ Конно получили вскорѣ дозволеніе и милость раздѣлить съ принцемъ его заключеніе. Кромѣ того послѣднему дозволили имѣть при себѣ своего каммердинера, Карла Телена, который хотя и не былъ осужденъ, но могъ проживать въ Гамской крѣпости, сохраняя свободу; m-me Монтолонъ пользовалась такой же привиллегіей подлѣ своего мужа; изъ этого

видно, что правительство Лудовика Филиппа поступало гуманно относительно осужденныхъ. Имъ были отведены весьма комфортабельныя помѣщенія; кромѣ того они имѣли въ своемъ распоряженіи множество слугъ и рабочаго народа, а также всякаго рода книги, которыя имъ приходило желаніе требовать. Лудовикъ Бонапартъ получилъ даже позволеніе прогуливаться верхомъ по крѣпостному двору и ему позволили кромѣ того принимать посѣтителей, что однако не мѣшало ему жаловаться на строгости администраціи и правительства.

Онъ употребилъ свои досуги на изданіе разныхъ политическихъ брошюръ: *Fragments historiques, l'Extinction du paupérisme* и пр., и напечаталъ нѣсколько статей въ газетѣ *Courrier du pas-de-Calais*, въ которыхъ поносилъ правительство Лудовика Филиппа, который былъ такъ добродушенъ, что позволялъ безнаказанно нападать на себя своему плѣннику.

Прибывъ въ гамскую крѣпость, Лудовикъ-Наполеонъ не преминулъ произнести, по обыкновенію, эффектную фразу: «Здѣсь я на своемъ мѣстѣ, сказалъ онъ; мнѣ нуженъ или мракъ тюрьмы или свѣтъ власти.»

Но эти громкія и высокомерныя слова не помѣшали тому, кто ихъ произнесъ, добиваться свободы, прибѣгнувъ къ чувству милосердія короля.

Лудовикъ-Наполеонъ воспользовался болѣзью своего отца и просилъ освобожденія, чтобы навѣстить больного. Вотъ письмо, которое онъ написалъ съ этой цѣлью къ министру внутреннихъ дѣлъ:

Фортъ Гамъ, 25-го декабря 1845 года.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ.

Отецъ мой, болѣзнь котораго и преклонный возрастъ

требуютъ сыновнихъ попеченій, просилъ правительство, чтобы оно дозволило мнѣ прибыть къ нему. Ходатайство его оставлено безъ послѣдствій. Правительство, пишутъ мнѣ, требуетъ отъ меня формальной гарантіи. При такихъ обстоятельствахъ на счетъ рѣшенія моего не можетъ быть никакого сомнѣнія. Я обязанъ сдѣлать все, что согласно съ моею честью, чтобы имѣть возможность предложить моему отцу утѣшенія, на которыя опъ имѣетъ столько правъ.

Поэтому, г. министръ, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что если французское правительство согласится позволить мнѣ отправиться во Флоренцію, чтобы исполнить священный долгъ, то я обязуюсь моею честью возвратиться снова въ мѣсто моего заключенія, какъ скоро правительство того пожелаетъ.

Примите, г. министръ, выраженіе моего глубокаго уваженія

Подписано: *Наполеонъ-Лудовикъ Бонапартъ.*

Г. Дюшатель, министръ внутреннихъ дѣлъ, отвѣчалъ, «что совѣтъ министровъ рѣшилъ, что просьба принца не можетъ быть уважена, потому что она противна законамъ и что это временное освобожденіе было бы замаскированнымъ помилованіемъ, а каково бы ни было званіе осужденныхъ, помилованіе можетъ быть получено только отъ милосердія короля.»

Тогда Лудовикъ Бонапартъ обратился прямо къ королю съ слѣдующимъ письмомъ:

«Государь, не безъ глубокаго волненія прошу я у вашего величества, какъ *благодѣянія*, позволеніе оставить, хотя бы на короткое время, Францію, — я, который въ продолженіи пяти лѣтъ находилъ въ воздухѣ моего оте-

чества обильное вознагражденіе за муки заточенія ; но нынѣ мой больной и хилый отецъ требуетъ моихъ попеченій ; онъ обращался, чтобы выхлопотать мнѣ свободу, къ лицамъ, извѣстнымъ своей преданностью вашему величеству ; долгъ мой предписываетъ мнѣ, съ своей стороны, сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, чтобы прибыть къ нему.

Такъ какъ совѣтъ министровъ не счелъ себя компетентнымъ удовлетворить мою обращенную къ министру внутреннихъ дѣлъ просьбу, о томъ, чтобы мнѣ позволено было отправиться во Флоренцію, при чемъ я обязывался возвратиться въ мѣсто моего заключенія, какъ скоро правительство того пожелаетъ, — то я, государь, съ довѣріемъ взываю къ чувствамъ человеколюбія вашего величества и повторю свою просьбу, повергая ее, государь, на ваше высокое и великодушное посредничество.

Ваше величество — я въ этомъ убѣжденъ — *оцѣните по достоинству* ходатайство, которое заранѣе вызываетъ мою глубокую признательность и, будучи тронуты одинокимъ положеніемъ, на чуждой землѣ, человека, который на престолѣ заслужилъ уваженіе Европы, ваше величество услышитъ мольбы моего отца и мои собственные.

Прошу, государь, ваше величество принять выраженіе моего глубокаго уваженія.

Подписано: *Наполеонъ-Лудовикъ Бонапартъ.*

Фортъ-Гамъ, 14-го января 1846 года.

Не смотря на это письмо, въ которомъ, ловко избѣгая произнести слово *помилованіе*, Лудовикъ-Наполеонъ униженно просилъ своего освобожденія, какъ *благодѣянія*, взывая къ *чувствамъ* человеколюбія короля, Лудовикъ Филиппъ отказался даровать замаскированное помилова-

ніе , о которомъ просилъ Лудовикъ Бонапартъ , и поручилъ Дюшателю отвѣтить ему : «что для того, чтобы король могъ оказать милосердіе , нужно , чтобы помилованіе было заслужено и чистосердечно признано.»

Король вспомнилъ безъ сомнѣнія , что въ 1836 году , когда онъ такъ великодушно помиловалъ предводителя страсбургскихъ инсургентовъ , послѣдній написалъ къ нему письмо, въ которомъ выражалъ ему признательность за эту милость, говоря : *«что онъ цѣнитъ какъ слѣдуетъ милости короля.»* Но такъ какъ изъ этой добросовѣстной оцѣнки проистекло то , что четыре года спустя , помилованный въ 1836 году, вопреки данному имъ тогда слову остаться десять лѣтъ въ Америкѣ и вопреки своихъ щедрыхъ изъявленій признательности , возвратился въ Европу, чтобы вновь начать свои интриги, свои заговоры и свои покушенія противъ Франціи , противъ монарха и противъ правительства , которые такъ великодушно съ нимъ поступили, и такъ какъ онъ снова называлъ въ своихъ прокламаціяхъ обоихъ послѣднихъ *измѣнниками и притѣснителями* , въ знакъ благодарности за ихъ милость, — то Лудовикъ Филиппъ счелъ также нужнымъ *оцѣнить по достоинству ходатайство* булонскаго рецидивиста и не вѣрить его обѣщаніямъ болѣе того , чего они заслуживали.

Какъ бы то ни было, когда гамскій узникъ увидѣлъ, что не можетъ добиться освобожденія, то сталъ пытаться бѣжать изъ замка. Такъ какъ въ то время въ его помѣщеніи дѣлались значительныя исправленія , то онъ воспользовался этимъ. Переодѣвшись столяромъ и неся доску на плечѣ , онъ легко вышелъ изъ за ограды своей тюрьмы, пробрался за городъ, гдѣ вскорѣ присоединился къ нему съ каретой его камердинеръ Телень , который ,

пользуясь свободой выходить изъ гамскаго форта, когда ему вздумается, доставилъ ему средство къ быстрому бѣгству. Лудовикъ Бонапартъ, освободившись отъ своего костюма столяра и оставшись въ костюмѣ кучера, который былъ на немъ надѣтъ подѣ его рабочей блузой и панталонами, быстро вскочилъ на козлы, схватилъ возжи и поскакалъ, вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ слугой, въ Сенъ-Кентенъ, гдѣ они взяли почтовыхъ лошадей до Валансьена, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Брюссель и Остенде. Въ этомъ послѣднемъ городѣ бѣглецы сѣли на корабль, шедшій въ Англію.

Прибывъ въ Лондонъ, Лудовикъ Бонапартъ написалъ письмо къ французскому посланнику, графу де Сентъ-Олеру, въ которомъ говорилъ: «Графъ, я откровенно объявляю здѣсь человѣку, который былъ другомъ моей матери, что я покинулъ свою тюрьму отнюдь не съ цѣлью возобновить съ французскимъ правительствомъ борьбу, которая была для меня пагубна, но единственно для того, чтобы посѣтить моего больнаго отца.»

Онъ надѣялся, что эта декларация успокоитъ французское правительство на счетъ его дальнѣйшихъ замысловъ и что оно не воспротивится его намѣренію отправиться къ больному отцу во Флоренцію, но надежды его не сбылись. Когда онъ явился для полученія паспорта, въ австрійское посольство въ Лондонѣ, завѣдывавшее дѣлами великаго герцогства тосканскаго, посланникъ отвѣчалъ ему рѣшительнымъ отказомъ. «Я не могу, сказалъ онъ, нарушить уваженія, которымъ я обязанъ передъ французскимъ правительствомъ.»

Семейство Лудовика-Наполеона, узнавъ объ этомъ отказѣ, обратилось прямо къ великому герцогу тосканскому съ просьбою о выдачѣ паспорта, но и здѣсь потер-

пѣло неудачу. Леопольдъ отказалъ. Онъ отвѣчалъ, что «какъ ему ни прискорбно, но что французское правительство принуждаетъ его дѣйствовать такимъ образомъ.»

Нѣсколько недѣль спустя графъ де-Сенъ-Лѣ *) скончался, не увидѣвшись съ Лудовикомъ-Наполеономъ. Мы находимъ, что въ этомъ случаѣ правительство Лудовика Филиппа поступило не гуманно; ему не грозило никакой опасности, если бы бѣглый гамскій узникъ поѣхалъ во Флоренцію; оно должно было бы ему это дозволить, хотя бы изъ уваженія къ желанію умирающаго старика.

Впослѣдствіи Лудовикъ Бонапартъ выместилъ свою обиду на республиканцахъ, которые открыли ему и его фамиліи двери Франціи и благодаря которымъ онъ сдѣлался президентомъ республики. Сколькимъ несчастнымъ сыновьямъ изгнаннымъ, заключеннымъ въ тюрьму и сосланнымъ суждено было видѣть своихъ родителей умирающими вдали отъ нихъ, сколько отцовъ и супруговъ томилась въ изгнаніи или умерли въ каторжныхъ острогахъ Африки и Кайенны, въ то время, какъ ихъ дѣти и жены страдали отъ нищеты и голода! Этихъ несчастныхъ можно насчитывать многими десятками тысячъ!

Герой нашъ, послѣ суроваго урока, который онъ вынесъ въ Гамѣ, повидимому отказался на время отъ своихъ безумныхъ попытокъ противъ правительства Лудовика-Филиппа; онъ готовился даже ѣхать въ Америку, чтобы предаться одному промышленному предпріятію — прорытію Панамскаго перешейка; но въ это время разразилась февральская революція и нашъ герой переѣхалъ свое рѣшеніе, находя, что Европа въ то время пред-

---

*) Эту фамилію носилъ Лудовикъ Бонапартъ, бывшій король голландскій.

ставляла для него болѣ интереса, чѣмъ Панамскій каналъ.

За тѣмъ мы должны остановиться здѣсь на сочиненіяхъ Лудовика-Наполеона, такъ какъ онъ, прежде чѣмъ начать свое политическое поприще, пустилъ въ ходъ извѣстныя идеи въ цѣломъ рядѣ сочиненій. Здѣсь же мы скажемъ и о его «Исторіи Юлія Цезаря», которая написана авторомъ уже въ императорскомъ санѣ.

VII

СОЧИНЕНІЯ ЛУДОВИКА БОНАПАРТА.

I.

Литературные труды свои Лудовикъ Бонапартъ началъ съ брошюры подъ заглавіемъ: *Réveries politiques* (Политическія мечтанія).

Вотъ какъ опредѣляетъ онъ разныя формы правленія, смѣнявшіяся во Франціи съ конца прошлаго столѣтія:

«Характеръ республики состоялъ въ томъ, чтобы установить царство равенства и свободы, и страсти, ею руководившія, были: любовь къ отечеству и истребленіе всѣхъ враговъ.

«Характеромъ реставраціи была свобода, дарованная для того, чтобы забыть славу, а страсти ея были — возстановленіе старинныхъ привилегій и стремленіе къ произволу.

«Характеръ монархіи 1830 года былъ возрожденія французской славы, самодержавіе народа, царство достоинства; страстями ея были страхъ, эгоизмъ и трусость.»

Мы тщетно старались бы себѣ уяснить, какимъ обра-

зомъ авторъ «Политическихъ мечтаній» могъ сказать, не оскорбивъ логики, что правительство, характеромъ котораго было возрожденіе французской славы, было робко, эгоистично и трусливо; кажется такихъ противоположныхъ чувствъ никакъ нельзя сочетать.

Авторъ безъ сомнѣнія хотѣлъ сказать, что характеромъ іюльской революціи было возрожденіе французской славы и пр., между тѣмъ, какъ характеръ монархіи 1830 года былъ страхъ, эгоизмъ и трусость.

Мы также не подозрѣвали до сихъ поръ, чтобы характеромъ монархіи 1830 года было самодержавіе народа и царство достоинства; мы, напротивъ, думали, что она была управленіемъ привилегированнаго класса, буржуазіи, избирателей и депутатовъ, платившихъ ценсъ, и царствомъ привилегій и богатства; что касается свободы реставраціи, то она была дарована для того, чтобы сколько нибудь загладить деспотизмъ первой имперіи, а не для того, чтобы заставить забыть ея славу, которая привела къ двукратному вторженію непріятели во Францію, къ раззоренію ея, къ отнятію части ея территоріи и къ позору.

Непонятно также, почему послѣ опредѣленія республики, какое дѣлаетъ Лудовикъ Бонапартъ, онъ могъ рѣшиться ниспровергнуть порядокъ вещей, который зиждется на любви къ отечеству и который поставилъ себѣ чудную задачу установить царство свободы и равенства, особенно же послѣ того, какъ 20-го декабря 1848 года, онъ, съ трибуны учредительнаго собранія, торжественно клялся ему въ вѣрности предъ лицомъ Бога и народа французскаго.

Но послушаемъ глубокаго политика, котораго мы изучаемъ: онъ самъ намъ это объяснить.

Это оттого, «что характеромъ имперіи было упрочить тронъ на принципахъ революціи, уврачевать всѣ раны Франціи, призвать народы къ новой жизни; ея страстями были любовь къ отечеству, къ славѣ и чести».

Нужно замѣтить, что вторая имперія простерла свою любовь къ отечеству до того, что увеличила бюджетъ на четверть, а госуарственный долгъ на нѣсколько милліардовъ, въ интересахъ и къ высшей славѣ фамиліи Бонапарта. Бесплодные лавры ею пожатыя стоятъ дорого людьми и деньгами. Чтобы быть справедливымъ, нужно сознаться, что если она сдѣлала неудачныя спекуляціи въ Римѣ, въ Крыму, въ Мексикѣ и въ Китаѣ, за то съ выгодой дѣйствовала въ Кохинхинѣ, гдѣ за 20,000 французскихъ солдатъ, которые тамъ были убиты, она должна была получить 100,000,000 фр., что составитъ по 5,000 фр. за каждаго; какъ разъ цѣну негра въ Соединенныхъ Штатахъ. Если бы императорское правительство могло помѣстить за эту выгодную цѣну всѣхъ своихъ 800,000 солдатъ, съ условіемъ однако, чтобы они не были перебиты, то оно сдѣлало бы выгодную спекуляцію, которая доставила бы ему 4,000,000,000 фр., сумму, впрочемъ, недостаточную для того, чтобы заплатить его долги и его славу.

Далѣе мы читаемъ: «Настанетъ день, когда добродѣтель восторжествуетъ надъ интригой, когда достоинство сдѣлается сильнѣе предразсудковъ, когда *слава увлѣкаетъ свободу!*»...

Вотъ какой остроумный способъ, по мнѣнію Лудовика-Наполеона, доставить Франціи этотъ прекрасный результатъ: «Я полагаю, говоритъ онъ, что этой цѣли можно достигнуть не иначе, какъ соединивъ оба народ-

ныя дѣла, — дѣло Наполеона съ дѣломъ республики. Наслѣдникъ великаго человѣка есть единый представитель величайшей славы, подобно тому, какъ республика есть единая представительница величайшей свободы. Съ именемъ Наполеона нельзя болѣе опасаться возраженія террора; съ именемъ республики — возвращенія абсолютизма».

«Французы! продолжаетъ онъ далѣе, не будемъ несправедливы и воздадимъ благодарность тому, кто, выйдя изъ рядовъ народа, сдѣлалъ все для его благоденствія, который распространилъ просвѣщеніе и обезпечилъ независимость отечества. Если нѣкогда народы сдѣлаются свободными, то они будутъ этимъ обязаны Наполеону. Онъ пріучалъ народъ къ добродѣтели, этой единственной основѣ республики. Не ставьте ему упрека въ его диктатурѣ: она вела насъ къ свободѣ, подобно тому, какъ желѣзный сошникъ, проводящій борозду, подготавливаетъ плодородіе нивы.... Равенство передъ закономъ, преобладаніе достоинства, преуспѣяніе торговли и промышленности, освобожденіе всѣхъ народовъ, — вотъ куда онъ велъ насъ усиленнымъ шагомъ....»

Какъ! Наполеонъ I, человѣкъ, который не могъ терпѣть ученыхъ, который обзывалъ ихъ идеологами, который уничтожилъ преподаваніе нравственныхъ наукъ въ университетѣ, который понизилъ уровень народнаго образованія, который оставлялъ народъ коснѣть въ невѣжествѣ, въ царствованіе котораго изъ 100 рекрутовъ 95 не умѣли писать, а 75 не умѣли читать, — Наполеонъ I, распространялъ просвѣщеніе?

Какъ! Наполеонъ I обезпечилъ независимость отечества? Нужно быть совершенно незнакомымъ съ исторіей, чтобы не знать, что когда онъ достигъ власти, Франція

была свободна и независима, что она имѣла своими границами Рейнъ и Альпы, что Пиннегрю завоевалъ Голландію, что Гошъ обезпечилъ ей линію Рейна до Вейсенбурга, что Савоія и Женева ей принадлежали и что Бонапартъ нисколько не способствовалъ этимъ успѣхамъ генераловъ республики; что, напротивъ пораженіямъ Наполеона Франція обязана двукратнымъ вторженіемъ въ свои предѣлы непріятели, потерей своихъ границъ и позоромъ иноземной оккупаціи; что онъ не только не обезпечилъ независимость отечества, но оставилъ его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, на произволь его непріятелей въ 1814 и 1815 годахъ.

Притязанія, что если народы будутъ пѣкогда свободны, то они этимъ будутъ обязаны Наполеону I, столь же неосновательно, какъ и предъидущія. Пусть племянникъ великаго полководца укажетъ намъ хотя бы на одинъ народъ, который былъ бы свободенъ подъ управленіемъ его и членовъ его фамиліи, или который былъ бы ему обязанъ своей свободой; впоследствии развѣ не во имя своей свободы и своей національности Испанія и Германія вели съ нимъ бранную борьбу, пока наконецъ не свергли съ себя его деспотизма? развѣ онъ не продалъ венеціанскую республику игу Австріи? развѣ онъ не уничтожилъ генуэзскую республику? развѣ Швейцарія, эта искони свободная страна, не была подчинена его господству?

«Диктатура его, говоритъ Лудовикъ Бонапартъ, вела насъ къ свободѣ, подобно тому, какъ желѣзный сошникъ, проводящій борозду, подготавливаетъ плодородіе нивы....»

Сравненіе разсчитанное на эффектъ, но къ несчастію, совершенно невѣрное. Развѣ Лудовикъ Бонапартъ не чи-

талъ *Mémorial de Sainte-Hélène*, развѣ онъ не знаетъ, что по сознанію его дяди, диктатура его, въ случаѣ, если бы военное счастье ему постоянно улыбалось, вело Францію къ *всемирной имперіи*. Борозда, прорытая Наполеономъ I, есть борозда кровавая, поглотившая цѣлое поколеніе, обезлюдившая Европу, и если она подготовила плодородіе полей, то не иначе, какъ удобривъ ихъ человѣческими трупами...

Лудовикъ-Наполеонъ, также какъ и его дядя, по видимому хотѣли подтвердить своими сочиненіями народную поговорку: «по слогу узнаешь человѣка»; въ его сочиненіяхъ замѣтна большая изысканность, читая ихъ, вы чувствуете, что передъ вами рисуется политическій актеръ, который гораздо болѣе заботится объ эффектѣ, который она произведетъ какойнибудь сентенціозной и парадоксальной фразой, чѣмъ о вѣрности, достоинствѣ мыслей, имъ выражаемыхъ; онъ нисколько не тревожится о томъ, что ему впоследствии, на дѣлѣ, придется ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергнуть, лишь бы только они были ему полезны въ данную минуту.

Проектъ конституціи, который онъ въ то время издалъ, и который, по его словамъ, онъ извлекъ большей частью изъ конституцій 91 и 93-хъ годовъ, представляетъ весьма любопытный документъ. Онъ предпослалъ ему также декларацию правъ человѣка и гражданина, съ слѣдующимъ оригинальнымъ вступленіемъ:

«X., (т. е. Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ), волею народа, *императоръ французской республики*» (формула, уже принятая нѣкогда его дядей въ началѣ имперіи).

Онъ заимствуетъ у Гракха-Бабсфа, котораго Наполеонъ I велѣлъ казнить, его опредѣленіе общества, которое, по его словамъ, имѣетъ цѣлью «*общее счастье*».

Права человека, прибавляетъ онъ, суть равенство, свобода, безопасность, собственность и пр., почти тоже, что говорится въ конституціи 1793 года. Кромѣ того, онъ опредѣляетъ каждое право въ частности самымъ либеральнымъ образомъ.

«*Ст. V.* Право выражать свою мысль и свои мнѣнія путемъ печати или инымъ способомъ, право устраивать мирныя сходки, свободно исповѣдывать вѣру не могутъ быть воспрещены.

«*Ст. VII.* Всякое дѣйствіе, совершенное относительно частнаго лица внѣ условій и формъ, опредѣленныхъ закономъ, есть произвольное и тиранническое; тотъ, противъ котораго его хотѣли бы совершить насильно, имѣетъ право отразить его силою.»

Но тогдашній законодатель былъ не только республиканцемъ, но и социалистомъ, и такимъ образомъ Франція имѣла бы императорскую и социальную республику, если бы народъ французскій догадался въ то время провозгласить его главою государства. Такъ въ ст. XII читаемъ; «Общественная помощь есть домъ священный. Общество обязано помогать несчастнымъ гражданамъ, доставляя имъ работу, или обезпечивая средства существованія тѣмъ, которые не въ состояніи работать.»

Затѣмъ слѣдующія разныя постановленія касательно правъ гражданства, формъ управленія: законодательный корпусъ, сенатъ, трибунатъ, которые всѣ трое избираются народомъ; министры; судебная власть, ввѣренная судьямъ, избраннымъ народомъ: вооруженная сила; отношенія Французской республики къ иностраннымъ націямъ; частныя распоряженія: отмѣна штемпельнаго сбора и залоговъ съ газетъ; самодержавіе народа, само со-

бою разумѣется, «единое, нераздѣлимое, неотчуждаемое» и пр. и пр....

Что касается императора, то это простой президентъ республики, ея чиновникъ; «онъ издаетъ нужные указы для исполненія законовъ, но никогда не можетъ ни покуситься на ихъ неприкосновенность, ни отказаться отъ ихъ исполненія. Особа его неприкосновенна до тѣхъ поръ, пока онъ не нарушилъ своей присяги. Его министры отвѣтственны за всякое преступленіе, совершенное ими противъ національной безопасности и конституціи, за всякое покушеніе на собственность и свободу гражданина.»

Любопытно сравнить эту конституцію съ конституціей 2-й имперіи, въ которой Лудовикъ-Наполеонъ присвоилъ себѣ самую неограниченную власть, даже право назначать царей и офицеровъ національной гвардіи и только ради формы предоставилъ народу избирать собраніе, законодательный корпусъ, засѣданія котораго дѣлались закрытыми, какъ скоро нять его членовъ того требовали, пренія котораго не могли быть свободно обнародываемы, который даже не имѣлъ право выбирать себѣ президента, предложить какой нибудь законъ, какую нибудь поправку, не имѣлъ никакого контроля,—словомъ это была чистая машина для голосованія, безъ которой впрочемъ сынъ королевы Гортензей весьма удобно обходился, когда считалъ это полезнымъ для своей политики.

II.

Послѣ *Réveries politiques*, Лудовикъ Бонапартъ издалъ въ слѣдующемъ году *Considérations politiques et militaires sur la Suisse*. (Взглядъ на политическое и военное положеніе Швейцаріи), трудъ болѣе зрѣлый, чѣмъ предъ-

идуцій, но который, также какъ и первый, доказываетъ, что авторъ, издавая эти брошюры, имѣлъ только ту цѣль. чтобы привлечь къ себѣ приверженцевъ и расположить въ свою пользу общественное мнѣніе. Онъ самъ впоследствии въ томъ сознался, когда изъ гамской крѣпости писалъ къ одному изъ своихъ друзей, посылая ему свою брошюру «*Объ искорененіи пауперизма*»: «Прочтите это сочиненіе о пауперизмѣ и скажите мнѣ, можетъ-ли оно, по вашему мнѣнію, принести мнѣ какую нибудь пользу»? Вся мысль и единственная забота Лудовика-Наполеона, когда онъ писалъ свои книги, выражена въ этой, неволью вырвавшейся у него фразѣ. Вотъ почему всѣ его сочиненія носятъ на себѣ отгѣнокъ самаго крайняго либерализма.

Разсматривая внутреннее устройство Швейцаріи и замѣчая, что въ немъ преобладаетъ избирательное начало, авторъ брошюры говоритъ: «Нѣкоторые утверждаютъ, что въ большомъ государствѣ избирательная система можетъ быть источникомъ великихъ беспорядковъ; но всякая вещь имѣетъ свою хорошую и дурную сторону.

«Враги народнаго самодержавія скажутъ вамъ: избирательная система всюду порождала смуты, въ Римѣ она раздѣлила республику между Маріемъ и Силлою, между Цезаремъ и Помпеемъ; Германія вела ожесточенныя войны изъ-за выбора императоровъ; христіанскій міръ волновался изъ-за выбора папъ; Польша не разъ обогрелась кровью по поводу выбора королей, между тѣмъ, какъ во Франціи наслѣдственная система въ продолженіи трехсотъ лѣтъ смирала всѣ раздоры.

«Другіе отвѣтятъ: избирательная система управляла Римомъ въ продолженіи 450 лѣтъ и Римъ былъ владыкою міра, разсадникомъ цивилизаціи. Наслѣдственная систе-

ма не остановила революцій, которыя изгнали одинъ разъ фамилію Ваза, два раза Стюартовъ и три раза Бурбоновъ (и два раза Бонапартовъ, прибавимъ мы). Если наслѣдственный принципъ предотвратилъ избирательныя войны, бывшія напр. въ Польшѣ и въ Германіи, за то онъ породилъ войны за наслѣдство, какъ напр., войну алой и бѣлой розы, войну за испанскій престолъ, войну Марія Терезія и пр. Природа не остается неподвижной. Учрежденія старѣются, но родъ человѣческой безпрестанно обновляется. Первые суть шаткія созданія людей, послѣдній — созданіе Божества; только народъ долженъ рѣшать о пользѣ и современности перемѣнъ, какія слѣдуетъ ввести въ управленіе; духъ небесный, духъ совершенства влечетъ насъ впередъ.»

И такъ, авторъ — приверженецъ избирательной системы, которая, по его словамъ, есть гарантія прогресса, *духъ небесный* и пр. При всемъ томъ, онъ воспользовался избирательной системой только для того, чтобы при помощи ея заставить народъ одобрить свою узурпацію, эскамотировать народное самодержавіе и провозгласить наслѣдственность въ своемъ потомствѣ.

Переходя затѣмъ къ вопросу о финансахъ, Лудовикъ Бонапартъ предлагаетъ столь же простую, какъ и гуманную систему: «Всякая финансовая система, говоритъ онъ, должна отнынѣ сводиться къ слѣдующей задачѣ: облегченіе участи бѣдныхъ классовъ. Эта филантропическая истина признана всѣми здравыми умами: и только на счетъ средствъ ея осуществленія идутъ споры и пререканія между публицистами.»

И такъ, авторъ показываетъ намъ только цѣль, но не указываетъ практическихъ средствъ для ея достиженія; далѣе, рассматривая его книгу объ «Искорененіи

пауперизма», мы найдемъ всеобщую панацею , которую онъ предлагаетъ. Впрочемъ, съ 1851 года намъ извѣстны практическія средства *Императора республики для облегченія участи бѣдныхъ классовъ*; мы знаемъ, что онъ предоставилъ заботу о томъ ажіотажу, Обществу Поземельнаго Кредита, Обществу Движимаго Кредита, промышленнымъ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ , биржевой игрѣ, займамъ, увеличенію налоговъ и государственнаго долга, тайному выпуску билетовъ государственнаго казначейства и пр. и пр. ; мы видѣли въ дѣлѣ его новыхъ Сенъ-Венсенъ-де-Пол'ей: Черейру, Миреса, этого добродѣтельнаго человѣка , осужденнаго въ судѣ исправительной полиціи и оправданнаго судомъ Дуэ , Фульда, этого честнаго и неподкупнаго финансиста, предлагавшаго въ 1848 году временному правительству объявить общее банкротство. Съ какою трогательною заботливостью эти апостолы ажіотажа пеклись о бѣдныхъ классахъ, всего яснѣе видно изъ того, что несчастные руанскіе рабочіе были принуждены спать на хворостѣ, за недостаткомъ даже соломы и питаться разнымъ мусоромъ, отъ котораго отказались бы нечистыя животныя, въ то время , какъ ихъ братья въ Сентъ-Этьенѣ боролись съ голодной смертью.

Правда, имперія основала *Общество императорскаго принца*, но благодѣянія его совершались въ такой глубокой тайнѣ и съ такой скупостью , что не проявились ни въ какихъ видимыхъ результатахъ.

Умѣренность налоговъ въ Швейцаріи доставляетъ нашему автору случай заявить, что первая имперія обходилась весьма дешево странѣ , потому что бюджетъ ея никогда не превышалъ 700 милліоновъ (бюджетъ второй имперіи пять лѣтъ тому назадъ простирался до *двухъ мил-*

лиардовъ трехсотъ миллионъ). Во время первой имперіи иноземецъ платилъ за ея славу, но правительство второй имперіи было болѣе великодушно и достаточно богато, чтобы самому платить за свою славу.

Не смотря на всю свою признательность къ странѣ, давшей ему убѣжище, принявшей его въ число своихъ гражданъ, Лудовикъ-Наполеонъ не забываетъ мудрой и осторожной политики своего дяди относительно Швейцаріи, коей онъ былъ медиаторомъ. Подобно Наполеону I, онъ хочетъ, чтобы «центральная власть въ ней не имѣла силы и крѣпости», ибо, говоритъ онъ, дядя его, императоръ, не хотѣлъ, чтобы Швейцарія могла мѣшать его планамъ; онъ желалъ, чтобы она была счастлива, но пока безсильна, и къ тому же онъ держался подобной системы и относительно всѣхъ другихъ странъ. Всюду водворялъ онъ только правительства, колеблющіяся между старыми и новыми идеями. Вездѣ въ его учрежденіяхъ можно замѣтить два опредѣленные элемента: принципъ переходный, съ наружнымъ видомъ прочности, для того, чтобы обмануть враговъ на счетъ своихъ великихъ замысловъ и чтобы его не обвиняли въ стремленіи создать *всемирную имперію*. Онъ дѣлалъ своихъ братьевъ королями не для того, чтобы раздать короны своей фамиліи, но для того, чтобы они сдѣлались, въ разныхъ странахъ, столпами *новаго зданія*. Онъ сдѣлалъ ихъ королями для того, чтобы Европа повѣрила прочности учреждаемаго имъ порядка вещей и не видѣла въ его дѣйствіяхъ только честолюбія.»

«Но, спросятъ нѣкоторые, когда-же долженъ былъ прекратиться этотъ временный порядокъ вещей?

«Послѣ пораженія русскихъ, послѣ униженія англійской системы, герцогство варшавское превратилось бы

въ польскую національность, Вестфалія превратилась бы въ нѣмецкую національность, итальянское вице-королевство въ итальянскую. Во Франціи либеральное управленіе замѣнило бы диктатуру; всюду водворилась бы прочность, свобода, независимость, вмѣсто національностей неполныхъ и учрежденій переходныхъ.»

Тирада эта заимствована Лудовикомъ-Наполеономъ, почти буквально изъ *Mémoires de Sainte-Hélène*.

Отсюда видно, каковы были виды дяди и племянника, относительно Швейцаріи и всей Европы: урѣзывать, подчинять, поставить въ вассальныя отношенія къ Бонапартамъ всѣ европейскія государства и въ данную минуту образовать изъ всѣхъ разныхъ національностей Европы одну великую имперію. Вотъ цѣль, которая должна была быть достигнута *посль пораженія русскихъ, посль униженія англійской системы*. Эта-то устарѣлая политика римскихъ императоровъ, политика католицизма, иезуитизма, Карла Великаго, Карла V, Филиппа II, Лудовика XIV и привела Наполеона I къ гибели, а Францію къ раззоренію; но не смотря на то, Лудовикъ-Наполеонъ въ продолженіи своего 20-ти-лѣтняго властвованія надъ Франціей, надѣялся доставить ей торжество болѣе хитростію, чѣмъ силою. Только, спрашивается, сколько вѣковъ понадобилось бы ему для осуществленія этого гигантскаго плана, если онъ во все время своего могущества успѣлъ добиться только присоединенія Савои и Ниццы, т. е. едва положилъ зародыши *всемірной имперіи*, о которой онъ мечталъ подобно своему дядѣ.

Въ названной нами брошюрѣ Лудовикъ-Наполеонъ совѣтуетъ Швейцаріи покинуть свою нейтральность и вступить въ союзъ съ Франціей, безъ сомнѣнія въ тайномъ намѣреніи увлечь ее, вслѣдъ за собою, въ свою по-

литику оккупаций и присоединений, какъ онъ сдѣлалъ это съ Викторомъ-Эммануиломъ; но едва-ли совѣты его будутъ услышаны, потому что присоединеніе къ Франціи сѣверной Савойи достаточно раскрыло глаза швейцарскому правительству и народу.

«Швейцарія, говоритъ онъ, есть естественная союзница Франціи, потому что она прикрываетъ собою часть ея границъ. Императоръ Наполеонъ говорилъ: «Францію связываетъ съ Швейцаріей интересъ защиты, для прочихъ же державъ Швейцарія можетъ сдѣлаться важной въ интересъ нападенія. Первый есть интересъ *постоянный*, второй — только *временный*, зависящій отъ прихоти...» Для небольшого государства призракъ нейтральности есть только химера, за которую оно радостно ухватывается, потому что она скрываетъ отъ него опасности затруднительнаго положенія, на самомъ же дѣлѣ нисколько не защищаетъ его независимости.

«Оно полагается на трактатъ, подписанный всѣми державами: но различныя государства никогда не позволяютъ себя сдерживать холоднымъ соблюденіемъ трактатовъ; неотразимая сила движенія соединяетъ ихъ или раздѣляетъ.

«Да и почему бы, говоритъ онъ далѣе, свободному народу оставаться равнодушнымъ зрителемъ, если бы вспыхнула ожесточенная борьба между дѣломъ свободы и дѣломъ рабства? Къ чему Швейцаріи оставаться въ бездѣйствіи, когда торжество одного дѣла упрочило бы ея независимость и напротивъ торжество другаго поработило бы ее желѣзному игу?...»

Статья эта о политической роли, которую слѣдуетъ принять Швейцаріи, исполнена столькихъ парадоксовъ; авторъ ея выказываетъ такое незнаніе, такое ис-

каженіе исторіи и такую недобросовѣстность, что необходимо возстановить факты въ ихъ истинномъ видѣ и исправить ошибочные выводы.

Во первыхъ, несправедливо, что для *мелкаго государства* и особенно для Швейцаріи, *призраки нейтральности только химера* и пр., потому что всякое мелкое государство, вступающее въ союзъ съ большимъ, въ особенности же одержимымъ страстью къ завоеваніямъ, играетъ роль простака и неосторожнаго. Сильное государство ищетъ его союза только въ интересахъ самосохраненія или честолюбія, для того, чтобы слабое помогло ему побѣдить его враговъ; но какъ скоро первому нечего болѣе ихъ опасаться, союзъ слабаго становится ему бесполезнымъ и даже отяготительнымъ, вслѣдствіе признательности, которою онъ ему обязанъ. Оно тотчасъ же оставляетъ его въ жертву своихъ бывшихъ враговъ, которые вымещаютъ на слабомъ попесенное ими, благодаря его союзу, пораженіе. Или же его прежній и могущественный союзникъ захочетъ подать ему помощь и обезпечить ему свою защиту, единственно для того, чтобы обратъ его въ свою пользу, а иногда и совершенно поглотить.

За примѣрами ходить не далеко. Викторъ-Эммануиль вступилъ въ союзъ съ французской имперіей во время крымской экспедиціи; позднѣе онъ просилъ помощи ея противъ Австріи и за это долженъ былъ уступить своему могущественному союзнику два самые лучшіе алмаза своей короны—Ниццу и Савою, т. е. приморской городъ, ключъ его южныхъ владѣній, и Савою, колыбель его предковъ и его естественную защиту, уступка которыхъ поставила его еще въ сильнѣйшую зависимость отъ своего

союзника, такъ что итальянское министерство превратилось въ первоклассную французскую префектуру.

Но возвратимся къ Швейцаріи и предположимъ, что она послѣдовала совѣту своего коварнаго друга — вступила въ союзъ съ императорскою Франціей и рискнула предпринять вмѣстѣ съ нею европейскую войну; что станется, если Франція будетъ побѣждена? Покинувъ нейтральную политику, къ которой ее обязали трактаты, она возстановитъ противъ себя побѣдоносныя великія державы, которыя въ наказаніе за это уменьшатъ ея территорию, займутъ ее своими войсками или раздробятъ. Если бы, напротивъ, французская имперія осталась побѣдителемъ, то Швейцарія, безъ сомнѣнія, имѣла бы неоспоримыя права на ея признательность, но извѣстно какимъ образомъ сильный выражаетъ свою признательность слабому. Великая имперія не могла бы лучше засвидѣтельствовать благодарность своему союзнику, какъ сдѣлавшись его покровителемъ, его медиаторомъ, и если бы послѣдній не захотѣлъ добровольно принять этой великой милости, на него обрушился бы весь гнѣвъ его благодѣтеля, который не сталъ бы болѣе съ нимъ стѣсняться, зная, что его союзникъ утратилъ симпатіи всей Европы.

«Къ чему, говоритъ намъ публицистъ, свободному народу оставаться равнодушнымъ зрителемъ ожесточенной борьбы между дѣломъ свободы и дѣломъ рабства?» и пр. и проч.

Но, во первыхъ, развѣ вторая имперія представляла въ Европѣ дѣло свободы? Никто, кромѣ недобросовѣстныхъ бонапартистовъ, не сталъ бы утверждать этого. Имперія уничтожила свободу во Франціи и въ Римѣ, чтобы возстановить въ послѣднемъ городѣ самый ужас-

ный изъ всѣхъ деспотизмовъ — папскую теократію; она старалась посредствомъ угрозъ уничтожить свободу печати и трибуны въ самыхъ либеральныхъ государствахъ Европы, въ Піемонтѣ, въ Бельгіи, вынудивъ парламенты этихъ обѣихъ странъ вотировать законы Федера (Faider) и Форестье, нанесшихъ жесточайшій ударъ свободѣ и достоинству этихъ двухъ небольшихъ національностей.

Французское императорское правительство преслѣдовало также личную свободу и право убѣжища у своихъ сосѣдей, Бельгія вынуждена была изгонять французскихъ политическихъ выходцевъ при помощи крайне-строгихъ мѣръ; неприкосновенность бельгійской территоріи была нарушена агентами бонапартовской полиціи, которые простерли пренебреженіе къ международному праву и трактатамъ до того, что конвоировали генераловъ Бедо, Ламорисьера, Шангарнье и полковника Шарраса вплоть до самой столицы Бельгіи.

Швейцарскій союзъ принужденъ былъ переносить подобное же униженіе; только Англія мужественно противилась требованіямъ императорскаго правительства и угрозамъ французскихъ военачальниковъ, грозившимъ, послѣ покушенія Орсини, занять почву свободной Англіи, которую они, на своемъ грубомъ казарменномъ языкѣ, называли: «притономъ разбойниковъ и убійць.»

Вотъ какимъ образомъ французская имперія боролась за свободу!

Мы не будемъ здѣсь разбирать двухъ специальныхъ сочиненій нашего автора: «Manuel d'artillerie» для офицеровъ швейцарской республики и первый томъ «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie»; можемъ только сказать, что второе изъ этихъ сочиненій весьма ничтожно; это не болѣе какъ взглядъ на младенчество артиллеріи, на

первые опыты изготовленія пушекъ, представляющій въ настоящее время только интересъ пустаго любопытства и неимѣющій никакого научнаго значенія. Что касается Manuel d'artillerie, то многіе приписываютъ его сотрудничеству генерала Дюфура. Лудовикъ-Наполеонъ работалъ надъ этой книгой три года и издалъ ее только въ концѣ 1835 года.

III.

Лудовикъ-Наполеонъ есть истинный мономанъ императорской идеи; его образецъ, его пророкъ, его полубогъ, это его дядя Наполеонъ I. Его евангеліе, его коранъ — Mémoial de Sainte-Hélène и книга его Idées Napoléoniennes, изданная имъ въ Лондонѣ въ 1839 году, есть только блѣдная копія этихъ записокъ Наполеона I.

Изучивъ эту книгу и особенно Mémoial de Sainte-Hélène, читатель пойметъ всю сущность императорской идеи и наполеоновской политики.

Первая глава «Idées Napoléoniennes» посвящена разсмотрѣнію правительства вообще. Подобно всѣмъ религіямъ, «Наполеоновскія идеи» признаютъ два начала въ обществѣ: добрый и злой духъ, добро и зло, Бога и сатану, съ одной стороны безсмертіе и прогрессъ, съ другой старьеніе и разстройство. Посредствомъ этого-то тонкаго метафизическаго различія авторъ объясняетъ назначеніе правительствъ, которыхъ онъ считаетъ добрыми геніями, путеводителями народовъ, истиннымъ провидѣніемъ, которымъ, въ силу ихъ всемогущества и иредвѣденія, поручено направлять народы и помогать обществу преодолевать препятствія, затрудняющія его шествіе.

По мнѣнію автора «Наполеоновскихъ идей», когда

прогрессъ «находится въ главѣ общества, онъ идетъ смѣло, потому что ведетъ за собою общество; когда онъ сосредоточенъ въ массу, онъ идетъ медленными шагами, потому что борется.» Отсюда слѣдуетъ заключить, что, напримѣръ, въ демократическомъ государствѣ, каковы сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты, гдѣ прогрессъ разлить въ массу, онъ долженъ необходимо развиваться гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Китаѣ, гдѣ прогрессъ сосредоточенъ въ главѣ общества, въ лицѣ императоровъ или класса дворянства, ученыхъ маандариновъ. Вотъ къ чему приводятъ пышные парадоксы «Idées Napoléoniennes», этого свангелія поваго мессіи, имѣющаго притязаніе обновить Европу и міръ. По мнѣнію Лудовика Бонапарта рядъ цивилизующихъ геніевъ идетъ: «отъ Александра Великаго къ Цезарю, отъ Цезаря къ Константину, отъ Константина къ Карлу Великому, отъ Карла Великаго къ Наполеону I.»

Что касается формъ правленія, то нашъ авторъ находитъ ихъ всѣ одинаково хорошими. «Нельзя, говоритъ онъ, придавать большаго значенія ученымъ различіямъ, которыя публицисты постановляли между управленіемъ одного и управленіемъ нѣсколькихъ лицъ, между правительствомъ демократическимъ и аристократическимъ, между республикой и монархіей. Всѣ эти правленія были хороши, потому что они продолжались извѣстное время; такая-то форма была лучше для такого-то народа, потому что она продолжалась долѣе.» Видно, что нашъ авторъ исповѣдуетъ величайшій скептицизмъ относительно правительственныхъ формъ, но это изъ чистой скромности и для того, чтобы не раздражить демократовъ, которые должны были впоследствии пригодиться претенденту на императорскій

престоль. Что касается его страннаго афоризма, то изъ него слѣдуетъ, что самая деспотическія правительства тѣхъ бѣшеныхъ тирановъ, которые желали, чтобы у всего человѣчества была только одна голова, чтобы ее можно было сразу срубить, которые жгли Римъ, дѣлали своихъ лошадей консулами, покрывали міръ трупами, развалинами и кровью, были хороши, потому что они продолжались извѣстное время.

Таковы правительственныя теоріи наполеоновскихъ идей.

Глава II-я почти вся посвящена апологіи имперіи и императора.

Впрочемъ, въ этой главѣ, точно также какъ и въ другихъ, нѣтъ ни одной новой идеи, всѣ онѣ заимствованы, часто слово въ слово, изъ *Mémoires de Sainte-Hélène*, которыя авторъ, безъ сомнѣнія, выучилъ наизусть. Поэтому конекъ его, точно также какъ и его дяди, тотъ, что императоръ *«есть исполнитель завѣщанія революціи 1789 года.»*

Глава III-я посвящена разсмотрѣнію внутренняго состоянія имперіи, это — апологія управленія, основаннаго во Франціи Наполеономъ I. Вѣрный своему обыкновенію исказить исторію, авторъ *«Наполеоновскихъ идей»* старается сначала доказать, что дядя его всегда имѣлъ только одну цѣль — *свободу*. Впрочемъ, онъ такъ мало увѣренъ въ справедливости своего тезиса, что прибавляетъ: *«Правда, имя ея не красовалось въ заглавіи законовъ, не было выставляемо на всѣхъ перекресткахъ; но каждый законъ имперіи подготавливалъ мирное и прочное господство свободы.»*

Затѣмъ, стараясь оправдать императорское правительство, онъ объясняетъ причины, препятствовавшія

ему установить либеральное управление, къ которому оно, будто бы, пламенно стремилось.

«Когда въ странѣ, говоритъ онъ, есть партіи, ожесточенныя одна противъ другой, сильная ненависть, нужно, чтобы эти партіи исчезли, эта ненависть утихла, прежде чѣмъ возможна будетъ свобода.

«Когда въ странѣ демократизированной, какою была Франція, принципъ равенства не имѣетъ общаго примѣненія, нужно ввести его во «все законы, прежде чѣмъ возможна будетъ свобода.»

Такимъ образомъ, по мнѣнію Лудовика-Бонапарта, принципъ равенства не существовалъ во время французской революціи. Это утвержденіе есть грубая историческая неточность, потому что извѣстно, что въ то время новое законодательство уничтожило всякаго рода касты и привилегіи и установило общее равенство гражданъ. Впрочемъ не слѣдуетъ обманывать себя на счетъ значенія слова «свобода» подъ перомъ автора «Наполеоновскихъ Идей»; это значитъ *увѣщаніе зданія въ неопредѣленною будущию.*

На языкѣ бонапартистовъ слова измѣняютъ свое значеніе и смыслъ. Такъ, демократія, которая есть управленіе всѣхъ, опредѣляется въ *Considérations politiques et militaires sur la Suisse*, «управленіемъ одного», т. е. императора, какъ представителя всѣхъ. Тоже самое подтверждаетъ онъ въ III-й главѣ *Наполеоновскихъ Идей*, говоря: «Въ правительствѣ съ демократической основой только глава имѣетъ правительственную власть; моральная сила проистекаетъ только отъ него...»

Идея, которую они себѣ составили о свободѣ, также не вѣрна, какъ и идея его о демократіи. Для него, какъ для древнихъ народовъ, понятіе «свобода» смѣшивается

съ понятіемъ національной независимости, гражданскаго и политическаго равенства гражданъ, подведенныхъ подъ одинъ общій уровень, лишь бы его допускали и переносили всѣ. Деспотизмъ Наполеона I, который переносила независимая нація, основывавшая свои права на равенствѣ въ рабствѣ, кажется ему образцомъ свободы, такъ какъ онъ былъ утвержденъ всеобщей подачей голосовъ. Онъ смѣшиваетъ добровольное рабство съ свободой; эти два противоположныя понятія для него тождественны. Такимъ образомъ, когда онъ пишетъ «свобода», слѣдуетъ читать: рабство съ согласія всѣхъ, съ національной независимостью.

Понятно, что при подобномъ незнаніи значенія словъ, или при подобномъ искаженіи словаря и такихъ тонкостяхъ языка, весьма не трудно быть обманутымъ наполеоновскою фразеологіей или логикой.

Что касается Наполеона I, то тѣ, которые увѣрили, что у него былъ деспотическій темпераментъ, клеветали на него и вотъ какое доказательство приводитъ его племянникъ: «что въ 1810 году онъ выразилъ свое неудовольствіе по поводу того, что не былъ изготвленъ законъ о печати, и что императоръ часто произносилъ слѣдующія достопамятныя слова: «Я не хочу, чтобы эта власть перешла къ моимъ наслѣдникамъ, потому что они могли бы употребить ее во зло.»

Странно, что этотъ либеральный государь, которому стоило только сказать слово, чтобы ввести свободу печати, не имѣлъ времени въ теченіе всего своего царствованія измѣнить свое драконовское законодательство по этому предмету.

Вообще же, по мнѣнію Лудовика-Наполеона, глубоко заблуждаются тѣ, которые думаютъ, что управление На-

полеона I было деспотическимъ, «потому что Французы добровольно признали имперію *свободнымъ голосованіемъ*». Надѣмся, что такой сильный аргументъ убѣдитъ людей самыхъ недовѣрчивыхъ.

«Оно, говоритъ далѣе Лудовикъ Бонапартъ, не было также военнымъ управленіемъ и приводитъ еще болѣе остроумное доказательство, а именно: «въ публичныхъ церемоніяхъ правительство императора давало предпочтеніе гражданскимъ чиновникамъ передъ военными.» Что можно еще сказать послѣ подобнаго доказательства.

Говоря о сильной борьбѣ партій въ первую имперію, не позволявшей дать Франціи истинную свободу, авторъ «Наполеоновскихъ Идей» замѣчаетъ:

«Будемъ удивляться духу Наполеона, онъ никогда не былъ ни исключительнымъ, ни нетерпимымъ; стоя выше мелкихъ страстей партій, будучи великодушенъ, какъ народъ, которымъ онъ былъ призванъ управлять, императоръ держался всегда того правила, что въ политикѣ должно врачевать зло, но никогда не мститъ за него».

Не есть-ли это горькая насмѣшка со стороны Лудовика-Наполеона, дерзающаго говорить о *великодушіи* Наполеона I-го? Неужели онъ думаетъ, что французскій народъ забылъ возмутительныя жестокости, опозорившія царствованіе его яди: ссылку безъ суда 150 народныхъ представителей *), тайныя убійства: герцога ангіенскаго, разстрѣляннаго во рву венсенской крѣпости, Пишегрю,

---

*) На слѣдующій день послѣ 18 брюмера, 300 человекъ были посланы и 30 газетъ запрещены. Послѣ взрыва адской машины 724 человекъ были приговорены къ смерти въ теченіи 5 мѣслцевъ. (См. Moniteur отъ 24 ноября 1801 г.). Въ *Наполеоновскихъ Идеяхъ* авторъ ихъ сознается, что 18 брюмера въ государственныхъ тюрьмахъ было болѣе 9,000 заключенныхъ, а въ 1814 году болѣе 150.

несчастнаго негрятянскаго генерала Тусена-Лувертюра, англійскаго капитана Райта, которые были задушены или изрублены въ тюрьмѣ; казни журналистовъ, книгопродавцевъ, которые писали или издавали газеты и книги противъ имперіи; поруганія Наполеона I надъ иностранными государями, положившимися на его слово, какъ напр. несчастный король испанскій, котораго онъ удержалъ у себя въ плѣну и заставилъ отречься отъ престола; насилія, оскорбленія, претерпѣнныя папой, котораго онъ велѣлъ арестовать, вести отъ бригады до бригады подъ сильнымъ конвоемъ и котораго онъ заключилъ въ Савонѣ; невыразимыя поруганія, которыя ему пришлось перенести въ Фонтенбло, гдѣ *всемогущій* императоръ, въ припадкѣ гнѣва, билъ его по щекамъ и таскалъ за волосы....

Доказавъ намъ такимъ образомъ, что цѣль императорскаго правительства была свобода, но что либеральныя учрежденія были несогласимы съ тогдашнимъ положеніемъ Франціи, авторъ *Наполеоновскихъ Идей* объясняетъ намъ, что «централизація была тогда единственнымъ средствомъ организовать Францію, водворить въ ней прочное управленіе и сдѣлать изъ нея плотное цѣлое, которое могло бы и сопротивляться Европѣ и переносить въ послѣдствіи свободу, ибо, прибавляетъ онъ, «въ демократическомъ государствѣ, какимъ была Франція, административная организація имѣла болѣе важности, чѣмъ во всякомъ другомъ; такъ какъ она преобладаетъ въ известной степени надъ политической организаціей....»

Послѣ похвалы централизаціи идетъ похвала разнымъ отраслямъ императорской администраціи, начывая съ финансовъ, при чемъ Лудовикъ Бонапартъ снова съ удовольствіемъ распространяется о пресловутомъ бюджетѣ

въ 600 — 800 милліоновъ, котораго достаточно было для нуждъ обширной организаціи и громадныхъ армій Наполеона I. Императоръ, говоритъ онъ, находилъ, что для Франціи потребенъ бюджетъ въ 800 милліоновъ въ военное время и въ 600 милліоновъ въ мирное. Бюджетъ во время имперіи никогда не превышалъ эту цифру, исключая времени послѣ московскаго погрома; слѣдовательно, не смотря на войну, онъ былъ на 400 милліоновъ менѣе того, которымъ въ 24 года глубокаго мира отягощали Францію.» Онъ забылъ сказать, какимъ способомъ императоръ содержалъ свои многочисленныя арміи, а именно: посредствомъ военныхъ контрибуцій, реквизицій и конфискацій въ завоеванныхъ странахъ, простиравшихся среднимъ числомъ отъ 300 до 400 милліоновъ въ годъ, т. е. до цифры, равной цифрѣ его военнаго бюджета, (которая никогда не должна была превышать 400 милліоновъ), ибо «армія наша, говорилъ *Moniteur* въ 1811 году, *въ силу ея основнаго закона*, кормится на счетъ страны, въ которой она ведетъ войну и стоитъ Франціи только жалованья, которое послѣдняя принуждена была бы платить ей вездѣ.» Такимъ образомъ одинъ военный бюджетъ въ первую имперію обходился въ 800 милліоновъ въ годъ, изъ которыхъ одну половину доставляла Франція, а другую иноземець.

Затѣмъ онъ въ приведенныхъ имъ фразахъ указываетъ на нѣкоторыя, внесенныя его дядей въ администраціи, крайне ребяческія улучшенія, которыя онъ выдаетъ за созданія гения, но которыя доказываютъ только бѣдность императорскихъ реформъ и узкость взгляда его апо-логиста.

Такъ, онъ видитъ образецъ администраціи въ уста-

новленіи залога для чиновниковъ и введеніи двойной бухгалтеріи.

Уничтоженіе дорожныхъ пошлинъ кажется ему также чудомъ, равно какъ ретроградный, притѣснительный законъ объ учрежденіи муниципальнаго акциза съ съѣстныхъ припасовъ, такъ произвольно и такъ несправедливо тяготѣвшій надъ потребленіемъ городовъ, и который, къ счастью, мало по малу отмѣняется въ большей части европейскихъ государствъ, гдѣ ввела его имперія, какъ напр. въ Бельгіи, Швейцаріи и др.

Онъ старается сложить съ своего дяди вину въ возстановленіи такъ называемыхъ Droits-réunis и gabelle, уничтоженныхъ революціей, которые были столь ненавистны народу, что Наполеонъ I вынужденъ былъ скрыть ихъ подъ болѣе новымъ названіемъ *косвенныхъ контрибуцій, налоговъ на напитки, налоговъ на соль и пр.*

Далѣе онъ говоритъ, что «императоръ въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 2-го ноября 1807 года, придавалъ искорененію нищенства большую важность, что онъ приказалъ учредить дома для призрѣнія нищихъ и что въ 1809 году такихъ домовъ было уже сорокъ два.»

По двадцати одному дому въ годъ : какая заботливость ! какое дѣйствительное и разумное средство !

Но онъ не ограничилъ этимъ свою предусмотрительность.

«Онъ учредилъ воспитательное общество, которое должно было имѣть (но которое никогда не имѣло, все-таки благодаря войнѣ) административные совѣты въ каждомъ изъ большихъ городовъ имперіи.»

Новый Сень-Венсенъ-де-Поль, истощивъ всѣ средства своего изобрѣтательнаго генія и науки социальныхъ улучшеній, принялся преобразовывать «учрежденіе се-

стеръ милосердія, сохранивъ всѣ его прежнія выгоды и уничтожилъ злоупотребленія, искажавшія его цѣль.»

Въ довершеніе своихъ заботъ объ *улучшеніи участи бѣдныхъ классовъ*, великій императоръ основалъ «шесть воспитательныхъ домовъ для сиротъ кавалеровъ Почетнаго Легіона, на 100 дѣвочекъ каждый.» Къ какому громадному соціальному улучшенію должна была повести подобная мѣра и какъ сильно она должна была способствовать искорененію нищеты и проституціи!

Но будемъ продолжать перечисленіе всѣхъ этихъ удивительныхъ и глубокихъ императорскихъ реформъ:

«Домъ Инвалидовъ получилъ въ 1803 году новое назначеніе и къ нему присоединили въ разныхъ пунктахъ нѣсколько вспомогательныхъ заведеній (succursales). Наполеонъ учредилъ лагеря для ветерановъ, въ которыхъ каждый изъ нихъ имѣлъ свое сельское жилище и участокъ земли, приносившій чистаго дохода сумму, равную его пенсіи.»

Понятно, какъ много подобная реформа должна была способствовать улучшенію участи несчастныхъ рабочихъ и всѣхъ пролетаріевъ — полезныхъ производителей. Но мы не должны забывать, что во время имперіи только военное сословіе имѣло право на заботливость правительства. Вотъ какова удивительная картина соціальныхъ реформъ, совершенныхъ безсмертнымъ императоромъ!

Нѣсколько далѣе онъ заявляетъ объ улучшеніи въ пенитенціарной системѣ, свидѣтельствующемъ о столь же просвѣщенномъ умѣ, какъ и глубоко филантропическомъ духѣ правителя. Это — «принятіе системы центральныхъ тюремъ для приговоренныхъ къ заключенію не болѣе какъ на одинъ годъ.» Эти дома сдѣлались, какъ извѣстно, обширными школами разврата, приготовленія

къ разбоямъ и убійствамъ, гдѣ заслуженные злодѣи посвящаютъ наименѣе развращенныхъ изъ своихъ учениковъ во всѣ тайны своего гнуснаго ремесла, и откуда послѣдніе выходятъ испорченными до мозга костей, готовыми, по истеченіи срока наказанія, накинуться на общество, какъ дикіе звѣри.

«Императоръ хотѣлъ также, чтобы въ дѣлѣ религіи все было безвозмездно... Онъ приказалъ, чтобы церкви открывались бесплатно для публики.» Затѣмъ, поставивъ театръ почти на одну линію съ храмомъ Господнимъ, нашъ публицистъ продолжаетъ: «Онъ намѣревался уменьшить по воскреснымъ днямъ плату за мѣста въ партерѣ французскаго театра до 20 су....»

«Въ рѣчи, произнесенной имъ въ 1807 году передъ законодательнымъ корпусомъ, онъ говоритъ, что во всѣхъ частяхъ его имперіи, даже въ самой убогой хижинѣ, благосостояніе гражданъ и цѣнность земель вскорѣ увеличатся вслѣдствіе задуманной имъ общей системы улучшения.»

Но, увы! война, проклятая война, которая была такъ несправедлива Наполеону I (потому что, по увѣренію его племянника, онъ стремился только къ миру и свободѣ, но къ несчастію Европа не позволяла ему ими наслаждаться), война, говоримъ мы, воспрепятствовала ему осуществить столь великіе планы и задержала исполненіе множества другихъ филантропическихъ улучшеній, въ числѣ которыхъ мы упомянемъ «желаніе прекратить неудобства, существующія въ депо полицейской префектуры въ Парижѣ, гдѣ добропорядочные люди бывають вынуждены проводить ночь вмѣстѣ съ ворами и мошенниками.»

Повидимому въ царствованіе Наполеона I потребны

были весьма большія формальности, предстояло преодолѣть сильныя затрудненія, чтобы заставить отворить бесплатно церкви, (чего духовенство только и желало), уменьшить плату за партеръ въ театрѣ до 1 франка и улучшить депо полицейской префектуры, потому что такой могущественный государь, какъ Наполеонъ I, завоевавшій почти всю Европу, не могъ, при всей своей доброй волѣ и желаніи, добиться этого въ продолженіи 15 лѣтъ своего царствованія.

Но еще страннѣе то, что его племянникъ, также человекъ необыкновенный, чудный геній, взявшій на себя трудъ объяснить намъ глубокій смыслъ благихъ намѣреній своего дяди, также не могъ, 40 лѣтъ спустя, не смотря на всю свою добрую волю, осуществить важныя улучшенія, предпринятыя въ началѣ нынѣшняго столѣтія великимъ человекомъ, такъ что и по нынѣ—кто бы могъ это думать? партеръ французскаго театра стоитъ 5 франковъ вмѣсто 20 су, и добронпорядочные люди, по прежнему, рискуютъ проводить ночь въ сообществѣ воровъ и мошенниковъ въ депо парижской полицейской префектуры. Послѣднее всего блистательнѣе подтвердилось во время переворота 2 декабря 1851 года, когда 300 народныхъ представителей, въ томъ числѣ: генераль Удино, герцогъ Реджіо, Одионъ Барро, Берье, герцогъ де-Бромъ, адмиралъ Сесиль, Оскаръ Лафайетъ, генераль Лористонъ, герцогъ Монтебелло, Казиміръ Перье были арестованы и отвезены въ тюрьму въ повозкахъ, употребляемыхъ для каторжниковъ, однимъ изъ преторіанцевъ, знаменитымъ Фореемъ, впоследствии маршаломъ имперіи, — въ тюрьму, гдѣ ихъ ожидало не одно сообщество воровъ и мошенниковъ, но и грозили дѣйствительныя опасности: наканулѣ ихъ прибытія тюремные сто-

рожа избиты до смерти палками, налитыми свинцомъ, многихъ несчастныхъ заключенныхъ. Одинъ господинъ, съ орденомъ на груди, былъ убитъ за то, что отказался объявить свое имя въ подобномъ мѣстѣ.

Но возвратимся къ нашей книгѣ: «общая администрація во время имперіи имѣла основаніемъ централизацію.» Нужно было, говоритъ Лудовикъ Бонапартъ, все *централизовать*, чтобы улучшить, животворить, основывать, и затѣмъ перенести къ окружности долю власти, которую центръ поглотилъ на время».

Какъ читатель видитъ, въ организаціи первой имперіи постоянно господствуетъ идея власти, всѣ части администраціи подчинены этой системѣ руководящей, сосредоточенной власти; всюду личная инициатива уничтожена въ пользу послѣдней.

Затѣмъ Лудовикъ Бонапартъ разсматриваетъ успѣхи земледѣлія, промышленности и торговли въ первую имперію. По его словамъ, въ царствованіе его дяди земледѣліе находилось въ весьма цвѣтущемъ состояніи; онъ забываетъ, что война до такой степени обезлюдила Францію, что не доставало рукъ для обработки полей, большая часть которыхъ оставались невспаханными.

Что касается промышленности, то извѣстно, что великая и можно сказать почти единственная промышленность имперіи была война, и что всѣ прочія оставались въ невольномъ пренебреженіи.

Осыпавъ похвалами усилія своего дяди на пользу промышленности, нашъ публицистъ обзрѣваетъ послѣдовательно торговлю, публичныя работы, народное просвѣщеніе и армію; въ особенности организація университета составляетъ предметъ его удивленія.

«Въ 1806 году, говоритъ онъ, императоръ призналъ

потребность положить правильныя основы народному просвѣщенію установленіемъ одной общей системы ; систему эту упрекали въ томъ, что она будто бы стѣсняетъ свободу; но время свободы еще не настало, а когда правительство стоитъ въ главѣ націи, только что освободившейся отъ всѣхъ идей прошлаго, оно обязано не только направлять современное ему поколѣніе, но и воспитать и возникающую генерацию въ принципахъ, доставившихъ торжество этой революціи; поэтому императоръ говорилъ: «Не можетъ быть прочнаго политическаго государства, если не будетъ корпораціи преподавателей съ прочными принципами; напротивъ созданіе такой корпораціи утвердить гражданскій порядокъ.»

Вопросъ о народномъ просвѣщеніи имѣлъ въ то время большую важность для Франціи, потому что многіе изъ ея передовыхъ людей опасались, что если общество оставить безоружнымъ въ виду религіозныхъ корпорацій, прочно организованныхъ, то послѣднія захватятъ въ свои руки монополію преподаванія и будутъ воспитывать подрастающія поколѣнія въ духѣ своихъ принциповъ, а потому всѣ лучшіе умы имперіи объявили себя въ пользу университетскаго преподаванія. Но всего любопытнѣе то, что авторъ *Наполеоновскихъ Идей*, восхваляющій такъ восторженно университетскую систему своего дяди, отдалъ, закономъ Фаллу (Falloux), университетъ въ жертву религіозныхъ корпорацій и учениковъ Лойолы. Впрочемъ идеи его относительно народнаго просвѣщенія такъ же смутны, какъ и относительно промышленности, торговли и соціальной организаціи. Онъ иногда не могъ понять, что народное просвѣщеніе есть самое драгоцѣнное право дѣтства и юности, и что оно должно быть бесплатнымъ и обязательнымъ, хотя онъ и имѣлъ честь быть

гражданиномъ Швейцаріи, гдѣ эти принципы положены въ основу народнаго образованія.

Организація арміи во время первой имперіи возбуждаетъ въ немъ еще большій восторгъ.

Онъ преклоняется съ умиленіемъ передъ «*системой конскрипціи*», которая, по его мнѣнію, составляетъ одно изъ величайшихъ учрежденій нашего вѣка. Не только она освѣщаетъ принципъ равенства, но, какъ сказалъ генераль Фюа, «она должна быть палладіумомъ нашей независимости, потому что, ставя націю въ армію и армію въ націю, она доставляетъ оборонѣ неистощимыя средства.»

На первый взглядъ эти софизмы могутъ показаться великими истинами, но во первыхъ спросимъ, что это за мнимый принципъ *равенства, освященнаго конскрипціей*, когда во Франціи богатые молодые люди могутъ откупаться отъ военной службы, подставивъ вмѣсто себя подъ непріятельскую пулю какого нибудь бѣдняка за двѣ или три тысячи франковъ? Что касается неистощимыхъ средствъ, которыя *система конскрипціи доставляетъ національной защитѣ*, то чудныя дѣйствія ея ясно выказались въ 1814 и 1815 годахъ, когда непріятель два раза вторгался въ Парижъ.

Наполеонъ I, на о. Св. Елены, наученный опытомъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что для Франціи единственно-неодолима защита есть вооруженіе всего народа; онъ сказалъ по этому случаю: «я бы организовалъ національную гвардію такимъ образомъ, чтобы всякій гражданинъ зналъ, въ случаѣ надобности, свой постъ; тогда бы я дѣйствительно имѣлъ націю, способную выдерживать борьбу съ вѣками и пародами.»

IV.

IV глава *Наполеоновских Идеи* посвящена пѣликомъ виѣшнему вопросу, политикѣ императора относительно Европы.

Лудовикъ-Наполеонъ в্রেжде всего разсыпается пышными похвалами по поводу военныхъ успѣховъ своего дяди почти во всей Европѣ.

«Не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ Наполеонъ, бывшій недавно главой гоеударства, находившагося въ войнѣ со всей Европой, соединилъ подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, чтобы идти на Москву, пруссаковъ, ганноверцевъ, голландцевъ, саксонцевъ, вестфальцевъ, поляковъ, австрійцевъ, виртембергцевъ, баварцевъ, швейцарцевъ, ломбардцевъ, тосканцевъ, неаполитанцевъ и пр. и пр. По этой аггломерациі народовъ, собранныхъ подъ начальствомъ императора, можно судить о его искусной политикѣ.»

Если онъ не можетъ привести лучшихъ доказательствъ въ пользу ловкости императорской политики, то современникъ и потомство сохранять о ней весьма жалкое понятіе; потому что, когда подумаешь, какими громадными силами, какими могущественными элементами располагалъ Наполеонъ I; когда поразмыслишь, какую великую выгоду истинно великій человекъ, благодѣтель человечества могъ бы извлечь изъ нихъ для прогресса и цивилизациі, и видишь, какое пагубное употребленіе онъ изъ нихъ сдѣлалъ, — невольно цѣпенѣешь отъ изумленія и отказываешься признать мнимый цивилизующій геній Наполеона I.

Тѣмъ не менѣе, по словамъ своего панегириста, императоръ имѣлъ гуманную цѣль, онъ хотѣлъ «уирочить

независимость Франціи, установить прочный европейскій миръ.... Онъ не нападалъ первый, напротивъ онъ былъ безпрестанно принуждаемъ отражать коалиціи Европы.»

Но кто-же былъ этимъ виновникомъ войнъ имперіи? Нашъ авторъ спѣшитъ объяснить намъ это:

«Всѣ наши войны произошли отъ Англіи. Она никогда не хотѣла слышать о какихъ бы то ни было предложеніяхъ мира. Уже-ли она думала, что императоръ ищетъ ея гибели? Онъ никогда не имѣлъ подобной мысли. Онъ только платилъ ей за ея зло такимъ же зломъ....»

«Повидимому, говоритъ онъ, эти два самые цивилизованные народа (Франція и Англія), принуждены *волею Провидѣнія просвѣщать міръ*; одинъ, возбуждая націи противъ Франціи, другой — завоевывая ихъ для ихъ возрожденія. Вотъ эти два колосса смотрятъ другъ на друга; ихъ раздѣляетъ только узкій проливъ; они готовы схватиться другъ съ другомъ. Но не таково велѣніе судьбы. Цивилизующій геній вѣка долженъ идти къ востоку.»

Читая подобныя фразы, невольно спрашиваешь себя, неужели все это говорится серьезно, подобно сивилинскому оракулу, предсказывающему приговоры судьбы? Дивисься также странному средству, избранному *Провидѣніемъ, чтобы просвѣщать міръ*. Провидѣніе возбуждаетъ два самыхъ цивилизованныхъ народа на истребительную войну! Не будь пролива, который случился здѣсь очень кстати, оба колосса, *смотрѣвшіе другъ на друга, вступили бы между собою въ отчаянную схватку* и вѣроятно скоро пожрали бы другъ друга и бой кончился бы за недостаткомъ бойцовъ. Но, къ счастью, не таково былъ приговоръ судьбы: *цивилизующій геній долженъ направляться къ востоку*.

«Для того, чтобы могъ установиться и упрочиться всеобщій миръ», продолжаетъ онъ далѣе, нужно было, чтобы Англія на западъ и Россія на востокъ были убѣждены разумными доводами или укрощены побѣдой. Великія намѣренія императора готовы были исполниться, западъ Европы двинулся на Москву.

«Но, увы! одна зима измѣнила все!!... Наполеоновская Европа не можетъ болѣе существовать. Пусть по этой великой неудачѣ судятъ о гигантскомъ результатѣ успѣха!... Великому человѣку предстоитъ уже не возводить новое зданіе Европы, но защищать Францію и ея союзниковъ! Поле битвы съ береговъ Березины переносится на холмы Монмартра. Миръ! миръ! кричатъ трусы, до тѣхъ поръ молчавшіе. Но душа императора недоступна для молодужныхъ совѣтовъ; хотя кровь струится изъ всего его тѣла, но онъ восклицаетъ: «лучше смерть, чѣмъ постыдный миръ! Лучше смерть, чѣмъ быть императоромъ Франціи, уменьшенной въ своихъ владѣніяхъ!»

«Вотъ блеснулъ лучъ надежды!... но скоро наступаетъ Ватерлоо!... здѣсь всякій французскій голосъ останавливается и находитъ только слезы, слезы, чтобы плакать вмѣстѣ съ побѣжденными, слезы, чтобы плакать вмѣстѣ съ побѣдителями, которые рано или поздно будутъ сожалѣть о томъ, что низвергли единственнаго человѣка, сдѣлавшагося посредникомъ между двумя враждебными вѣками!»

Мы нарочно привели цѣликомъ этотъ образчикъ бонапартовскаго лиризма, чтобы снова доказать, какую важность можно придавать историческимъ оцѣнкамъ и выводамъ нашего публициста.

Извѣстно, какъ въ 1813 году, когда непріятель вторгнулся въ Парижъ, императоръ защищалъ Францію, от-

рекшись отъ престола и предоставивъ ее, безоружную, въ жертву ея враговъ. Что касается *трусовъ*, по выраженію его племянника, требовавшихъ мира, то это были *раболовные сенаторы* его дяди, его *генералы* и *маршалы*, которыхъ онъ осыпалъ по горло золотомъ Франціи и добычею, награбленною имъ въ Европѣ, и которые, въ своемъ пресыщеніи, настойчиво требовали мира. Это были Талейранъ и Фуше, два растриженныхъ священника, бывшіе въ продолженіи пятнадцати лѣтъ его самыми интимными совѣтниками, которые продали его иноземцу.

Лудовикъ-Наполеонъ издѣвается также надъ легко-вѣріемъ своихъ читателей или рассчитываетъ на ихъ невѣжество, когда влагаетъ въ уста Наполеону I слова: «Лучше смерть, чѣмъ быть императоромъ уменьшенной Франціи.» Развѣ онъ не знаетъ, что послѣ губительнаго похода на Россію, пражскій конгрессъ 4 іюня 1813 года предлагалъ Наполеону I естественныя границы Франціи, завоеванныя арміями республики: Рейнъ, Маасъ, Шельду и Альпы; что Наполеонъ съ пренебреженіемъ отвергъ эти предложенія, опасаясь потерять свое обаяніе въ глазахъ міра и Франціи, в полагая, что онъ можетъ поработить послѣднюю только благодаря ослѣпленіямъ постоянныхъ побѣдъ.

Въ 1814 году, даже послѣ пораженія Бонапарта, низложенія его и безусловнаго отреченія отъ престола, союзныя державы оставили Франціи ея старинныя границы 1792 года *), и только въ 1815 году, послѣ ста дней второй реставраціи Франція была уменьшена.

---

*) «Союзные государи объявляютъ, что они уважаютъ неприкосновенность прежней Франціи,» объявилъ императоръ Александръ I, отъ имени союзниковъ, 31 марта 1814 г.

Мы не будемъ говорить о «громадныхъ выгодахъ, о благодѣяніяхъ, которыя Европа — увы! столь неблаго- дарная — не умѣла оцѣнить, но которыми она была обязана наполеоновской политикѣ и войнамъ имперіи, напомицавшимъ собою разлитіе Нила, когда воды этой рѣки затопляютъ села Египта, то съ перваго взгляда можно бояться опустошенія, но едва-лишь онѣ сбыли, какъ изобиліе и плодородіе возникаютъ на ихъ пути.»

Вопреки мнѣнію автора, мы находимъ довольно чув- ствительное различіе между благотворными разлитіями Нила и нашествіями императорскихъ полчищъ. Доста- точно будетъ одного примѣра . Когда императоръ дви- нулъ армію въ 1.200,000 человекъ для завоеванія Россіи, которую онъ хотѣлъ *возродить къ новой жизни*; когда эта великая рѣка, щетинившаяся штыками и влачившая въ своихъ нѣдрахъ тысячи пушекъ, схлынула, то въ пло- дотворномъ илѣ бонапартовскаго Нила нашли *сто двад- цать три тысячи сто тридцать три лошадиныхъ трупа и дьести сорокъ три тысячи шестьсотъ десять труповъ людей !!!... — Вотъ каковы были изобилія и плодородія, возникавшія на пути императорскихъ армій.*

Но эта громадная цифра ничто въ сравненіи съ общей суммой жертвъ, которыхъ имперія стоила Европѣ; одна Франція потеряла болѣе *пяти милліоновъ* своихъ сыновъ во время войнъ первой имперіи; число же иноземцевъ, цавшихъ въ этой борьбѣ, можно безъ преувеличенія пред- положить вдвое, что составитъ въ сложности *пятнад- цать милліоновъ жертвъ*, т. е. болѣе чѣмъ сколько въ настоящее время есть гражданъ во Франціи, ибо изъ ея 40 милліоновъ жителей, по крайней мѣрѣ, двѣ трети при- ходятся на долю женщинъ и дѣтей.

Что касается денегъ, которыхъ она стоила Европѣ,

то общая сумма ихъ оказывается не менѣе ужасающей. Экономисты опредѣляютъ въ *пятнадцать миллиардовъ* излишеніе расходы, которыхъ десять лѣтъ первой имперіи, съ 1804 по 1814 годъ, стоили:

Франціи	15,000.000,000 фр.
Англія, чтобы вести съ нею войну, заключила долговъ на .	20,000.000,000 »
Остальная Европа израсходовала, конечно, столько же . .	20,000.000,000 »
Итого.	55,000.000,000 фр.

Безъ преувеличенія можно положить по крайней мѣрѣ такую же сумму на военныя контрибуціи, поставку съѣстныхъ припасовъ, боевыхъ принадлежностей; на причиненныя войной потери: жатвъ, городовъ, домовъ, движимаго имущества, флотовъ, времени, труда, капиталовъ; на проценты съ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, употребленныхъ для нуждъ войны; на проценты государственнаго долга; на суммы, соотвѣтствующія цѣнности солдатскаго труда, если бы разныя правительства вздумали употребить его для утилитарныхъ цѣлей, и пр., что составитъ еще. . . . .

55,000.000,000 фр.

Итого сто десять миллиард. фр.   **110,000.000,000 фр.**

Такимъ образомъ, можно исчислить для Европы ба-

лансѣ первой имперіи, въ продолженіи ея десятилѣтняго существованія, по меньшей мѣрѣ въ пятнадцать милліоновъ жертвъ и въ сто десять милліардовъ франковъ. Вотъ, въ цифрахъ благодѣянія этой системы, которая, по словамъ ея панегириста, имѣла только одну цѣль: *благоденствіе Франціи и обновленіе Европы!*

V.

Въ 5-й главѣ *Idées Napoléoniennes* авторъ снова возвращается къ плану императора основать свое господство въ Европѣ; но онъ старается замаскировать по возможности цѣли великаго человѣка: теперь дѣло идетъ уже не о *всемірной имперіи*, но просто объ *европейской ассоціаціи*.

«Какъ скоро судьба оружія, говоритъ онъ, сдѣлала бы Наполеона повелителемъ большей части континента, онъ хотѣлъ воспользоваться своими завоеваніями для учрежденія *европейской конфедераціи*.»

Онъ приводитъ затѣмъ декламаціи автора *Mémoires de Sainte-Hélène*, его проекты «европейскаго кодекса», судъ, который бы контролировалъ рѣшеніе судовъ, подобно тому, какъ кассационный судъ во Франціи исправляетъ ошибки подвѣдомыхъ ему судовъ. Говоритъ, что дядя его основалъ бы европейскій институтъ, который бы давалъ жизнь всѣмъ ученымъ обществамъ Европы, направлялъ бы и согласовалъ ихъ труды; однообразіе монетъ, вѣсовъ, мѣръ, однообразіе законодательства были бы достигнуты при помощи его могучаго посредничества.

По словамъ самого Наполеона I, выраженнымъ имъ въ *Mémoires de Sainte-Hélène*, онъ долженъ былъ именно въ Россіи завоевать себѣ миръ, обезпечить торжество на-

наполеоновской политики; и потому поспѣшилъ вступить въ войну съ ней, лишь только нашелъ себѣ достаточно для того сильнымъ.

«Я могъ идти на Россію въ главѣ остальной Европы, говоритъ онъ, предпріятіе это было популярно, имѣло за себя симпатію всей Европы, это было послѣднимъ усиленіемъ, которое оставалось сдѣлать Франціи. Судьбы ея, судьбы *новой европейской системы* зависѣли отъ исхода борьбы. Россія была послѣднею подпорою Англии, миръ всего земнаго шара находился въ Россіи и успѣхъ не долженъ былъ подлежать сомнѣнію.»

Читая подобныя слова Наполеона, невольно стараешься искать имъ объясненіе: ибо никто не повѣритъ, чтобы они были искренни и что онъ пошелъ на Москву затѣмъ, чтобы *упрочить судьбы новой европейской системы*. Если онъ могъ идти на Россію въ главѣ остальной Европы, то ему гораздо было бы легче приступить къ организованію своей *конфедераціи* изъ всѣхъ народовъ и государей, шедшихъ вмѣстѣ съ нимъ, и установить на торжественномъ конгрессѣ свой европейскій кодексъ, свой европейскій кассационный судъ, свои системы вѣсовъ и мѣръ, монетъ, свое однообразіе законодательства и пр., и пр., — словомъ, основать свой *священный союзъ народовъ и государей*, который, конечно, составилъ бы достаточно сильную массу, чтобы побѣдоносно противиться завоевательнымъ замысламъ Россіи и злобнымъ интригамъ Англии. Обѣ эти державы, увлеченныя примѣромъ, можетъ быть, сами пожелали бы вступить въ великую *европейскую конфедерацію* и его гигантская задача была бы разрѣшена мирнымъ путемъ.

Желая подчинить своему игу Россію и обуздать Англию, Наполеонъ I вовсе не имѣлъ цѣлью учредить

свою пресловутую *европейскую конфедерацию* и завоевать миръ; но онъ желалъ положить незыблемыя основы своей великой имперіи, главныя колонны которой онъ уже воздвигнулъ, въ видѣ королевствъ, розданныхъ имъ своимъ братьямъ, родственникамъ и пр., и которыя, по его же словамъ, должны были служить *подпорами этого обширнаго зданія*.

Таковъ истинный поводъ къ злополучной для Франціи кампаніи 1812 года.

Императоръ не съ такой заботливостью старается скрывать свои планы, какъ его племянникъ, когда говорилъ :

« Миръ, подписанный въ Москвѣ, завершалъ бы и полагалъ конецъ моимъ военнымъ экспедиціямъ, рискамъ и открывалъ бы эру спокойствія и безопасности.

« Передо мной открылся бы новый горизонтъ, предстали бы новые труды, которые принесли бы благосостояніе и благоденствіе всѣмъ. *Европейская система* была бы основана; оставалось бы только организовать ее.....

« Европа вскорѣ составила бы одинъ народъ, и каждый гражданинъ, путешествуя повсюду, собственно говоря, оставался бы постоянно въ предѣлахъ общаго отечества.

« *Парижъ* сдѣлался бы столицею міра, а Французъ — предметомъ зависти народовъ!...»

Когда этотъ чудный результатъ былъ бы достигнутъ, императоръ могъ бы водворить царство свободы, которая, по увѣренію его племянника, была высшею цѣлью его стремленій (!).

Приходимъ наконецъ къ заключенію *Наполеоновскихъ идей*. Авторъ говоритъ намъ, что «имперія была

войною на жизнь и смерть Англии съ Франціей, и что Англія побѣдила.»

Но изъ всего, что мы въ разныхъ мѣстахъ сказали о первой имперіи, кажется достаточно выяснился ея истинный характеръ. Тщетно Лудовикъ—Наполеонъ старается исказить исторію и провести общественное мнѣніе, увѣряя, что народы, бывшіе нѣкогда подъ властью Наполеона, стараются возстановить благодѣтельные учрежденія, которыя онъ имъ оставилъ въ наслѣдство. «Италія и Польша старались возвратить себѣ ту національную организацію, которую имъ далъ Наполеонъ.»

Какую—же это національную организацію далъ Бонапартъ Италіи и Польшѣ? Даже во время своего похода на Россію Наполеонъ не возстановилъ Польшу; не смотря на убѣдительныя просьбы польскихъ патриотовъ, онъ оставилъ ее по прежнему раздробленной. Правда, существовало самостоятельное герцогство варшавское, но и то онъ отдалъ иностранному принцу.

А что онъ сдѣлалъ изъ Италіи, гдѣ онъ такъ часто бывалъ побѣдителемъ, что отъ него только зависѣло ее окончательно устроить, спасти навсегда отъ иноземнаго господства и освободить отъ вліянія клерикаловъ?

Онъ ее раздѣлилъ, раздробилъ, присоединилъ значительную часть ея къ своей имперіи; уступилъ Неаполь и Сицилію Юсифу, потомъ Мюрату; герцогства Лукку и Піомбано, а потомъ Тоскану своей сестрѣ Элизѣ; вице-королевство такъ называемаго имъ италіянскаго королевства Евгенію Богарнэ, а несчастную Венецію отдалъ Австріи.

«Испанія, продолжаетъ авторъ *Наполеоновскихъ идей*, льетъ потоками кровь своихъ сыновъ, чтобы возстановить конституцію, которую ей гарантировала байонская

консульта въ 1808 году. Смуты, ее волнующія, суть только естественная реакція противъ сопротивленія, оказаннаго ею императору.»

Странно, что если Испанія борется для завоеванія себѣ конституціонной свободы, Лудовикъ—Наполеонъ дерзаетъ утверждать, что она борется для того, чтобы возстановить у себя нѣчто подобное ужасному деспотизму иноземца!

«Бельгія въ 1830 году, говоритъ онъ, выразила открыто свое желаніе вновь сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ она была во время первой имперіи.»

Въ 1830 году эта небольшая страна, отдѣлившись отъ Голландіи, пожелала сдѣлаться не тѣмъ, чѣмъ она была во время первой имперіи, но страню свободной, независимой и конституціонной. Она, правда, просила себѣ въ короли одного изъ сыновей Лудовика—Филиппа, но когда ей это не удалось, то она выбрала на его мѣсто зятя его, Леопольда. Неужели это значитъ, что она хотѣла отречься отъ своей національности и свободы, чтобы сдѣлаться нераздѣльной частью военной и деспотической имперіи?

«Швейцарскіе кантоны, говоритъ онъ далѣе, съ общаго согласія предпочли союзному договору, ихъ связывающему, актъ посредничества 1803 года.»

Тургаускій гражданинъ, которому слѣдовало бы кажется знать политическій духъ своего втораго отечества, жестоко искажаетъ историческую истину. Во время *акта посредничества* (*acte de mediation*) и въ первую имперію значительная часть Швейцаріи, та, гдѣ говорятъ по французски: Женева, Во (Vaud), Невшатель, Фрибургъ, Вале (Valais), бернская Юра и пр., принадлежала къ имперіи. Лудовикъ Бонапартъ долженъ былъ бы знать, что ничто такъ не дорого сердцу швейцарца, какъ его націо-

нальность и ничто такъ ему не антипатично, какъ вмѣшательство или господство иноземца; поэтому въ 1819 году союзники были привѣтствованы Швейцаріей, какъ освободители; по той же самой причинѣ до сихъ поръ ежегодно 31-го декабря празднуютъ въ Женевѣ паденіе Французской имперіи, какъ освобожденіе отъ ига иноземца. *Актъ посредничества* Швейцарія всегда признавала посягательствомъ на свою національную независимость. Впослѣдствіи, переживъ революціи, она измѣнила свою федеральную конституцію въ демократическомъ и либеральномъ смыслѣ, и поспѣшила предать забвенію печальную эпоху посредничества и императорскаго господства.

«И такъ, заключаетъ свою книгу Лудовикъ Бонапартъ, которому нѣтъ никакого дѣла до историческихъ фактовъ, опровергающихъ его на каждомъ шагѣ, *Наполеоновскія идеи* имѣютъ характеръ идей, управляющихъ движеніями общества, потому что онѣ движутся своєю собственной силой, безъ участія ихъ автора, подобно тѣлу, брошенному въ пространство, которое собственной тяжестью достигаетъ цѣли, ему предназначенной... Повторяемъ, *Наполеоновская идея* не есть идея войны, но идея социальная, промышленная, торговая, гуманная...

«Да почиетъ же въ мирѣ прахъ Императора! Память о немъ растетъ съ каждымъ днемъ.

«Каждая волна, разбивающаяся объ утесъ св. Елены, приноситъ, вмѣстѣ съ дуновеніемъ Европы, поклоненіе его памяти, уваженіе къ его праху и эхо Лонгвуда повторяетъ надъ его могилой: «*Свободные народы трудятся повсюду надъ возстановленіемъ твоего дѣла.*»

Вмѣсто всякаго опроверженія, мы напомнимъ только племяннику великаго императора слѣдующія слова, ко-

торыя Наполеонъ I произнесъ , умирая на о. Св. Елены :
«Я погибъ потому, что затѣялъ борьбу съ идеями своего
вѣка.»

VI.

Послѣ появленія *Idées Napoléoniennes*, авторъ ихъ, содержавшійся въ то время въ гамской крѣпости вслѣдствіе своего булонскаго покушенія, издалъ въ 1841 году новый трудъ, подъ названіемъ *Fragments historiques*, въ которомъ, по поводу революцій въ Англіи въ 1649 и 1688 годахъ, подвергаетъ строгой критикѣ царствованіе Лудовика-Филиппа и скромно инсинуируетъ, что если бы впослѣдствіи судьба поставила его въ главѣ Франціи, то онъ былъ бы ея Вильгельмомъ III.

Онъ сравниваетъ англійскія революціи съ революціей 1830 года. Онъ снова возвращается къ своей системѣ посредничества между старыми и новыми интересами, приписывая, какъ мы выше видѣли, всю заслугу въ этомъ отношеніи своему дядѣ. Эту задачу, по его мнѣнію, Стюарты не поняли и она была причиной ихъ паденія; напротивъ Вильгельмъ III созналъ ее и былъ ей обязанъ своими успѣхами.

«Стюарты, говоритъ онъ, находились постоянно въ фальшивомъ положеніи. Будучи официальными представителями протестантства, они были въ душѣ католиками. Будучи обязательными представителями системы свободы и терпимости, они были преданы Франціи или подкуплены ею.

«Вильгельмъ, напротивъ, былъ и по натурѣ и по убѣжденіямъ дѣйствительно тѣмъ, что онъ представлялъ собою на престолѣ. Благодаря способу, коимъ принцъ

оранскій утвердилъ свою власть, онъ долженъ былъ имѣть замѣтное преимущество передъ Стюартами....

«Вильгельмъ III удовлетворилъ требованія своей эпохи и возстановилъ общественное спокойствіе; но если бы онъ послѣдовалъ политикѣ Стюартовъ, то былъ бы свергнутъ съ престола....

«Исторія Англіи говоритъ королямъ во всеуслышаніе: шествуйте въ главѣ идей вашего вѣка, эти идеи слѣдуютъ за вами и васъ поддерживаютъ.

«Шествуйте за ними, они васъ влекутъ за собою.

«Шествуйте противъ нихъ, онѣ васъ низвергнутъ.»

Вмѣсто того, чтобы забираться такъ далеко въ исторію Англіи, чтобы найти примѣръ, подтверждающій вѣрность этого афоризма, ему достаточно было бы вспомнить слова своего дяди, приведенныя нами въ концѣ предъидущей главы; онъ бы нашелъ такой примѣръ въ своей собственной фамиліи.

Довольно трудно понять аналогію между царствованіемъ Стюартовъ и царствованіемъ Людовика-Филиппа, управлявшаго тогда Франціей. Пробѣгая сочиненіе Людовика Бонапарта, читатель невольно приходитъ къ мысли, что ему гораздо естественнѣе было бы сравнить Стюартовъ съ Бурбонами старшей линіи, съ несчастнымъ Людовикомъ XVI, сложившимъ, также какъ и Карлъ I, свою голову на эшафотѣ, или даже съ своимъ дядей, Наполеономъ I, который былъ также низложенъ, подобно Стюартамъ. Къ тому же англійская революція 1688 года была гораздо болѣе революціей религіозной, чѣмъ политической; Вильгельмъ оранскій былъ возведенъ на престолъ Англіи преимущественно какъ представитель протестантской идеи и въ этомъ отношеніи водареніе его не

имѣеть никакого сходства съ воцареніемъ Лудовика-Филиппа въ 1830 году.

Среди набора пышныхъ фразъ и политическихъ и философскихъ сентенцій, у нашего автора порою прорываются наружу нѣкоторые изъ его самыхъ сокровенныхъ помысловъ, представляющихъ грустный контрастъ съ великодушными и крайне либеральными мнѣніями, которыя онъ щедрою рукою расточаетъ въ своихъ теоріяхъ.

Такъ, онъ утверждаетъ, что «правительство можетъ часто безнаказанно нарушать законность и свободу, лишь бы оно искренно стало въ главѣ великихъ интересовъ цивилизаціи. Это мы видимъ въ царствованіе Вильгельма III, который былъ истиннымъ представителемъ потребностей и мысли народа»....

«Можно, говоритъ авторъ, управлять спокойнымъ и правильнымъ обществомъ при помощи одного ума; но когда насиліе заступило мѣсто права и нарушило методическое шествіе цивилизаціи, монархъ вновь находитъ путь, съ котораго онъ сбился, не иначе, какъ принявъ тѣ великія, внезапныя рѣшенія, которыя подсказываетъ только сердце....»

Какія же это внезапныя рѣшенія, о которыхъ говоритъ нашъ публицистъ? Не есть ли это намекъ на ужасныя насилія, которыя ему суждено было совершить во время переворота 2 декабря 1851 года?

VII.

Въ 1842 году Лудовикъ Бонапартъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ L'Analyse de la question des sucres, въ которой онъ главнымъ образомъ нападаетъ на нѣкоторыя полезныя мѣры правительства Лудовика — Филиппа,

предлагавшаго уменьшить весьма высокія пошлины, лежавшія на туземномъ сахарѣ и на сахарѣ французскихъ колоній, а также сбавить пошлины съ иностраннаго сахара. Господствовавшая во Франціи воспретительная система причиняла ей значительный вредъ.

Во первыхъ она принуждала всѣхъ потребителей платить за фунтъ сахару 1 фр. 20 сант., между тѣмъ какъ въ странахъ, гдѣ торговля этимъ продуктомъ была свободна, онъ стоилъ 40 или 50 сантимовъ за фунтъ, вслѣдствіе чего значительное большинство французскихъ гражданъ не могло имъ пользоваться.

Высокія пошлины, поражавшія иностранный сахаръ при ввозѣ его во Францію, имѣли тотъ результатъ, что монополія рынка этой націи была обезпечена ея туземному сахару или сахару ея колоній, и что плантаторамъ этихъ послѣднихъ не предстояло нужды изощряться въ усовершенствованіи средствъ производства или въ улучшеніи своихъ продуктовъ, потому что у нихъ былъ вѣрный рынокъ, закрытый для иностранныхъ продуктовъ. Таковы были «выгоды» пресловутой системы, которую съ жаромъ отстаиваетъ и перевозноситъ авторъ «Вопроса о сахарѣ», выказывая въ своей брошюрѣ самыя отстаыя, самыя реакціонныя, противныя здоровой политической экономіи и современной наукѣ понятія.

VIII.

Но самое курьезное и самое противное здравому смыслу и логикѣ твореніе Лудовика-Наполеона, это — *L'Extinction du paupérisme (Искорененіе пауперизма)*, изданное имъ въ 1844 году.

Въ этомъ сочиненіи авторъ не раздѣляетъ мнѣнія

большинства экономистовъ, которые видятъ въ свободныхъ коопераціяхъ и ассоціаціяхъ наиболѣе вѣрное средство для уничтоженія пролетаріата и бѣдности, но предлагаютъ слѣдующую оригинальную систему.

Онъ предлагаетъ организовать рабочій классъ на военную ногу, основать земледѣльческія колоніи..... *большіе пріюты* для огромной массы рабочихъ, въ которыхъ бы развивали ихъ физическія силы и умъ.

Для этого правительство должно, особымъ закономъ, уступить рабочему классу 9,190,000 гектаровъ невоzdѣланныхъ земель Франціи, (приносящихъ нынѣ доходу только 8 франковъ съ гектора), вознаградивъ за нихъ, конечно, владѣльцевъ. Кроме того государство ссудитъ рабочую ассоціацію въ теченіи четырехъ лѣтъ 311 милліонами, и ей будетъ предоставлено расчистить и эксплуатировать ввѣренныя ей невоzdѣланные участки.

Должно прежде всего учредить особый классъ посредниковъ между хозяевами и рабочими, подъ именемъ *rigid'hommes* (смотрителей, десятниковъ), которыхъ бы рабочіе ежегодно избирали по одному человѣку на десять рабочихъ.

Всякаго хозяина фабрики или фермы, говоритъ нашъ авторъ, слѣдуетъ обязать закономъ, что какъ скоро онъ будутъ имѣть у себя болѣе десяти рабочихъ, то долженъ содержать для нихъ десятника и назначать ему плату вдвое болѣе противъ платы простыхъ рабочихъ.

Эти десятники будутъ исполнять въ средѣ рабочаго класса *такую же роль, какъ унтеръ-офицеръ въ арміи*. Они составятъ первую ступень въ соціальной іерархіи..... Предположивъ число рабочихъ въ 25 милліоновъ, мы получимъ 2½ милліона посредниковъ, раздѣляющихъ въ одно и тоже время интересы и рабочихъ и хозяевъ.

Эти десятники будутъ раздѣлены на двѣ части: одни останутся въ частной промышленности, другіе же будутъ помѣщены въ земледѣльческія колоніи.

Одною изъ ихъ главныхъ обязанностей было бы распредѣлять полезнымъ образомъ трудъ и передавать излишекъ пезанятыхъ рукъ въ земледѣльческія колоніи. Всякій разъ какъ будетъ излишекъ рукъ въ частной промышленности, десятники сообща съ мэрами общинъ будутъ имѣть право посылать въ земледѣльческія колоніи рабочихъ, для которыхъ они не найдутъ дѣла. Эти лишніе рабочіе будутъ употребляемы для новыхъ расчистокъ земель.

Такимъ образомъ въ этихъ колоніяхъ, кромѣ строго необходимаго числа мужчинъ, женщинъ и дѣтей для производства сельско-хозяйственныхъ работъ, будетъ находиться большое число рабочихъ, которые будутъ постоянно употребляемы для расчистки новыхъ земель, или же для постройки новыхъ зданій для больныхъ и престарѣлыхъ.

Когда для частной промышленности понадобятся руки, она обратится за ними въ эти центральные депо, въ которыхъ вслѣдствіе того заработная плата будетъ постоянно держаться на извѣстной высотѣ; потому что рабочій, увѣренный въ томъ, что онъ найдетъ въ земледѣльческихъ колоніяхъ обеспеченное существованіе, согласится работать для частной промышленности не иначе, какъ если она ему предложитъ плату выше того *строго необходимаго*, которое ему всегда доставитъ общая ассоціація.

Затѣмъ авторъ входитъ во всѣ подробности организаціи земледѣльческихъ колоній, въ которыхъ рабочіе будутъ размѣщены партіями въ десять человѣкъ, подѣ

надзоромъ и управленіемъ десятниковъ въ особыхъ баракахъ, на манеръ походныхъ. Когда рабочій женится, ему дается особый баракъ собственно для него и его семьи; имъ будетъ даваться солдатская плата и провіантъ до тѣхъ поръ, пока ассоціація не пріобрѣтетъ барышей. Во всѣхъ колоніяхъ, которыя будутъ солидарны для всей Франціи, будетъ господствовать почти военная дисциплина; десятичники будутъ подчинены *директорамъ*, выбираемымъ десятичниками вмѣстѣ съ рабочими, и каждая колонія будетъ имѣть *губернатора*, назначаемого десятичниками сообща съ директорами. Ежегодно директора будутъ ѣздить въ Парижъ и вмѣстѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ будутъ рѣшать вопросъ о наилучшемъ употребленіи барышей ассоціаціи, если таковыя окажутся.

Проектъ этотъ, какъ можно видѣть изъ его краткаго изложенія, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики.

Эти мнимыя земледѣльческія колоніи будутъ только громадными исправительными домами и пріютами нищенства, гдѣ рабочіе будутъ подвергаемы подневольному труду, высшей дисциплинѣ, будутъ получать солдатское жалованіе и пищу, и помѣщаться въ баракахъ.

Во первыхъ, какую выгоду доставятъ рабочимъ 2,500,000 десятскихъ? Неужели во Франціи и безъ того мало посредниковъ, поглощающихъ плоды ихъ труда, живущихъ на счетъ ихъ труда? Неужели нужно еще увеличивать число ихъ такою массою надзирателей, которые будутъ получать вдвое болѣе ихъ жалованья? При такой прелестной системѣ, нужно прежде всего взять изъ поденнаго труда французскихъ рабочихъ, для того, чтобы заплатить жалованье десятскимъ, сумму, равную пяти милліонамъ дней, или другими словами, изъ десяти дней взять у рабочаго два дня или пятую часть каж-

даго рабочаго дня на уплату жалованья десятскимъ, — весьма странное средство улучшить участь рабочихъ. Съ другой стороны для производителей, фабрикантовъ, собственниковъ, нанимающихъ рабочихъ, будетъ весьма стѣснительно, если имъ навяжутъ десятскаго, который будетъ въ нѣкоторомъ родѣ независимъ отъ нихъ, потому что они его не назначали, не выбирали, а между тѣмъ обязаны будутъ платить ему вдвое дороже рабочихъ. Кромѣ того десятскіе, какъ мы видѣли, будутъ имѣть, вмѣстѣ съ мэрами, громадную привилегію, неограниченную власть, непререкаемое право посылать рабочихъ, для которыхъ бы не нашлось занятій въ частной промышленности, въ земледѣльческія колоніи для новыхъ расчистокъ земли, подобно тому какъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, малолѣтнихъ бродягъ, брошенныхъ дѣтей отправляютъ нынѣ въ исправительные, смиренныя дома, гдѣ ихъ заставляютъ работать до совершеннолѣтія. Такимъ образомъ разсматриваемый нами проектъ, отнявъ свободу промышленности у хозяина, нарушаетъ свободу труда и свободу личности рабочаго, который превратится въ крѣпостнаго, въ родѣ бѣлаго негра или каторжника, подчиненнаго военному управленію и дисциплинѣ, живущаго въ баракахъ и воздѣлывающаго землю подъ надзоромъ сторожей, называемыхъ десятскими.

Что касается самыхъ земледѣльческихъ обществъ, которыя предлагаетъ основать Лудовикъ-Наполеонъ, то они также лишены всякихъ условій справедливости и мудрости, которыя только однѣ и могли бы обезпечить имъ успѣхъ. Во Франціи уже не разъ пытались сдѣлать плодородными неудобныя участки, но всякій разъ тщетно, потому что для этого необходимо не только громадные

капиталы, но и отличные работники, а неужели хорошій работникъ покинетъ свою работу, свою свободу, жилище и польстится на походные бараки, на солдатское жалованье и военную дисциплину земледѣльческихъ колоній, которыя по этому сдѣлаются только притонами бѣдняковъ, людей праздныхъ и самыхъ дурныхъ работниковъ.

Между тѣмъ авторъ «Искорененія пауперизма» считаетъ свою систему необыкновенно благотѣльнымъ изобрѣтеніемъ, которое должно развиться до колоссальныхъ размѣровъ; «ибо, прибавляетъ онъ, когда не будетъ болѣе дешевыхъ земель во Франціи, ассоціація учредить вспомогательныя отдѣленія въ Алжирѣ, въ Америкѣ, и можетъ даже распространиться по всему міру! Всюду, гдѣ нужно будетъ расчистить хотя бы одинъ гектаръ, прокормить хотя бы одного бѣднаго, она явится съ своими капиталами, съ своей арміей работниковъ, съ своей неустанной дѣятельностью!»

Нужно полагать, что въ настоящее время ни во Франціи, ни на всемъ земномъ шарѣ не осталось ни одного гектара для расчистки и ни одного бѣдняка для прокормленія, потому что авторъ проекта, сдѣлавшійся впоследствии могущественнымъ императоромъ, не заблагоразсудилъ примѣнить его къ дѣлу.

IX.

Кромѣ названныхъ нами сочиненій, Лудовикъ-Наполеонъ напечаталъ нѣсколько статей въ газетѣ Progrès du Pas-de-Calais. Первая изъ этихъ статей посвящена вопросу «о невольничествѣ и правѣ осмотра кораблей.» (L'Esclavage et le droit de visite).

Подобно своему дядѣ онъ не любитъ идеалоговъ; «об-

щественное чувство Европы, говорить онъ, возмутилось противъ невольничества и торговли неграми. Но такъ называемые философы (не безсмертный-ли Вильберфорсъ?) воспользовались имъ и только ухудшили зло, которое хотѣли исцѣлить. Въ большей части знойныхъ странъ Америки земля исключительно воздѣлывается чернокожими. Африканская раса необходима для этого климата; участь землевладѣльцевъ двухъ третей Америки зависитъ отъ невольничества и торговли неграми. Чувство религіозное и христіанское, которое мы отнюдь не порицаемъ, потому что сами его испытываемъ, овладѣло Европой, и она, тронутая страданіями цѣлой расы людей, воскликнула: «Не нужно болѣе невольничества, не нужно торговли неграми!» На это бѣлые жители Америки возразили: «Освобожденіе негровъ равносильно для насъ грабежу, разоренію, убійству, потому что невольники есть наша собственность.»

Дѣло кончилось тѣмъ, что по заключенію трактата о правѣ осмотра кораблей, торговля неграми, въ видѣ контрабанды, еще болѣе усилилась, и когда корабли, везущіе ихъ, преслѣдуются филантропическимъ крейсеромъ, то несчастныхъ невольниковъ бросаютъ въ море для избѣжанія положеннаго наказанія.

На основаніи этихъ соображеній авторъ предлагаетъ «подвергать негровъ постепенной выучкѣ (*argentissage*), заставить ихъ нечувствительно перейти отъ подневольнаго труда къ свободному.»

Доводы автора совершенно неосновательны. Впервые, несправедливо, что *благоденствіе двухъ третей Америки зависело отъ торговли неграми и невольничества*, потому что въ послѣднее время свободный трудъ замѣнилъ съ огромной выгодой повсюду въ Сѣверо-

американскихъ Штатахъ трудъ негровъ - невольниковъ, которые всегда, какъ извѣстно, сосредоточивались лишь въ нѣкоторыхъ изъ штатовъ самаго знойнаго пояса, гдѣ воздѣлывается почти исключительно хлопокъ, рисъ и сахарный тростникъ, гдѣ жгучій климатъ тропиковъ и низменная, болотистая почва устьевъ большихъ рѣкъ казалась весьма опасными препятствіями для полевыхъ работъ европейцевъ. Но болѣе внимательное изслѣдованіе и болѣе просвѣщенный опытъ доказали, что даже въ самыхъ южныхъ штатахъ Сѣверо-американскаго союза, какъ напр. въ Техасѣ, Луизианѣ, Флоридѣ, Миссисипи и пр., бѣлые могутъ такъ же удобно выносить полевые работы, какъ и негры, и что смертность у первыхъ не значительнѣе, чѣмъ у вторыхъ.

«Выучка», которой Лудовикъ - Наполеонъ предлагалъ подвергать негровъ, въ видѣ перехода отъ подневольнаго труда къ свободному, есть не что иное, какъ тоже рабство, только прикрытое обманчивымъ названіемъ «выучки». Съ которыхъ поръ рабство сдѣлалось приготовительнымъ средствомъ къ свободѣ?

Нужно отдать справедливость Лудовику - Наполеону: онъ, сдѣлавшись впоследствии императоромъ, остался вѣренъ своей теоріи и, подобно своему дядѣ, возстановилъ невольничество и торговлю неграми во французскихъ колоніяхъ. Подъ именемъ «найма свободныхъ рабочихъ» (*engagement de travailleurs libres*) французскіе корабли забирали на берегахъ Африки грузы несчастныхъ негровъ и отвозили ихъ во французскія колоніи, гдѣ плантаторы примѣняли къ нимъ пресловутую систему «выучки».

Х.

Загѣмъ Лудовикъ-Наполеонъ помѣстилъ въ Progrès du Pas-de-Calais рядъ статей, направленныхъ противъ правительства Лудовика-Филиппа, какъ напр. *La paix ou la guerre; La paix, l'opposition de la chambre des députés, des gouvernements et de leurs soutiens, vieille histoire toujours nouvelle* и пр. Интересна статья, напечатанная 22 марта 1843 года въ Progrès du Pas-de-Calais подъ названіемъ: «*Opinion de l'Empereur sur les rapports de la France avec les puissances de l'Europe,*» въ которой онъ расточаетъ самую грубую лезть французскому народу. Приведемъ изъ нея наиболѣе курьезныя отрывки:

«Въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ полемика старалась наперерывъ доказывать выгоды союза съ Англіей или съ Россіей; слушая эти два единственные тезиса, казалось бы, что для Франціи нужна иная сила, чѣмъ ея собственная, чтобы заставить себя уважать, нуженъ иной голосъ, чѣмъ ея, чтобы имѣть вѣсъ на конгрессѣ государей. Мы не утверждаемъ, чтобы Франціи слѣдовало оставаться изолированной и не имѣть ни съ кѣмъ откровенныхъ и дружескихъ отношеній; но мы полагаемъ, что союзъ долженъ быть результатомъ долгихъ доброжелательныхъ отношеній между націями, а не плодомъ внезапнаго увлеченія. Вотъ слова императора Наполеона:

«Франція, говорилъ онъ, по своему географическому положенію, по богатству своей почвы и даровитости своихъ жителей есть посредникъ европейскаго общества. Она выходитъ изъ роли, которую природа ей предписала, когда дѣлается завоевательницей; она становится ниже своей роли, когда покоряется обязательствамъ какого нибудь союза. Она относится къ европейскимъ націямъ

такъ же, какъ левъ къ существамъ, его окружающимъ. Она движется не иначе, какъ что нибудь защищая или разрушая; она поддерживаетъ другихъ, но сама не ищетъ чужой поддержки. Это, вѣроятно, было до второй имперіи.

«Когда имѣешь честь, продолжаетъ онъ, и вмѣстѣ счастье быть Франціей, нужно понять всю важность такого положенія—быть *націей-солнцемъ* и не превращаться въ *націю-спутника*.

«Англія при всемъ своемъ могуществѣ не можетъ одна играть въ дѣлахъ континента первостепенной роли; ей нужно непременно опираться на Вѣну, Парижъ или С.-Петербургъ.»

Предоставивъ такимъ образомъ Англіи, Германіи и Россіи весьма незначительныя роли и сравнивъ Францію со львомъ, предметомъ ужаса всего живущаго, авторъ старается доказать правдивость мыслей своего дяди и отзывается слѣдующимъ образомъ о союзѣ съ Англіей со времени 1830 года. «То, что совершается въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ, говоритъ онъ, доказываетъ справедливость и глубину мнѣнія Наполеона. Въ 1830 году французское правительство усердно заискивало признаніе своего Англіей и союза съ нею, на что Англія отвѣчала: «мы будемъ отстаивать ваши идеи передъ Европой, но за это признайте трактатъ 1815 года и господство нашего флота, обяжитесь очистить Алжиръ, когда мы потребуемъ, пожертвуйте намъ даже нѣкоторыми изъ отраслей вашей промышленности и дозвольте нашему вліянію водвориться на востокъ и въ Средиземномъ морѣ.»

«Такъ какъ эти обѣщанія были даны, то Англія потребуетъ въ удобную минуту ихъ исполненія и будетъ имѣть на то право. Но зачѣмъ наше правительство само—

вольно закабалило нашу будущность и ради династического интереса покинула великіе интересы страны?»

Посмотримъ теперь, какой политикъ относительно Англіи слѣдовалъ авторъ этихъ строкъ, когда впоследствии сдѣлался повелителемъ Франціи.

Въ 1853 году французское правительство усердно домогалось своего признанія и союза Англіи. «Принцъ Луи-Давидъ, бывшій тогда императоромъ французомъ, говоритъ Кинглекъ въ своей исторіи «Вторженіе въ Крымъ» высказался внезапно въ пользу консервативной политики въ Турціи, предлагая дѣйствовать сообща съ одной изъ великихъ державъ Европы.

«Онъ зналъ, что Англія всегда держалась консервативной политики на востокъ. Онъ зналъ также, что Франція въ послѣдніе годы дѣйствовала вообще въ противоположномъ смыслѣ. Ему казалось, что если онъ обѣщаетъ вовлечь Францію въ англійскую политику, то добьется такимъ образомъ союза съ королевой и займетъ въ Европѣ вліятельную роль, которая была для него необходима въ интересахъ его безопасности *)».

«Для достиженія этой цѣли, продолжаетъ Кинглекъ, было недостаточно, чтобы Франція просто приняла участіе въ конференціи четырехъ великихъ державъ по восточному вопросу. Роль ея не была бы достаточно славной и замѣтной, чтобы отвратить вниманіе французомъ отъ личностей, захватившихъ ихъ дворцы и министерства. Съ другой стороны тѣсный союзъ съ одной Англіей, съ устраненіемъ обѣихъ прочихъ державъ, привелъ бы не только къ столкновенію, желательному для безопасности и благоденствія Тюйлъри, но и санкціонировалъ

---

*) Kinglake, Invasion de la Crimée, томъ 1, стр. 269, Брюссель.

бы передъ ослѣпленными глазами міра, незапятнаннымъ именемъ королевы англійской кровавыя продѣлки декабрьскаго переворота.»

Пропускаемъ рядъ спеціальныхъ статей гамскаго узника по вопросу о вербованіи арміи и упомянемъ о статьѣ его «о французскихъ колоніяхъ въ Тихомъ океанѣ». Въ этой статьѣ Лудовикъ-Наполеонъ старается доказать, что Франціи не слѣдуетъ расширять свои отдаленныя владѣнія, что вмѣсто того, чтобы разбрасывать свои силы, она должна ихъ сосредоточивать и посвятить всю свою заботливость своимъ колоніямъ въ Африкѣ и Гвіанѣ, которыя, по его мнѣнію, однѣ только и важны для нея.

XI.

Какъ извѣстно, Ламартинъ былъ всегда искреннимъ противникомъ имперіи Наполеона I, и, не въ примѣръ своимъ современникамъ, никогда не воскурялъ ему оиміама. Будучи еще молодымъ, онъ предпочелъ отправиться въ изгнаніе, чѣмъ служить въ его арміи. Въ 1843 г. въ письмѣ, написанномъ имъ къ Шапюи-Монлавилю по поводу проекта народныхъ изданій онъ довольно строго отзывался объ эпохѣ консульства и имперіи. Понятно, что смѣлость столь славнаго писателя, позволившаго себѣ не раздѣлять удивленія Лудовика-Наполеона къ славі первой имперіи, весьма неприятно подѣйствовала на нашего публициста, который и написалъ по этому поводу письма къ нему и къ Шапюи-Монлавилю, изъ которыхъ послѣднее помѣстилъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Ламартинъ судитъ слѣдующимъ образомъ о вліяніи, оказанномъ Наполеономъ I на цивилизацію:

«Является этотъ человекъ, говоритъ онъ о Наполео-

нѣ, и останавливаетъ революціонное движеніе въ ту самую минуту, когда оно переставало быть *конвульсивнымъ* и готово было сдѣлаться *созидающимъ*. Онѣ вооружается всѣми раскаяніями, всею жаждою мести, всѣми отступничествами, которыя революція всегда разсѣваетъ на своемъ пути. Онѣ возстановляетъ старый порядокъ съ новой обстановкой и новыми именами; онѣ заставляетъ печать отступить назадъ до цензуры, трибуну до безмолвія, равенство до возведенія въ дворянство плебеевъ, свободу до государственныхъ тюремъ, философію и свободу вѣроисповѣданій до конкордата. Онѣ всюду заглушаетъ въ Европѣ любовь къ французскимъ идеямъ, ихъ мирное сіяніе и замѣняетъ ихъ насиліемъ и завоеваніемъ. Какое же былъ конечный результатъ этой драмы, разыгранной однимъ актеромъ? Лишнее имя въ исторіи; но за то Европа два раза вторгалась въ Парижъ, за то границы Франціи были стѣснены, Англія спокойно осуществила на моряхъ мечту о всемірной монархіи, а въ самой Франціи свобода и просвѣщеніе массъ были задержаны на неопредѣленное время этимъ эпизодомъ славы: таково было 18-е брюмера.»

Въ своемъ возраженіи Ламартину, Лудовикъ-Наполеонъ между прочимъ говоритъ: «Я не защищаю принципъ революціи 18-го брюмера, равно какъ насильственный способъ, которымъ она была совершена. Весь вопросъ состоитъ въ томъ: спасло ли 18-е брюмера республику или нѣтъ,» и затѣмъ раздражается горькими нападками на директорію, старается опровергнуть каждое изъ положеній Ламартина и доказать, что 18-е брюмера спасло Францію и свободу.

«Результатомъ имперіи, говоритъ онѣ, по мнѣнію г. Ламартина было двукратное вторженіе Европы въ Па-

рижъ, безраздѣльное господство Англіи на моряхъ и пр. Это вѣрно въ томъ смыслѣ, что эти печальные результаты были произведены не торжествомъ, но паденіемъ императора. Я не защищаю систематически всѣхъ учрежденій имперіи, всѣхъ дѣйствій императора, но утверждаю, что изъ всѣхъ правительствъ, предшествовавшихъ консульству и имперіи или слѣдовавшихъ за ними, ни одно не сдѣлало въ мирное время для благоденствія Франціи и тысячной доли того, что сдѣлалъ императоръ во время войны.»

Затѣмъ онъ возвращается къ своимъ обычнымъ увѣреніямъ, что Наполеонъ I былъ душеприкащикомъ революціи, разсадникомъ ея принциповъ во Франціи и въ Европѣ.

ХII.

Въ 1839 году друзья Лудовика-Наполеона, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, Фелланъ (Fellens), основали газету *Capitole*, съ тѣмъ, чтобы поддерживать и распространять принципы наполеоновскаго управленія и доказывать превосходство учрежденій имперіи надъ учрежденіями, введенными въ 1815 и 1830 годахъ. Принцъ, соблазнившись величіемъ цѣли, которую ему сулили, потратилъ на это изданіе значительныя суммы. Оно существовало нѣсколько времени, но вслѣдствіе ли плохой администраціи или слабости редакціи оно не вполне удовлетворило ожиданіямъ своихъ основателей и особенно намѣреніямъ племянника императора.

По этому въ 1840 году приверженцы принца посоветовали ему издавать вмѣсто ежедневной газеты ежемѣсячное обозрѣніе, первый и единственный номеръ кото-

раго и вышелъ въ іюль 1840 года, подъ заглавіемъ *L'Idée Napoléonienne*. Булонская экспедиція, происшедшая въ началѣ слѣдующаго мѣсяца, положила конецъ этому изданію. Въ этомъ обзорѣни онъ, конечно, весьма подробно развиваетъ свою теорію наполеоновской идеи. Въ этомъ же сборникѣ помѣщена статья о пресловутой избирательной системѣ Наполеона I-го, въ которой ему приписывается заслуга введенія всеобщей подачи голосовъ: далѣе, статья о «консервативной партіи», статья «о военной организаціи Франціи» и наконецъ «о личной свободѣ въ Англіи».

Кромѣ того, въ сочиненіяхъ Лудовика есть статья, подъ заглавіемъ *L'exil*, въ которой онъ въ самыхъ патетическихкихъ фразахъ описываетъ муки и горечь изгнанія.

Лудовикъ-Наполеонъ, послѣ своего бѣгства изъ гамской крѣпости, издалъ въ 1846 году въ Англіи, на англійскомъ языкѣ, весьма подробную записку о проектѣ канала *Никарагуи*, который бы соединилъ Тихій Океанъ съ Антильскимъ моремъ.

Штаты Гватималы, Санъ-Сальвадора и Гондураса отправили въ 1849 году полномочнаго министра, Кастеллопа, къ французскому правительству, чтобы просить содѣйствія его этому предпріятію, но безуспѣшно; тогда этотъ посланный отъ штатовъ центральной Америки обратился къ гамскому узнику съ предложеніемъ принять на себя руководство этимъ проектомъ канализаціи. Лудовикъ-Наполеонъ весьма охотно согласился и, послѣ своего бѣгства, издалъ помянутую записку. Онъ рѣшился было уѣхать изъ Лондона, чтобы стать въ главѣ этой великой операціи, по случайности новизны, — февральская революція, заставила его измѣнить свое рѣшеніе.

XIII.

Приступаемъ къ послѣднему, наиболѣе извѣстному изъ сочиненій Наполеона III, къ его *Vie de Jules César* (Жизнь Юлія Цезаря), еще недоведенному до конца

Насъ, какъ и большинство читателей, интересуесть, конечно, не ученая сторона этого сочиненія, въ которомъ Наполеонъ III пользовался содѣйствіемъ многочисленныхъ археологовъ, литераторовъ и ученыхъ; но намъ интересно ознакомиться изъ творенія бывшаго императора французовъ съ его сокровенными мнѣніями о событіяхъ, фактахъ, имъ рассказываемыхъ, съ его философскими и политическими выводами, примѣнительно къ нашей эпохѣ, — выводами, на которые можно смотрѣть какъ на его правительственную программу, какъ на изложеніе его политическихъ и соціальныхъ теорій.

«Жизнь Юлія-Цезаря» есть ничто иное, какъ подробное развитіе «*Наполеоновской идеи*», которую авторъ вставилъ въ историческую рамку біографіи великаго человѣка, чтобы придать ей болѣе блеска и снискать сочувствіе массъ.

«Историческая истина, говоритъ онъ, должна бы быть столь же священна, какъ и религія..... Уроки исторіи внушаютъ намъ любовь къ прекрасному и справедливому и ненависть къ тому, что препятствуетъ прогрессу человѣчества.» Затѣмъ онъ прибавляетъ: «для того, чтобы эти уроки могли принести пользу, потребны нѣкоторыя условія: нужно, чтобы факты передавались съ строгой точностью, нужно, чтобы политическія или соціальныя перемѣны были философски анализируемы; нужно, чтобы привлекательность подробностей жизни общественныхъ дѣятелей не отвращала вниманія отъ ихъ полити-

ческой роли и не позволяла забывать ихъ божественную *missio* (*mission providentielle*).»

Извѣстна теорія Лудовика-Наполеона, которую онъ развиваетъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, а именно: что провидѣніе время отъ времени посылаетъ народамъ своихъ избранниковъ, привилегированныя личности, которые направляютъ судьбы народовъ къ предназначенной имъ цѣли, которые «являются въ исторіи подобно свѣтозарнымъ маякамъ, разсѣвающимъ мракъ своей эпохи и освѣщающимъ будущность.»

Эти избранники — существа особыя, сверхестественныя, которыхъ люди не способны оцѣнить и судить, рядъ такихъ избранниковъ онъ видитъ въ Александрѣ Македонскомъ, Юліи Цезарѣ, Карлѣ Великомъ, Наполеонѣ I. Словомъ, Лудовикъ Бонапартъ проповѣдуетъ теорію самаго крайняго фатализма.

Относительно личности Цезаря нашъ авторъ выражается такъ:

«Для того, чтобы основать прочный порядокъ вещей нуженъ былъ человѣкъ, который, стоя выше мелочныхъ страстей, соединилъ бы въ себѣ существенныя качества и справедливыя идеи каждаго изъ своихъ предшественниковъ и избѣгъ ихъ недостатковъ и заблужденій. Къ величію души и любви къ народу нѣкоторыхъ трибуновъ нужно было придать военный геній великихъ полководцевъ и глубокой диктаторской инстинктъ къ порядку и іерархіи.

«Человѣкъ, способный къ такому высокому назначенію, уже существовалъ, но можетъ быть, не смотря на свое имя, еще долго оставался бы въ неизвѣстности, если бы проницательный взоръ Силлы не открылъ его въ тол-

пѣ и своимъ преслѣдованіемъ не указалъ на него общественному мнѣнію. Этимъ человѣкомъ былъ Цезарь.»

Затѣмъ Наполеонъ III упрекаетъ историковъ въ томъ, что они унижаютъ дѣйствія геніальныхъ людей, а не стремятся подняться до ихъ пониманія, и въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ жизни Цезаря.

Наполеонъ III старается снять съ Юлія Цезаря всякій укоръ въ честолюбіи, въ стремленіи къ верховной власти, забывая, что Юлій Цезарь самъ утверждалъ, что происходитъ отъ Венеры и Анка-Марція, римскаго царя, и въ похвальной рѣчи своей теткѣ Юліи выразился такъ: «Въ моей фамиліи соединены святость царей, повелителей міра, и величіе боговъ, повелителей царей.»

По словамъ нашего автора, Цезарь всегда руководился только общественнымъ интересомъ и слѣдовалъ только своимъ политическимъ убѣжденіямъ.

Такимъ образомъ, по его мнѣнію, если Цезарь спасается бѣгствомъ въ Азію, то не изъ чувства самосохраненія, но потому что онъ былъ возмущенъ проскрипціями Силлы и не хотѣлъ оставаться хладнокровнымъ ихъ зрителемъ; если онъ сближается съ Помпеемъ, стоящимъ на вершинѣ могущества, между тѣмъ, какъ самъ онъ еще не имѣлъ никакого значенія, то онъ дѣйствуетъ не изъ личнаго честолюбія, но потому, что въ глазахъ его только Помпей могъ упрочить судьбы республики. Онъ ему съ своей стороны приноситъ «прямодушное содѣйствіе» и «благородное соперничество.» Когда Цезарь нападаетъ на злоупотребленія, то это съ его стороны «доблесть и мужество», когда же это дѣлаетъ мудрый Катонъ, то онъ выказываетъ только «безразсудное усердіе.» Обви-

нять Цезаря, продолжаетъ его біографъ, въ томъ, что онъ участвовалъ въ заговорѣ Катилины, значитъ «не знать высокаго понятія, которое онъ самъ о себѣ имѣлъ, великаго уваженія, какимъ онъ пользовался, его обращенія къ междоусобной войнѣ.» Мало того: Лудовикъ-Наполеонъ старается снять всякую вину съ Катилины, и оспариваетъ, чтобы послѣдній имѣлъ намѣреніе предать Римъ огню и мечу; онъ смѣется надъ *краснымъ призракомъ* демагогіи, выдуманномъ Цицерономъ и Катонемъ, этими представителями *старыхъ партій* эпохи Цезаря, для того, чтобы способствовать государственному перевороту сената и ловко выставить себя спасителями порядка, собственности, семьи религіи.

По мнѣнію Лудовика Бонапарта Цезарь представлялъ собою будущность и прогрессъ, вносилъ «новыя идеи» въ общество, между тѣмъ, какъ защитники умирающей римской республики, «каковы Катонъ, Цицеронъ, Гортензій, Марцеллъ были рабами предрасудковъ, препятствовали движенію, увлекавшему общество на новый путь, противились прогрессу и, не смотря на всѣ добродѣтели, служили препятствіемъ для правильнаго хода цивилизаціи: они, среди недостатковъ нѣкоторыхъ представителей власти, не умѣли отличить величія дѣла Цезаря; Цицеронъ, вмѣсто того, чтобы понять будущность и ускорить прогрессъ, противился общему порыву и отрицалъ очевидные факты. Всѣ эти люди представляли собою *старую партію*, впрочемъ, авторъ нашъ признаетъ ихъ партіей *честныхъ людей*, изъ чего затѣмъ должно слѣдовать, что противники ихъ: Катилина, Клодій и др., образовали партію *людей нечестныхъ*...

Цезарь, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, достигъ великаго результата: онъ замѣнилъ анархію энергическою

властью, которая господствовала и надъ сенатомъ и надъ комиціями.... нужно было, чтобы Цезарь могъ *руководить выборами* въ виду враждебности *старыхъ партій*. Не есть ли это, вмѣсто исторіи Цезаря, скорѣе примѣненіе политическихъ и правительственныхъ доктринъ второй Французской имперіи къ исторіи диктатуры Юлія Цезаря?

Но это не мѣшаетъ нашему автору жаловаться на нѣкоторыхъ историковъ, обвинявшихъ Цезаря въ томъ, что онъ *принялъ отъ сената лавровый вѣнокъ*. Известно, что Цезарь принялъ отъ угодливаго и коварнаго сената не только классической лавровый вѣнокъ, но и царскія обновки — тронъ, золотую корону, статую рядомъ съ статуями царей, между Тарквиніемъ гордымъ и древнимъ Брутомъ, божескія почести и загробное право быть погребеннымъ въ священной оградѣ *romaeium'a*, гдѣ не воздвигали обыкновенно гробницъ. Впрочемъ, не смотря на всѣ утвержденія нашего автора, что Цезарь никогда не стремился къ верховной власти, никогда не руководился побужденіями личнаго честолюбія, а дѣйствовалъ только для общаго блага народа, историки единогласно свидѣтельствуютъ противное. Когда Цезарь отрѣшился отъ должности трибуновъ, снявшихъ съ его статуи повязки и діадемы, которыми ихъ увѣнчали, онъ ясно доказалъ свое намѣреніе возстановить монархію; когда онъ палъ, пораженный двадцатью тремя ударами кинжала къ подножію статуи Помпея, сенатъ уже собрался, чтобы уполномочить его носить императорскій титулъ.

Легко понять, почему авторъ «Жизни Юлія Цезаря» старается оправдать своего героя и обвинить его историковъ: потому что защищая, возвеличивая Цезаря, На-

полеонъ III оправдываетъ и восхваляетъ самого себя. Дѣйствительно, отнимите у Цезаря все, что въ немъ было добраго и великаго, его талантъ писателя, оратора, воина, государственнаго человѣка; его великія думы, его прозорливость, его великодушіе, его геній, его красоту— и мы найдемъ въ немъ нѣкоторыя сходныя стороны съ Наполеономъ III. Потомокъ Венеры и Анка-Марціа подвергается преслѣдованію Силлы, сынъ королевы Гортензіи— преслѣдованію Лудовика-Филиппа; римскій диктаторъ отправляется учиться военному искуству въ Азію, въ войнѣ съ Митридатомъ, — претендентъ на французскій престолъ удовольствуется отправиться въ Форли, сражаться противъ папской арміи въ продолженіи восьми дней: этого было достаточно для славы его молодости; великій римлянинъ участвуетъ въ заговорахъ Катилины и Пизона, но ловко изъ нихъ выпутывается; швейцарскій выходецъ предпринимаетъ двѣ знаменитыя экспедиціи въ Страсбургъ и Булонь и въ обоихъ случаяхъ попадаетъ въ ловушку...

Но, въ качествѣ правдиваго біографа, намъ необходимо указать еще на большую разницу, существующую между ними: авторъ «Жизни Юлія Цезаря» не одаренъ, подобно своему герою, высокимъ ростомъ, стройной осанкой, черными, полными жизни, глазами, нѣжною, бѣлою рукою; у него нѣтъ правильныхъ чертъ римскаго профиля, граціозной, полной нѣги, походки своего великаго образца. По свидѣтельству современниковъ, когда Юлій Цезарь являлся на форумъ, народъ рукоплескалъ ему, женщины имъ восхищались; а когда Лудовикъ Бонапартъ является передъ народомъ и арміей, въ Страсбургѣ, Булони и въ учредительномъ собраніи, его всегда привѣт-

ствовали ропотомъ и свистками. О немъ нельзя сказать того же, что Светоній говоритъ о Цезарѣ:

«Онъ никогда не имѣлъ духа сдѣлать зло.»

Вообще авторъ «Жизни Юлія Цезаря,» написавъ свою книгу, нисколько не достигъ своей цѣли, книга его никого не обманула и общественное мнѣніе справедливо увидѣло въ ней высокоумѣрную и безцеремонную апологию деспотизма наполеонидовъ.

VIII

ПРИНЦЪ ЛУДОВИКЪ БОНАПАРТЬ

КАКЪ ДЕПУТАТЪ И КАКЪ ПРЕЗИДЕНТЪ РЕСПУБЛИКИ.

Жизнь нашего героя можно раздѣлить на два періода, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другаго ; въ первомъ періодѣ онъ является только какъ конспираторъ и публицистъ, а во второмъ и какъ политическая личность, дѣйствующая на государственномъ поприщѣ. Характеръ и качества ума и сердца, образъ мыслей, стремленія и способъ достиженія ихъ, — все это вполне опредѣлилось въ первомъ періодѣ жизни Лудовика Бонапарта ; впоследствии презрѣныя качества его природы получили лишь болѣе широкое приложеніе и проявились на обширномъ политическомъ поприщѣ, обнимающемъ громадный рядъ событій, перѣдко связывающихся съ всемірной исторіей. Такъ какъ цѣль настоящей брошюры заключается въ томъ, чтобы очертить личный характеръ бывшаго императора Французовъ, не касаясь его государственной дѣятельности въ обширномъ смыслѣ слова, то изъ втораго періода его жизни мы должны избрать только самые характеристическіе и самые рельефные эпизоды.

Коварное перо Лудовика Бонапарта, о зловредныхъ плодахъ котораго мы говорили въ предъидущей главѣ,

сослужило ему службу болѣе чѣмъ его «аустерлицкая шпага;» во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, начиная отъ страсбургской попытки и до Седана, шпага ему измѣняла, а перо, какъ сейчасъ увидимъ, обмануло умы и симпатіи французовъ и открыло ему дорогу во Францію.

Еще передъ февральской революціей комитетъ республиканской партіи газеты *National*, опасаясь сопротивленія арміи провозглашенію республики, что составляло естественное желаніе и стремленіе этой партіи, призналъ полезнымъ противопоставить Лудовику-Филиппу племянника Наполеона и такимъ образомъ лишить царствовавшую династію поддержки арміи. Въ лицѣ принца Лудовика Бонапарта республиканская партія прежде всего видѣла не только представителя фамиліи Наполеона I, но и публициста съ демократическимъ и республиканскимъ образомъ мыслей. Какъ только разразилась февральская революція, партія газеты *National* тотчасъ же послала къ принцу Лудовику, проживавшему тогда въ Лондонѣ, приглашеніе прибыть во Францію. Явившись въ Парижъ, герой нашъ, набившій руку на прокламаціяхъ и посланіяхъ, тотчасъ же адресовалъ къ членамъ временнаго правительства письмо, выражавшее его радость по случаю провозглашенія республики, преданность ей и клятвы служить ей вѣрой и правдой, до послѣдней капли крови. Однако временное правительство пригласило его удалиться, подъ тѣмъ предлогомъ, что законъ объ изгнаніи изъ Франціи членовъ фамиліи Наполеона I еще не уничтоженъ. Съ этихъ поръ личность Лудовика-Наполеона начинаетъ дѣлаться во Франціи популярной, благодаря усердію разныхъ друзей его, которыхъ онъ собралъ въ Парижѣ, во время своего краткаго пребыванія,

и благодаря поддержкѣ республиканской партіи. На улицахъ Парижа чаще и чаще началъ раздаваться крикъ «да здравствуетъ Наполеонъ»; въ городахъ и деревняхъ также пробудилась память о Наполеонѣ I, хотя, надо замѣтить, племянника его народъ покуда зналъ мало. Вообще, онъ преимущественно обязанъ былъ не только первыми успѣхами, но и всей послѣдующей терпимости французовъ, — тѣни своего дяди.

Какъ скоро образовалось, по изгнаніи Лудовика-Филиппа, національное собраніе, принцъ Лудовикъ адресовалъ къ нему изъ Лондона посланіе (24 мая 1848 г.), по поводу того, что въ отдѣленіяхъ собранія предполагено было удержать законъ объ изгнаніи изъ Франціи фамиліи Бонапартовъ. Въ этомъ посланіи онъ напомнилъ о своихъ попыткахъ, страсбургской и будонской, какъ о великихъ заслугахъ передъ Франціей, и громко протестовалъ противъ запретительнаго закона, расточая самыя горячія увѣренія своей преданности республикѣ. На этотъ разъ національное собраніе отмѣнило законъ о Бонапартахъ, въ виду возрастающей популярности принца, который въ это время былъ уже избранъ депутатомъ въ пяти департаментахъ и долженъ былъ отказаться отъ избранія, какъ изгнанникъ. Когда за тѣмъ Лудовикъ-Наполеонъ возвратился во Францію, онъ снова былъ избранъ, кромѣ означенныхъ департаментовъ, еще однимъ, и теперь принялъ выборъ; 26 сентября 1848 г. онъ въ первый разъ вступилъ въ учредительное собраніе.

Съ этихъ поръ его роль во Франціи можно сравнивать съ лисицей, забравшейся въ курятникъ. Посланія, прокламаціи и рѣчи онъ направлялъ во всѣ партіи, такъ что прежде всего сбилъ съ толку общественное мнѣніе. Въ первой произнесенной имъ рѣчи въ собраніи онъ го-

ворилъ: — «Послѣ 33 лѣтъ изгнанія и ссылки, мнѣ снова возвращено мое отечество и всѣ мои гражданскіе права! За это счастье я обязанъ республикѣ и ей приношу мою *присягу* въ признательности и преданности....» Известно, какъ выполнилъ эту присягу бывшій президентъ республики! Чтобы быть послѣдовательнымъ въ измѣнѣ и клятвопреступленіяхъ, ему оставалось измѣнить монархіи, также какъ онъ измѣнилъ республикѣ; но это не было бы выгодно для его личнаго тщеславія и личныхъ интересовъ и потому онъ единственный разъ въ своей жизни остался вѣренъ тому, за что поручился.

Черезъ два мѣсяца по вступленіи въ собраніе, Лудовикъ-Наполеонъ былъ уже кандидатомъ на президента республики, выставленнымъ «партіей порядка», къ которой примыкали всѣ представители буржуазіи, а также роялисты и наполеонисты. Послѣ іюньской рѣзни въ Парижѣ, страна находилась подъ вліяніемъ циническаго страха и потому легко поддалась на удочку *спокойствія и порядка*, которую началъ тогда забрасывать, съ ловкостью опытнаго рыбака, Лудовикъ-Наполеонъ. Въ избирательномъ манифестѣ 27 ноября 1848 года, этотъ поклонникъ новой конституціи и преданный республиканецъ рекомендовался французамъ въ слѣдующихъ фразахъ, которыя теперь любопытно читать именно потому, что онѣ всѣ оказались совершенно противоположны дѣйствительности :

«Я не честолюбецъ, мечтающій или объ имперіи и войнѣ, или о примѣненіи разрушительныхъ теорій. Я воспитанъ въ свободныхъ странахъ, въ школѣ несчастія и всегда пребуду вѣренъ моимъ обязанностямъ.... Если я буду избранъ президентомъ, то не отступлю ни передъ какою опасностью, ни передъ какою жертвою, чтобы

защитить общество, на которое дѣлаются столь дерзкія нападенія; я безъ всякой задней мысли посвящу себя всецѣло утвержденію республики, мудрой своими законами, честной своими намѣреніями, великой и сильной своими дѣлами. Мое честолюбіе будетъ заключаться въ томъ, чтобы по истеченіи 4 лѣтъ *) передать моему преемнику укрѣпленную власть, неприкосновенную свободу и дѣйствительно совершившійся прогрессъ.»

На дѣлѣ же оказалось, что будучи избранъ президентомъ, Лудовикъ-Наполеонъ увернулся отъ необходимости, установленной конституціей, передать президентскую власть преемнику, и вмѣсто укрѣпленія республики и неприкосновенности свободы изнасиловалъ ихъ самымъ наглымъ образомъ.

Приведенный нами манифестъ метилъ на буржуазную республиканскую партію, а потомъ время отъ времени рѣчи и посланія президента обращаемы были и къ монархической партіи, и къ демократіи.

Въ засѣданіи національнаго собранія 20 декабря 1848 г. провѣрены были результаты выборовъ и гражданъ Наполеонъ Бонапартъ, получившій 5,434,226 голосовъ, болѣе всѣхъ другихъ своихъ конкурентовъ: Кавеньяка, Ламартина, Ледрю-Роллена, Распайля и Шангарше, провозглашенъ былъ президентомъ республики и за тѣмъ принесть слѣдующую присягу: «Въ присутствіи Бога и передъ французскимъ народомъ, представляемымъ національнымъ собраніемъ, я клянусь пребыть вѣрнымъ демократической республикѣ, единой и нераздѣльной и исполнять всѣ обязанности, возлагаемыя

---

*) По конституціи 1848 г. президентъ могъ быть избранъ только на 4 года.

на меня конституціей.» Потомъ онъ обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой сказалъ: «Выборъ націи и присяга, которую я сейчасъ принесъ, опредѣляютъ характеръ моей будущей дѣятельности. Моя обязанность указана; я выполню ее какъ слѣдуетъ *честному чело-
вѣку*. Я буду считать *врагами отечества* всѣхъ тѣхъ, кто будетъ покушаться измѣнить незаконными путями то, что установила вся Франція.... Я стремлюсь утвердить общество на его основаніяхъ, укрѣпить демократическія учрежденія и буду изыскивать всевозможныя средства, чтобы устранить бѣдствія этого благороднаго и радушнаго народа и проч.... Я призвалъ къ себѣ людей честныхъ, способныхъ и преданныхъ странѣ (?), чтобы вмѣстѣ съ вами содѣйствовать примѣненію на дѣлѣ конституціи, усовершенствованію законовъ и славѣ республики....»

Теперь посмотримъ на самую дѣйствительность.

Первымъ нарушеніемъ конституціи, первымъ превышеніемъ президентской власти было со стороны Лудовика-Наполеона подавленіе силою оружія республики въ Римѣ и возстановленіе тамъ папы Пія IX. Только за нѣсколько дней передъ этимъ Лудовикъ-Наполеонъ говорилъ, что онъ не будетъ «реакціонеромъ.»

Но такъ какъ республиканская партія въ національномъ собраніи республики, въ 1849 году, была слаба, вслѣдствіе того, что подъ вліяніемъ паники буржуазія и роялисты, а также и народъ, избѣгали выбирать крайнихъ республиканцевъ, — то расправа съ Римомъ и возстановленіе папы получили одобреніе собранія. Почувствовавъ, что въ средѣ такого собранія можно было во всѣхъ реакціонныхъ дѣйствіяхъ опираться на большинство, президентъ *республики* становится въ главѣ ярост-

наго преслѣдованія *республиканцевъ*, ихъ газетъ, собраній и проч. Какъ ни странно было подобное поведеніе президента республики, принесшаго клятву республиканской конституціи, относительно республиканцевъ, но оно совпадало съ политическими тенденціями большинства собранія, образовавшагося изъ реакціонныхъ элементовъ страны. Этотъ періодъ республики можно назвать *травлей республиканцевъ* президентомъ республики. Политическая ненависть реакціонеровъ и клерикальная злоба духовенства ушивались по-горло этими преслѣдованіями.

Въ воздаяніе за это, Лудовикъ-Наполеонъ съ своей стороны началъ обнаруживать претензіи и намеки на то, чтобы «возвысить власть, не трогая истиной свободы... укрѣпить религію.... утвердить республику, угрожаемую со всѣхъ сторонъ анархіей (это вѣрно было не со всѣхъ сторонъ, а только съ одной стороны, — со стороны президента)... воздвигнуть руку, волю, наполеоновское знамя, которое означаетъ внутри: порядокъ, власть, религію (?), благосостояніе народа (!); извнѣ — національное достоинство...»

Всѣ эти намеки появляются чаще и чаще въ рѣчахъ президента республики, производятъ въ странѣ недоумѣніе и удивляютъ, и впускаютъ опасеніе даже въ средѣ собранія, которое, хотя и хотѣло быть реакціоннымъ, но все-таки было далеко отъ мысли подставить свою шею Лудовику-Наполеону въ качествѣ императора. Собраніе опасалось этого болѣе, чѣмъ народъ. Отношеніе партій въ собраніи начинаетъ видимо измѣняться. Республиканская партія снова начала пріобрѣтать вліяніе на дѣла; если крайніе республиканцы-соціалисты утратили свою прежнюю силу, то умѣреншая республикан-

ская и социалистическая партія начала пользоваться сильнымъ вліяніемъ. Демократы рѣшили остаться въ покоѣ и выжидать общихъ выборовъ 1852 года, рассчитывая на свое усиленіе въ собраніи; расчетъ ихъ былъ вѣренъ, потому что сочувствіе къ нимъ въ массѣ народа выражалось весьма ясно и усердная пропаганда ихъ приносила несомнѣнные плоды успѣха. Въ Парижѣ разныя фракціи демократической партіи соединились, и частные выборы какъ въ столицѣ, такъ и во многихъ департаментахъ были въ пользу демократіи.

Все это сильно испугало консервативную и ретроградную партію собранія, которая ужасалась отъ мысли подчиниться враждебной партіи. Не менѣе конечно испугался республиканской прогрессивной партіи и президентъ республики. Опъ видѣлъ, что на выборахъ 1852 года, ему придется разстаться съ властью, и съ этого времени, инстинкты заговорщика всплываютъ на верхъ и вдохновляютъ дѣятельность Лудовика-Наполеона. Всеобщая подача голосовъ, установленная конституціей, конечно, болѣе всего угрожала и ретроградской партіи и главѣ ея — президенту республики; и вотъ они измышляютъ законъ, совершенно измѣняющій конституцію, — законъ, исключавшій изъ выборовъ огромное количество гражданъ, которые не пробыли *трехъ* лѣтъ сряду въ своей общинѣ; конституція же опредѣляла этотъ срокъ въ *шесть* мѣсяцевъ. Конечно, во всякомъ государствѣ не много найдется людей, которые бы *безвыходно* прожили три года въ своей общинѣ, особенно людей молодыхъ, удаляющихся въ ближайшіе наиболѣе населенные центры для обученія наукамъ и ремесламъ. Можно положительно сказать, что вся молодежь Франціи, все подвижное населеніе страны, было исключено изъ избиратель-

ныхъ списковъ. Большинство собранія приняло этотъ законъ, 31 мая, и такимъ образомъ всеобщая подача голосовъ — основа конституціи 1848 г., была украдена у народа, посредствомъ закона, который прямо не отвергалъ ее, а уничтожилъ косвенно, увеличивая до 3-хъ лѣтъ опредѣленный конституціей шестимѣсячный срокъ.

Республиканцы, не смотря на обнаруживавшееся въ странѣ раздраженіе, не прибѣгли однако къ насилію, не оказали никакого матеріальнаго сопротивленія этому парламентскому государственному перевороту; но они объявили, что если этотъ законъ не будетъ отмѣненъ къ выборамъ 1852 г., то они возмутся за оружіе. Реакціонная пресса изъ всѣхъ силъ старалась запугать Францію ожиданіемъ страшной междоусобицы передъ выборами 1852 года.

Президентъ республики во всякую минуту могъ воспрепятствовать закону 31 мая; но онъ не сдѣлалъ этого и воспользовался реакціоннымъ большинствомъ собранія, обязаннымъ ему за охраненіе закопа 31 мая, для того, чтобы обеспечить себя въ денежномъ отношеніи: онъ выпросилъ у собранія три милліона франковъ *безотчетно* на издержки по представительству. Поощренный этимъ успѣхомъ, Лудовикъ-Наполеонъ настаивалъ, чтобы собраніе передало ему власть назначать мэровъ во всѣхъ общинахъ; но по этому вопросу легитимисты присоединились къ республиканцамъ, и законъ не прошелъ. Попытка президента захватить въ свои руки назначеніе мэровъ открыла глаза собранію и убѣдила его, что оно можетъ ожидать повторенія 18 брюмера. Съ этого времени между президентомъ и собраніемъ является недовѣріе, и та фракція реакціонной партіи, которая ни въ какомъ слу-

чаѣ не хотѣла имперіи, угрожала ему въ соединеніи съ республиканскою партіей грозной оппозиціей. Общественное мнѣніе страны также было испугано слухами объ ожидаемомъ государственномъ переворотѣ. Но Лудовикъ-Наполеонъ, планы котораго въ то время еще не достигли надлежащей зрѣлости, поспѣшилъ успокоить общественное мнѣніе рѣчью произнесенною въ Ліонѣ. Французы и Европа вообще долго не могли привыкнуть къ рѣчамъ Наполеона; люди всегда болѣе или менѣе довѣрчивы и въ силу своихъ добрыхъ инстинктовъ способны всегда признавать хотя нѣкоторую долю правды въ рѣчахъ людей, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ и властью. Лудовикъ-Наполеонъ, зная слабости людей, никогда не стѣснялся въ размѣрѣ лжи; онъ лгалъ всегда такъ, что въ его словахъ не было даже и тѣни правды. «Можетъ быть, и до васъ, господа, говорилъ онъ ліонской буржуазіи, дошли слухи о государственномъ переворотѣ, но вы, конечно, не повѣрили имъ и я благодарю васъ за то. Неожиданность и узурпація могутъ быть мечтою партій, не имѣющихъ опоры въ націи; но избранникъ 6 милліоновъ исполняетъ волю народа и не измѣнитъ ей... Но если съ *другой стороны* обнаружатся притязанія и будутъ угрожать спокойствію Франціи, то я съумѣю довести ихъ до безсилія, обратясь еще разъ къ верховной власти народа, ибо я не за кѣмъ не признаю права пазывать себя представителемъ народа болѣе чѣмъ я.»

Чего же было надо: вполне разувѣрилъ относительно государственнаго переворота, а потомъ въ послѣднихъ словахъ рѣчи пригрозилъ, чтобы не мѣшали его пріятіямъ, если хотятъ быть цѣлы.

Подобныя же рѣчи произнесены были странствующимъ

щимъ президентомъ и въ другихъ мѣстахъ Франціи, при чемъ онъ напоминалъ французамъ о своемъ дядѣ и увѣрялъ ихъ, что онъ спасъ Францію отъ анархіи, потому что имѣлъ въ рукахъ сильную власть и что слѣдовательно страна вправѣ ожидать и отъ племянника цѣлую порцию добра, если снабдитъ его большей властью.

Составившееся во Франціи, «общество бонапартистовъ», извѣстное подъ именемъ общества 10 декабря, начало уже выходить изъ своей безвѣстности и чтобы слѣлаться популярнымъ, производило драки и скандалы во имя патріотизма и повсюду во все горло кричало «да здравствуетъ Наполеонъ».

Главнoкомандующимъ парижской арміей былъ генералъ Шангарнье, который былъ вѣрнымъ стражемъ національнаго собранія и въ полномъ смыслѣ слова конституціоннымъ генераломъ. Начали говорить, что общество 10 декабря устраиваетъ противъ Шангарнье и еще противъ президента собранія Дюпена заговоръ съ цѣлью убить ихъ обоихъ. Назначено было слѣдствіе, которое ничего не открыло; но общество бонапартистовъ, благодаря молвѣ, выдвинулось еще болѣе и представляло себя оклеветаннымъ.

Лудовикъ-Наполеонъ продолжалъ играть съ общественнымъ мнѣніемъ своими рѣчами, а втайнѣ съ постепенностью подготовлялъ свой дерзкій заговоръ противъ республики. Прежде всего, конечно, нужно было имѣть преданныхъ генераловъ, командующихъ крупными единицами войска; а Шангарнье былъ генераломъ преданнымъ собранію; также и многіе другіе генералы оставались вѣрными республикѣ и ея правительству. Наполеонъ постепенно всѣхъ ихъ уволилъ и наконецъ смѣнилъ генерала Шангарнье. По поводу увольненія его въ собраніи

поднялись бурныя пренія, среди которыхъ Тьеръ сказалъ: «имперія уже готова.»

Главной заботой Лудовика-Наполеона было сыскать себѣ военнаго министра, который былъ бы и преданнымъ ему, и извѣстенъ своими дарованіями, заслугами и авторитетомъ въ арміи. Среди его сообщниковъ не оказывалось ни одного такого человѣка, и Наполеонъ не задумался создать его искусственнымъ образомъ и вообще приобрѣсти нѣсколькихъ генераловъ въ своемъ вкусѣ, какихъ онъ не имѣлъ на-готовѣ въ арміи. Онъ изобрѣлъ съ этой цѣлью экспедицію въ Кабылію, которая и была поручена генералу Сентъ-Арно, не отличавшемуся ни однимъ изъ качествъ, требуемыхъ положеніемъ военнаго министра. Нѣсколько тысячъ арабовъ-кабилловъ и французовъ обречены были на смерть единственно для того, чтобы прославить на всю Францію военные подвиги Сентъ-Арно и вообще «сдѣлать» достаточное число новыхъ генераловъ. Когда все это, т. е. прославленный военный министръ и генералы, были готовы, (исполненіе чего было возложено на маіора Флери, закончившаго свою карьеру, какъ извѣстно, представителемъ французской имперіи въ Петербургѣ), Наполеонъ повелѣлъ дѣлать смѣлѣе. Въ провинціяхъ по случаю приближающагося срока президентству Лудовика-Наполеона, возникла бонапартистская агитація въ пользу продленія власти президента, съ тѣмъ, чтобы была измѣнена и конституція, противъ чего, естественно, сопротивлялась республиканская партія, такъ какъ при дѣйствіи закона 31 мая всякое измѣненіе конституціи въ реакціонномъ смыслѣ могло быть легко достигнуто. И Наполеонъ началъ уже открыто жаловаться на собраніе: «Если мое правительство, говорилъ онъ въ Дижонѣ, не могло многого улучшить,

чего оно желало, то причиною этого были происки партій... Въ теченіи трехъ лѣтъ національное собраніе постоянно содѣйствовало мнѣ лишь въ мѣрахъ строгости; но когда я хотѣлъ дѣлать добро, улучшать участь народа, оно не давало мнѣ этого содѣйствія... Если Франція признаетъ, что не имѣютъ права распорядиться ею безъ нея самой, то пусть только скажетъ это, — мое мужество и моя энергія не измѣнятъ ей.» Рѣчь эту Лудовикъ-Наполеонъ закончилъ слѣдующими пророческими словами: «И вѣрьте, господа, Франція не погибнетъ въ моихъ рукахъ!»

Пересмотръ конституціи, котораго добивался президентъ, отвергнутъ былъ собраніемъ. Это было въ іюлѣ 1851 г. Республиканская партія и въ собраніи и въ странѣ значительно усиливалась и ожидаемые выборы 1852 г., обѣщали торжество республикѣ. А между тѣмъ страхъ и опасенія государственнаго переворота въ свою очередь росли во Франціи, также какъ и ретроградная партія трепетала передъ ожидаемымъ успѣхомъ республики.

Первымъ подготовительнымъ дѣйствіемъ къ 2 декабря 1852 г. была перемѣна министерства, которое было образовано исключительно изъ людей, преданныхъ Лудовику Бонапарту, назначеніе генерала Сентъ-Арно военнымъ министромъ и бывшаго префекта департамента Верхней Гаронны Мопа префектомъ полиціи. И для того, чтобы привести въ исполненіе заговоръ, оставалось найти предлогъ, видимую причину, которая бы оправдывала *необходимость* этого преступленія, если только слово *необходимость* можетъ въ какомъ бы то ни было случаѣ быть прилагаемо къ преступленію. Этотъ

предлогъ нашелся въ дѣятельности національнаго собранія, съ открытіемъ его сессіи въ ноябрѣ 1851 г.

Правая сторона, состоявшая изъ реакціонныхъ элементовъ, опасаясь государственнаго переворота, приняла охранить себя военной силой, для чего и было внесено квесторами собранія предложеніе, чтобы въ приказы по арміи введена была, какъ законъ, статья декрета 11 мая 1848 г., предоставляющая право президенту національнаго собранія, для охраненія безопасности, требовать вооруженную силу, прямо отъ офицеровъ и командировъ, которые обязаны повиноваться этому требованію, подъ страхомъ наказанія. Президентъ республики въ свою очередь въ адресованномъ къ національному собранію посланіи предлагалъ отмѣнить законъ 31 мая и возстановить всеобщую подачу голосовъ. На этихъ двухъ вопросахъ правая и лѣвая (республиканская) стороны собранія никакимъ образомъ не могли сойтись. Относительно отмѣны стѣснительнаго закона 31 мая лѣвая сторона стояла на сторонѣ этого предложенія, а относительно военной силы она опасалась, чтобы правая стороны не употребила ее для своихъ реакціонныхъ цѣлей. Правая сторона въ предложеніи президента отмѣнить законъ 31 мая, который былъ созданъ прежде при его содѣйствіи, видѣла заговоръ его вмѣстѣ съ крайне республиканскою партіей противъ правой стороны, а въ предложеніи квесторовъ о военной силѣ находила необходимое средство защищать свое существованіе противъ государственнаго переворота, въ которомъ болѣе уже не сомнѣвалась. Президентъ и наполеоновская партія объясняли съ своей стороны предложеніе квесторовъ недоуриемъ къ исполнительной власти.

Предложеніе объ отмѣнѣ закона 31 мая было отверг-

нута большинствомъ 6 голосовъ; что же касается предложенія квесторовъ, то министры внутреннихъ дѣлъ и военный заявили собранію 10 ноября, что декретъ 11 мая (о военной силѣ) дѣйствуетъ и находится передъ глазами войскъ; что права президента собранія требовать эту силу не оспоримы и что за тѣмъ нѣтъ надобности вотировать предложенія квесторовъ. Заявленіе это было записано въ протоколъ, но на другой день оба министры адресовали собранію письмо, въ которомъ прямо отрекались отъ сдѣланнаго наканунѣ заявленія, утверждая, что они не говорили ничего подобнаго. Послѣ споровъ объ этомъ фактѣ, въ которыхъ собраніе и министры держались каждая сторона своего увѣренія, нужно было вотировать предложеніе; лѣвая сторона, въ виду того, что министры начали настойчиво отвергать права президента собранія требовать непосредственно военную силу для охраненія безопасности собранія, и настаивали, что это было бы вмѣшательствомъ въ права президента республики, хотя и склонилась нѣсколько въ пользу предложенія квесторовъ, но при вотированіи предложеніе это было отвергнуто 108 голосами.

Наполеонъ ожидалъ совершенно противнаго; ему хотѣлось, чтобы предложеніе квесторовъ было принято; тогда онъ имѣлъ бы поводъ прямо обвинять собраніе въ заговорѣ противъ него и привести въ исполненіе въ ноябрѣ же свой замыселъ государственнаго переворота; теперь же ему осталось только выставить тотъ фактъ, что національное собраніе, не принявъ предложенія объ отмѣнѣ закона 31 мая, уничтожило такимъ образомъ въ принципѣ всеобщую подачу голосовъ и что за тѣмъ онъ, клявшійся въ вѣрности конституціи, долженъ защищать главную основу этой конституціи и право народа. Отно-

сительно же предложенія квесторовъ, отвергнутаго собраніемъ, бонапартистическая партія объявляла, что оно имѣло цѣлью — какъ скоро *было бы* принято, арестовать президента республики и его министровъ и насильственно лишить ихъ власти. Однимъ словомъ, Лудовикъ-Наполеонъ и его партія свой замыселъ, давно задуманный и постепенно подготовленный, — замыселъ государственнаго переворота, сваливали на національное собраніе, которому не было никакой надобности лишать власти президента, который, въ силу конституціи, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, за истеченіемъ четырехлѣтняго срока, долженъ былъ оставить свой постъ.

Но если не было лучшихъ поводовъ, чтобы совершить преступленіе 2 декабря, то виновникъ его призналъ достаточными и тѣ, которые онъ изобрѣлъ, и поспѣшилъ привести свой замыселъ въ исполненіе, чтобы удержать въ своихъ рукахъ власть, съ которой, иначе, приходилось скоро разстаться.

IX

ПЕРЕВОРОТЪ 2 ДЕКАБРЯ И ИМПЕРІЯ.

Довѣренными друзьями Наполеона и исполнителями его заговора противъ конституціи, національнаго собранія и противъ страны были: Морни, Персильи—урожденный Фіаленъ, маіоръ Флери — адъютантъ президента, Сентъ-Арно — военный министръ, Мопа — префектъ полиціи, Маньянъ, продавшій себя Лудовику-Наполеону, Мокаръ — его секретарь, и Вейра — начальникъ штаба національной гвардіи.

Имѣя въ рукахъ центральную власть и военную силу, Лудовикъ Бонапартъ не нуждался въ какомъ либо сложномъ и хитромъ планѣ: достаточно было арестовать членовъ собранія, занять зданіе, обнародовать декреты и распоряженія, низвергающіе существующее правительство, и задержать независимыя газеты; все это сдѣлать было не трудно, особенно если напасть по корсикански—ночью, на спящихъ, что и было дѣйствительно сдѣлано.

День 2 декабря избранъ былъ потому, что это была годовщина аустерлицкой битвы. Вечеромъ 1 декабря у президента былъ обыкновенный пріемъ и никто не до-

гадывался о близкой катастрофѣ. Вейра озаботился, чтобы національная гвардія была заперта въ казармахъ и чтобы всѣ барабаны были испорчены. Рукописи декретовъ и прокламацій отнесены были въ національную типографію, которая была окружена ротой жандармовъ и изъ которой не смѣлъ никто выйти подь опасеніемъ быть убитымъ; документы эти, напечатанные въ огромномъ числѣ экземпляровъ, въ 5 часовъ утра доставлены были въ префектуру. Самъ глава заговора всю ночь писалъ письма къ своимъ министрамъ объ увольненіи ихъ отъ должностей и, говорятъ, обнаружилъ обыкновенную свою трусость, когда настала минута дѣйствовать; но маіоръ Флери пригрозилъ будто бы ему пистолетомъ, если онъ отступитъ назадъ. Такой краспорѣчивый аргументъ, особенно если Лудовикъ-Наполеонъ не сомнѣвался въ крайней рѣшительности характера своего адъютанта, былъ достаточенъ для того, чтобы въ дѣло пущены были всѣ жестокости, въ которыхъ вовсе не предстояло никакой нужды.

Въ 6 часовъ утра декреты и прокламаціи узурпатора были уже приклеены полицейскими разнощиками по всѣмъ улицамъ Парижа, и начались аресты депутатовъ и вліятельныхъ гражданъ, не смотря на то, что по конституціи первые неприкосновенны; сорокъ полицейскихъ комиссаровъ получили отъ префекта полиціи приказы объ арестованіи депутатовъ, мотивированные тѣмъ, что они обвиняются въ «заговорѣ противъ безопасности государства и въ незаконномъ держаніи оружія.» Прежде всѣхъ были арестованы генералы Бедо — вице-президентъ собранія, Кавеньякъ, Шангарнье, Ламорисьеръ и Лефло, полковникъ Шаррасъ и вліятельный представи-

тель трибуны—Тьеръ. Нечего и говорить, что многіе республиканскіе депутаты также подвергнуты были аресту.

Хитростью проникли во дворецъ національнаго собранія, и войска, начальники которыхъ участвовали въ заговорѣ, заняли выходы дворца. Депутаты и квесторы собранія, жившіе во дворцѣ, были арестованы полицейскими комиссарами въ ихъ спальняхъ. Депутатъ Базъ отчаянно сопротивлялся, но долженъ былъ уступить наглomu насилію; при чемъ схвачена была комиссарамъ и полуодѣтая m-me Базъ, побѣжавшая было къ окну, чтобы требовать помощи. Генералъ Лефло былъ арестованъ подобнымъ же образомъ. Шангарнье, Бедо и Шаррасъ хотѣли сопротивляться оружіемъ, но ограничились только угрозами и словопреніями, въ виду превосходящей силы. Во время пути въ Мазасъ генералъ Бедо обращался было изъ окна кареты къ гражданамъ и просилъ помощи, но полицейскіе солдаты разогнали оружіемъ собравшуюся толпу. Когда Ламорисьеръ пытался было вызвать о помощи, комиссаръ вынулъ изъ кармана намордникъ и пригрозилъ надѣть его на генерала. Кромѣ насилія, при арестахъ были въ ходу подкупы прислуги.

Персиньи, или Фіаленъ, наблюдавшій за исполненіемъ заговора, побѣжалъ въ Тюильри, чтобы извѣстить обо всемъ своего патрона.

Войска заняли національное собраніе и окружили, для охраненія, Елисейскій дворецъ; около 7 часовъ утра узурпаторъ имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи до 25,000 пѣхоты и 6 тысячъ артиллеріи. Въ этотъ часъ все уже было кончено; новые министры вступили въ свои должности и Парижъ, а потомъ и вся Франція прочитали декретъ, которымъ національное собраніе и государственнѣйшій совѣтъ объявлялись распущенными, всеобщая

подача голосовъ возстановленной; Французскій народъ созывался въ комиціи отъ 14 до 21 декабря; первый военный округъ объявлялся на военномъ положеніи.

Въ прокламаціи къ гражданамъ, собраніе, (т. е. арестованные его члены) обвинялись въ заговорѣ противъ власти президента и въ стремленіи произвести гражданскую войну; народъ призывался быть судьей между собраніемъ и президентомъ республики. Убѣждая націю дать ему продолжительную власть и обѣщая ей за то всѣ земныя блага, Лудовикъ-Наполеонъ предложилъ вотировать слѣдующія главные основанія конституціи: отвѣтственный глава назначается на 10 лѣтъ; министры зависятъ только отъ исполнительной власти; государственный совѣтъ приготавливаетъ проекты законовъ и поддерживаетъ ихъ въ законодательномъ корпусѣ; законодательный корпусъ, избираемый всеобщей подачей голосовъ, вотируетъ и обсуждаетъ безъ открытой подачи голосовъ; другое собраніе, составленное изъ знаменитостей страны должно представлять власть уравновѣшивающую, охранителя общественнаго договора и общественныхъ правъ и вольностей. За тѣмъ слѣдовали увѣренія въ томъ, что не только Франція, но и Европа будетъ благоденствовать, если народъ приметъ предлагаемую систему. Прокламаціи къ войску и къ жителямъ Парижа имѣли тотъ же обольщающій и лживый характеръ, съ которымъ читатель успѣлъ уже достаточно ознакомиться изъ приведенныхъ выше образчиковъ. Главная черта всѣхъ этихъ прокламацій была та, что президентъ хочетъ спасти и поддержать *республику*, которой угрожало собраніе, и для этого обратился къ верховной власти народа.

Первое впечатлѣніе, произведенное прокламаціями и декретами Наполеона было таково, что большинство,

т. е. рабочій классъ и вообще массы, увидѣли въ переворотѣ возстановленіе всеобщей подачи голосовъ, паденіе роялистскаго большинства, утвержденіе республики; они увидѣли именно то, что указано было въ прокламаціяхъ Наполеона, но нарушенія конституціи и грядущаго деспотизма въ видѣ имперіи народъ не видалъ. Іюньская рѣзня внушила народу глубокую ненависть къ буржуазіи и потому онъ даже не безъ удовольствія смотрѣлъ на то, что національное собраніе было разогнано и корифеи буржуазіи подвергнуты аресту.

Чтобы это впечатлѣніе, благопріятное для узурпатора, не было уничтожено республиканскими газетами, онѣ всѣ были закрыты.

Трагическія столкновенія заговорщиковъ съ защитниками конституціи были слѣдующія: Утромъ 2-го декабря собралось было нѣсколько депутатовъ въ залѣ національнаго собранія, куда они проникли чрезъ одну калитку, оставшуюся безъ караула, который былъ приставленъ заговорщиками ко всѣмъ входамъ; но вскорѣ по приказанію Морни дворецъ національнаго собранія былъ очищенъ отрядомъ солдатъ. Президентъ собранія Дюпенъ обнаружилъ при этомъ столь слабый протестъ, что солдаты приняли его лишь за проформу, хотя впрочемъ и болѣе сильный протестъ не имѣлъ бы послѣдствій, потому что приходилось имѣть дѣло съ вооруженной силой. Потомъ депутаты, оставшіеся не арестованными, собрались у Одиллона Барро и подписали протестъ, которымъ объявляли Наполеона Бонапарта лишеннымъ должности президента, созывали верховный судъ и генеральные совѣты и воспрещали всѣмъ хранителямъ казенныхъ суммъ выдавать деньги безъ приказанія законной власти, подъ страхомъ отвѣтственности.

Депутаты изгнанные изъ дворца собрались отправиться въ мерію X округа; къ нимъ присоединились еще многіе, пришедшіе по одиначкѣ, такъ что къ 11 часамъ собралось около 300 членовъ — большею частію правой стороны. Собралось также нѣсколько публики и національныхъ гвардейцевъ. Составившееся такимъ образомъ засѣданіе было весьма бурно; были приготовлены декреты о низложеніи президента, объ отдачѣ его подѣ судѣ, о назначеніи главнокомандующаго арміею и т. п.; даже успѣли эти декреты отдать въ типографію для напечатанія; но все это окончилось тѣмъ, что полицейскіе сержанты и военные отряды, не смотря на сопротивленіе депутатовъ, силою захватили ихъ и препроводили въ тюрьму. Республиканскія газеты пытались бы появиться въ свѣтъ послѣ того, какъ типографіи ихъ были заняты полиціею, но эти попытки ограничились выпускомъ лишь нѣсколькихъ сотенъ экземпляровъ прокламацій.

Между тѣмъ собрался верховный судѣ, провозгласивъ себя открытымъ, на основаніи конституціи, для сужденія фактовъ, свидѣтельствующихъ о нарушеніи конституціи президентомъ республики. Но во время засѣданія 2-го декабря отрядъ войска потребовалъ, чтобы судѣ разошелся; солдаты со штыками на ружьяхъ вошли въ комнату засѣданія, угрожая судьямъ арестомъ. Судьи повиновались, уступая этому насилію. Слабое сопротивленіе судебныхъ чиновниковъ было впослѣдствіи оцѣнено Наполеономъ, который оставилъ ихъ на своихъ мѣстахъ, а они принесли ему присягу въ вѣрности.

Народонаселеніе Парижа въ день 2-го декабря встрѣтило холодно Наполеона, когда онъ проѣхалъ нѣсколько улицъ верхомъ, окруженный блистательною свитой. Изъ

толпы часто слышался возгласъ: да здравствуетъ республика.

Члены лѣвой стороны закрытаго національнаго собранія, въ противоположность правой сторонѣ, которая, какъ мы видѣли, предприняла легальный способъ сопротивленія, были убѣждены, что для спасенія республики остается только обратиться къ народу, призвавъ его къ оружію. Въ главѣ лѣвой стороны находился Викторъ-Гюго. Они обнародовали прокламацію, въ которой раскрыли передъ народомъ дѣйствительный смыслъ совершившагося событія. За тѣмъ рѣшено было, что на другой день республиканскіе депутаты отправятся въ наиболѣе многлюдныя части города и начнутъ строить баррикады. Къ вечеру 2-го декабря движеніе и раздраженіе въ массахъ народа возрасло; въ латинскомъ кварталѣ и на бульварахъ были большія толпы народа. Но въ сумеркахъ городъ былъ очищенъ войскомъ почти безъ сопротивленія. На другой день, т. е. 3-го декабря, составлено было Наполеономъ новое министерство, въ составъ котораго входили личности, сдѣлавшіяся потомъ столь извѣстными: Морни, главный исполнитель переворота, являлся теперь министромъ внутреннихъ дѣлъ, Руэръ — министромъ юстиціи и т. п. Кромѣ того, образована была «Совѣщательная Коммисія», въ составъ которой входили нѣкоторые изъ членовъ консервативной партіи національнаго собранія.

Коммисія эта окончательно была составлена только къ 15-му декабря.

Система защиты, придуманная г. Морни противъ готовившейся инсуррекціи, какъ видно изъ даннаго имъ наставленія префекту полиціи, состояла въ томъ, чтобы

«покорять голодомъ и наводить ужась.» Въ этомъ наказѣ видѣнъ министръ Лудовика Бонапарта.

Волненіе началось въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ постройкой баррикады, на которой палъ геройской смертью одинъ изъ народныхъ представителей докторъ Бодень. Слухъ о его смерти быстро распространился по городу и усилилъ волненіе въ массахъ; на баррикадахъ было много и другихъ народныхъ представителей и разныхъ знаменитостей страны — политическихъ, литературныхъ и т. п. Въ отвѣтъ на прокламаціи защитниковъ конституціи клеветы Наполеона выпускали свои прокламаціи, исполненныя всевозможныхъ угрозъ. Военный министръ Сентъ-Арно распорядился, чтобы гражданъ, строящихъ и защищающихъ баррикады, или взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, — разстрѣливать безъ суда. Приказъ этотъ приводился въ исполненіе съ усердіемъ и быстротою достойными лучшаго дѣла. Число жертвъ, конечно, покрыто мракомъ неизвѣстности. Судя потому, что волненіе разросталось въ теченіи 3—4 дней и даже угрожало серьезнымъ сопротивленіемъ, можно думать, что число разстрѣлянныхъ гражданъ достигаетъ десятковъ тысячъ обоого пола.

Наполеонъ III вступилъ на свой шаткій престолъ чрезъ груды труповъ своего народа, такъ же какъ и паденіе его совершилось при громѣ нѣмецкихъ пушекъ, проливавшихъ французскую кровь.

Чтобы поощрить во время декабрьскаго переворота солдатъ къ истребленію «демагоговъ» Лудовикъ-Наполеонъ отдалъ имъ всю свою казну, состоявшую изъ 50 тыс. фр.

Если французскіе солдаты не оказали въ войнѣ съ нѣмцами достаточной храбрости; если офицеры и гене-

ралы не выказали своихъ военныхъ познаній и дарованій, то въ своей гражданской войнѣ, съ безоружными гражданами они были настоящими героями. Гранаты и ядра неутомимо разрушали баррикады, выстроенныя изъ всякаго хлама и опрокинутыхъ экипажей, и нещадно истребляли ихъ защитниковъ; на нѣкоторыхъ баррикадахъ избіеніе было поголовное; стрѣляли вообще и въ праваго и въ виноватаго. Парижъ плавалъ въ своей собственной крови, и въ концѣ концовъ побѣда осталась за узурпаторомъ. Это было вечеромъ 4-го декабря. Убіенство восторжествовало!

Затѣмъ великодушный побѣдитель принялся за мирную расправу — путемъ тюрьмы и ссылки въ Кайѣну и высылки за границу безъ суда. Въ теченіи нѣсколькихъ дней всѣ тюрьмы и отдѣльные форты внѣшнихъ укрѣпленій были наполнены арестованными *республиканцами*, это была ихъ единственная вина *противъ* президента *республики*.

Многіе департаменты объявлены были на военномъ положеніи, пресса и общественныя заведенія подчинены строжайшему надзору и стѣсненію, духовенство осыпано милостями. Всеобщая подача голосовъ дала результатъ, желаемый узурпаторомъ. Какими способами достигнуть былъ этотъ результатъ, — это всѣмъ извѣстно: подкупы, угрозы, обольщенія, обѣщанія и вліяніе духовенства были главнѣйшими вспомогательными средствами Лудовика Бонапарта. Въ своей рѣчи по поводу этой баллотировки, Лудовикъ-Наполеонъ сказалъ, что онъ «отступилъ отъ законности, для того, чтобы возвратиться къ праву.» На это ему отвѣтили его клеветы: да здравствуетъ Наполеонъ, да здравствуетъ президентъ! Духовенство начало призывать своими молитвами божію милость на главу

президента и пропѣло по всей Франціи: *Domine, salvum fac Ludovicum-Napoleonem!*...

Республиканскія учрежденія были постепенно перестроены на монархическія и наконецъ въ декабрѣ слѣдующаго года принцъ-президентъ принялъ изъ рукъ своего раболѣпнаго сената титулъ: «Наполеонъ III Божіею милостію и волею народа, императоръ Французовъ.»

Лавочники парижскіе выстроили триумфальную арку съ надписью: «Наполеону III, спасителю новой цивилизаціи.»

Для поддержанія воздвигнутаго такимъ образомъ трона, строители его — гг. Морни, Фіалень — Персиньи, Флери, Сентъ-Арно, урожденный де-Руа, и т. д. создали особую, приспособленную прямо для этой цѣли иностранную политику, которая состояла въ совершенной противоположности извѣстному изрѣченію: «Имперія — это миръ!»

Первымъ актомъ этой международной драмы была крымская война, укрѣпившая на долго вновь воздвигнутый тронъ. Вводнымъ лицомъ въ этой драмѣ былъ также и бывшій первый министръ Англіи лордъ Пальмерстонъ. Но возвратимся къ нашему герою.

Для укрѣпленія династическаго, Наполеону III было необходимо вступить въ бракъ; сначала онъ простиралъ свои виды на одну изъ внучекъ герцогини Стефаніи Баденской, состоявшихъ въ родствѣ — одна съ австрійскимъ домомъ, а другая съ Гогенцоллернами; но попытка эта окончилась благовиднымъ отказомъ и онъ избралъ себѣ невѣстой дѣвицу Монтихо, графиню Теба.

Въ обнародованныхъ недавно парижскимъ правительствомъ секретныхъ бумагахъ заключаются слѣдующія свѣдѣнія о графинѣ Теба, матери эксъ-императрицы Ев-

генія: «Улица Сент-Антуанъ, № 10, въ третьемъ этажѣ. Съ 1-го апрѣля 1848 года проживаетъ донна Монтихо, называемая графиней Теба, съ дочерью Евгеніей. Донна Монтихо — вдова испанскаго эмигранта донъ-Монтихо, графа Теба. Графскій титулъ не признанъ. Донна Монтихо, разведенная съ мужемъ, переселилась вмѣстѣ съ дочерью во Францію, потомъ отправилась въ Англію, опять возвратилась во Францію, откуда уѣхала въ Испанію и, наконецъ, вернулась въ Парижъ. Въ 1825 году жила по Шосё-д'Антенъ, № 8. У ней собирались дамы легкаго поведенія и кутилы преклонныхъ лѣтъ; объэтомъ было донесено полиціи. Въ 1828 году она удалилась въ Англію изъ-за долговъ, а дочь свою оставила въ пансіонѣ. До 1836 года нѣтъ никакихъ замѣчаній. Въ ноябрѣ 1838 года она возвратилась въ Парижъ; за ней наблюдали шесть недѣль. Потомъ три года безъ отмѣтокъ. Въ маѣ 1842 года кассиръ Анри въ ея квартирѣ произвелъ покушеніе на самоубійство. Подозрѣніе въ запрещенной игрѣ. Дочь ея Евгенія подала поводъ къ дуэли полковника Сурвиллѣ съ капитаномъ Флозу. Полицейскій коммисаръ Носё сообщаетъ: «Донна Монтихо не имѣетъ доходовъ, источникъ которыхъ былъ бы извѣстенъ, водится съ немолодыми отставными офицерами съ хорошимъ состояніемъ и распущенными нравами; квартира отдѣлана комфортабельно; платитъ 1,800 франковъ за наемъ. Дочь Евгенія — красавица-блондинка съ изящными манерами, имѣетъ многихъ поклонниковъ.»

Сдѣлавшись императоромъ, Наполеонъ III озаботился тотчасъ же организовать блестящій дворъ, и обрядъ его бракосочетанія совершенъ былъ также самымъ блестящимъ образомъ. Ожерелье, заказанное городомъ Парижемъ, но купленное Наполеономъ III на казенныя день-

ги, вслѣдствіе того, что будущая императрица пожелала, чтобы вотированныя Парижемъ на ожерелье деньги были употреблены на благотворительныя дѣла, стоило 600.000 фр.; поясъ невшты, стягивавшій дорогое кружевное платье, украшенъ былъ алмазами и сапфирами, оставшимися отъ первой имперіи; шлейфъ императрицы носила принцесса Матильда, разведенная жена Анатолія Демидова, богатаго русскаго заводчика; самъ Наполеонъ имѣлъ на себѣ цѣпь Почетнаго Легіона Наполеона I и цѣпь Золотаго Руна Карла V, которыми онъ самъ себя пожаловалъ, какъ преемникъ и того и другаго. Придворные и государственные чины, депутаціи, ассоціаціи и вся обычная при подобныхъ торжествахъ обстановка, довершали блескъ торжества; изъ провинцій пріѣхало въ Парижъ до 200.000 зѣвакъ разныхъ слоевъ общества. Но привѣтственные крики народа были не особенно громки, если принять въ расчетъ всѣхъ тѣхъ, которые кричали по найму, или, такъ сказать, по службѣ. Продажная журналистика и придворные поэты, литераторы и фізіономисты долго расточали новобрачнымъ лстивыя похвалы, которыхъ было бы достаточно для всѣхъ королевскихъ свадьбъ, бывшихъ во Франціи. Императрица Евгенія была провозглашена одной изъ красивѣйшихъ головъ Европы; а по уму, характеру и дарованіямъ поставлена выше всѣхъ женщинъ, когда либо существовавшихъ. Замѣтимъ здѣсь, что все имѣетъ свои границы, но леть ихъ не имѣетъ...

Придворный этикетъ и моды сдѣлались первымъ предметомъ новой императрицы, заботившейся о внѣшнемъ блескѣ своего двора еще болѣе, чѣмъ ея достопамятный супругъ. Прежде всего она потребовала, чтобы изгнаны были черные фраки и введены короткіе панталоны съ

высокими чулками. Около половины Тюйлъри занято было подъ модныя мастерскія императрицы, ея гардеробы и разные снаряды, какъ напр. манкенъ, для примѣриванія платьевъ, опускавшійся механически изъ верхняго этажа. Но не смотря ни на что, французскій дворъ, какъ извѣстно, имѣлъ характеръ мѣщанско-солдатскій; отъ всего отдавало прилавкомъ и казармой; лучшимъ цвѣтомъ двора были чиновники императора. Затѣмъ императрица озаботилась установить наилучшія отношенія съ духовенствомъ всѣхъ цвѣтовъ, не исключая, конечно, и іезуитовъ. Ордена почетнаго легіона, которые, по статуту, давались за особенныя заслуги странѣ, посыпались во всѣ стороны: и на лавочниковъ, и на шпионовъ, и на придворно-литературныхъ льстецовъ, и усугубляли блескъ новаго двора. Чтобы дать понятіе о роскоши, которую старались всѣми силами распространить и усилить въ Парижѣ, достаточно упомянуть, что на устройство бала, даннаго императрицѣ законодательнымъ корпусомъ, истрачено по 460 фр. на человѣка!

Во время переговоровъ о заключеніи парижскаго трактата, именно 15-го марта 1856 г., Морни, въ качествѣ предсѣдателя законодательнаго корпуса, объявилъ своимъ сочленамъ, что у императрицы начались родовыя боли. Собраніе прекратило засѣданіе; ходившіе между депутатами слухи возбуждали опасеніе трудныхъ родовъ. Во время сильныхъ болей императрица сжимала въ своихъ рукахъ какой-то талисманъ, подаренный ей императоромъ, точно также какъ и онъ во время Седанскаго погрома носилъ на шпагѣ подобный же талисманъ, подаренный ему императрицей. Но его подарокъ былъ дѣйствительнѣе, хотя впрочемъ благополучному исходу родовъ не мало способствовали и акушерскіе щипцы. Чле-

ны законодательнаго корпуса собрались было ожидать родовъ, но телеграфъ извѣстилъ ихъ, что состояніе императрицы не предвѣщаетъ близкихъ родовъ, и только на другой день утромъ Морни объявилъ, что въ 3 часа ночи императрица разрѣшилась принцемъ, нареченнымъ при крещеніи Иваномъ-Іосифомъ-Наполеономъ. Папа Пій IX прислалъ по телеграфу благословеніе новорожденному и считается его крестнымъ отцомъ. Подобную миссію телеграфъ выполнялъ еще въ первый разъ. Въ своемъ манифестѣ о рожденіи наслѣдника Наполеонъ III назвалъ его «сыномъ Франціи»; это подало поводъ къ разнымъ насмѣшкамъ, остроумамъ и толкамъ, которые заставили императора комментировать это выраженіе приличнымъ образомъ въ особой деклараціи.

Рожденіе наслѣдника ознаменовано было щедрыми милостями въ видѣ денегъ, подарковъ, прибавки жалованья чиновникамъ двора, орденовъ, титуловъ и наконецъ прощеніемъ *пяти тысячъ* изъ числа сосланныхъ республиканцевъ, большая часть которыхъ впрочемъ были уже умершіе. Великодушіе вполне достойное Наполеона III.

Вскорѣ за тѣмъ, именно 30 марта былъ подписанъ парижскій трактатъ, послужившій для Наполеона первой ступенью въ его возвышеніи во Франціи, которой дорого потомъ достались и эти первые лавры, и вообще возвышеніе Наполеона III.

Одобренный успѣхомъ своей узурпаціи и славой побѣды, новый императоръ не замедлилъ увеличить свое содержаніе какъ офиціальнымъ путемъ, такъ и всѣми впоследствии открывшимися продѣлками, эксплуатировавшими военный бюджетъ, публичный кредитъ, въ систему котораго входила неуплата погасительныхъ процентовъ по государственнымъ займамъ, и биржевую игру.

Вскорѣ всѣ увидѣли, что императорская форма правленія превратилась въ полную диктатуру.

Чтобы объяснить процессъ этого превращенія необходимо сказать, что оно совершилось съ помощію вполнѣ аутократической конституціи 1852 года, которую подарилъ Франціи Наполеонъ III послѣ государственнаго переворота; открывъ себѣ всѣ способы истребленія республиканской партіи, онъ воспользовался ими до самыхъ крайнихъ размѣровъ и водворилъ тѣмъ свою диктатуру; а чтобы обезпечить себя со стороны своихъ династическихъ соперниковъ, онъ распорядился конфисковать имущества орлеанской фамиліи, которая можетъ считать себя просто ограбленной Наполеономъ III.

Въ видахъ общественной безопасности новый императоръ озаботился также о томъ, чтобы измѣнить и общественную нравственность въ желаемомъ смыслѣ. Въ-мѣсто интересовъ умственныхъ, литературныхъ, художественныхъ, политическихъ воцарился интересъ биржи, азіютажа; философовъ и поэтовъ замѣнили купцы и куртизанки; вмѣсто общественныхъ собраній явились публичные балы, и канканъ сдѣлался выраженіемъ французской общественной жизни. Роскошь и развратъ вообще были надежными опорами второй имперіи, до тѣхъ поръ, покуда военная прусская труба не протрубила наставшій для Франціи и ея избранника страшный судъ.

Незначительная революціонная вспышка въ видѣ заговора, извѣстнаго подъ именемъ «дѣло комической оперы»—была подавлена безъ затрудненій, и все было тихо до 1858 г., когда послѣдовало покушеніе итальянца Орсини. Это покушеніе еще болѣе усилило популярность Наполеона III во Франціи и въ Европѣ, потому что, по увѣреніямъ официальной французской прессы, заговор.

щики имѣли въ виду обще-европейскую революцію и потому покусились на жизнь государя, охранявшаго всемірное спокойствіе: въ этомъ дѣлѣ Наполеонъ тщетно старался вытребовать изъ Лондона одного изъ обвиняемыхъ — доктора Бернара, который и былъ оправданъ въ Англіи судомъ присяжныхъ.

Какъ оказалось въ послѣдствіи, покушеніе Орсини было местию за вмѣшательство Наполеона въ римскія дѣла и вообще за его итальянскую политику.

Какъ ни было ясно, что покушеніе Орсини было дѣломъ чужеземнымъ во Франціи, однако императоръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы усугубить еще свою диктаторскую власть и сдѣлать ее вполнѣ полицейской. Снова начались ссылки и изгнанія безъ суда, безъ необходимости, безъ всякаго повода, а только за республиканскій образъ мыслей. Конечно, Франція, бывшая такъ сказать еще наканунѣ республикой, была обильна гражданами съ республиканскимъ образомъ мыслей. Послѣдующіе за тѣмъ удары террора обрушились на прессу; многія газеты были запрещены и наконецъ является извѣстный законъ 27 февраля 1858 г. объ *общественной безопасности*; министромъ внутреннихъ дѣлъ и *общественной безопасности* назначенъ былъ генераль Эспинасъ, исполнитель новаго закона, утверждавшаго весь произволъ и бессудную расправу, начавшуюся съ государственнаго переворота.

Множество новыхъ жертвъ пало подъ тяжестью этого закона; цѣлыя рѣки слезъ пролиты были семьями и сиротами ссыльныхъ; страданія и вздохи несчастныхъ оглашали всю страну, дежавшую въ теченіи 20 лѣтъ у ногъ тирана. Франція XIX столѣтія можетъ сказать, что благодаря двумъ Бонапартамъ, она имѣла также много

мучениковъ, какъ древній Римъ въ первые вѣка христіанства.

Слѣдую той системѣ, чтобы не давать продолжительнаго отдыха странѣ, дабы не воскресало въ народѣ стремленіе къ свободѣ, Наполеонъ III въ 1859 г. началъ войну съ Австріей, за Италію. Хотя военныя лавры достались на его сторону, но организація Италіи, благодаря хитрой политикѣ Кавура, совершилась вопреки видамъ Наполеона; такимъ образомъ, рядомъ съ побѣдными лаврами онъ потерпѣлъ на дипломатическомъ поприщѣ фіаско. Возможно также предположеніе, что въ числѣ побужденій къ итальянской войнѣ были опасенія, основывавшіяся на ходившихъ въ то время слухахъ, что корбонары намѣрены повторить покушеніе Орсини. Результатомъ войны явился виллафранскій миръ, произведшій самое невыгодное для Наполеона впечатлѣніе во Франціи; особенно печать начала обнаруживать недовольство; но изобрѣтенная Наполеономъ система предостереженій газетамъ оказала свое дѣйствіе: газеты закрывались и лопались подъ истребительнымъ дѣйствіемъ предостереженій, какъ мыльные пузыри. Но все таки либеральныя требованія были заявлены и Наполеонъ нашелъ полезнымъ предупредить какія либо серьезныя настоянія общества фальшивымъ либерализмомъ, образцомъ котораго служить декретъ 24 ноября 1860 г., допускающій кое-какіе парламентскіе виѣшніе обычаи, какъ напримѣръ, адресъ на тронныя рѣчи при открытіи палатъ, публичное обсужденіе законовъ, печатаніе преній, поправки законовъ и т. п.; а для того, чтобы правительство имѣло своихъ защитниковъ и въ пустой парламентской болтовнѣ, допускавшей этимъ закопомъ, учреждены были министры безъ портфеля, т. е. безъ министерства. Какъ

ни слаба была эта реформа, но ее слѣдуетъ считать моментомъ возрожденія оппозиціи противъ правительства, которая впервые обнаружила свое вліяніе на общественное мнѣніе страны во время мексиканской экспедиціи, этого грязнаго дѣла, опозорившаго Францію, которая послала за океанъ свою армію для того, чтобы поддерживать въ Америкѣ сторону рабовладѣльцевъ, а въ Мексикѣ—свирѣпую партію мѣстныхъ клерикаловъ и чтобы водворить тамъ монархію зависимую отъ французскаго императора. Наполеонъ III запятналъ себя въ этомъ дѣлѣ измѣнническимъ предательствомъ посаженнаго имъ императора Максимилиана, который и палъ жертвой этой черной интриги. Фіаско мексиканской экспедиціи имѣло ту хорошую сторону, что усилило оппозицію противъ Наполеона.

Новое фіаско бывшій императоръ французовъ потерпѣлъ въ 1862 г., во время послѣдняго польскаго возстанія, которое также было его интригой, на сколько оно зависѣло отъ его обѣщаній поддержки и отъ денежныхъ субсидій полякамъ. Бывшему претенденту на польскую корону, Наполеону III, легко было обмануть поляковъ и на этотъ разъ, потому что онъ хорошо ихъ зналъ. Во всякомъ случаѣ польское возстаніе и дипломатическая компанія Наполеона противъ Россіи замѣнили собою для него войну, которою онъ обыкновенно отвлекалъ французовъ отъ либеральныхъ требованій.

Послѣ польскаго возстанія уже болѣе не было случаевъ къ военнымъ демонстраціямъ, которыя на долго отвлекали бы страну отъ требованій либеральныхъ реформъ,—если не считать разныхъ фальшивыхъ тревогъ по восточному вопросу; и волей-неволей приходилось сначала расточать обѣщанія «увѣнчать зданіе», а по-

томъ наконецъ и уступить въ пользу такого порядка, который допустилъ значительно развиться и усилиться оппозиціи. Этому помогла косвенно и австро-прусская война, во время которой Наполеонъ III былъ ловко одураченъ Бисмаркомъ, обѣщавшимъ ему вознагражденіе за его нейтралитетъ и за усиленіе Пруссіи, вознагражденіе, которое и осталось однимъ обѣщаніемъ.

Отмѣна предостереженій газетамъ дала возможность странѣ узнать положеніе, въ которомъ она находилась, хотя это было уже нѣсколько поздно, и оппозиція начала дѣлаться болѣе и болѣе настойчивой и ѣдкой. Новая война слѣдовательно дѣлалась необходимою; но теперь Наполеонъ III поставилъ *va banque*, и на этотъ разъ, какъ говорить Кречинскій—«сорвалось».

Х

ПОСЛѢДНІЯ ДѢЯНІЯ НАПОЛЕОНА ІІІ.

Мы дошли до событій послѣдняго времени, которыми, какъ можно надѣяться, закончится политическая карьера нашего героя. Мы начали съ его агитаторской и революціонной дѣятельности, ознакомившись при этомъ и съ его литературными произведеніями, и оканчиваемъ дѣяніями, завершившими его царствованіе и низвергнувшими его съ высоты власти до полного паденія. Мы имѣли въ виду преимущественно очертить личность нашего героя въ нравственномъ и интеллектуальномъ отношеніи, что можетъ служить общимъ объясненіемъ всей его дѣятельности, и поэтому останавливались наиболѣе на событіяхъ, относящихся къ его молодости, когда онъ являлся совершенно свободнымъ человѣкомъ — авантюристомъ и публицистомъ, и слѣдовательно, яснѣе могъ проявить свои душевныя и умственныя свойства, чѣмъ въ официальномъ положеніи президента республики и императора, когда дѣятельность его осложнялась множествомъ внѣшнихъ условій, неизбѣжно заслоняющихъ собою внутрен-

нюю, все мотивирующую сущность человека. Чѣмъ же представляется намъ теперь интеллектуальная личность Карла-Лудовика-Наполеона Бонапарта въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ, въ его безчисленныхъ рѣчахъ и прокламаціяхъ и наконецъ — въ его дѣяніяхъ?

Прежде всего онъ является самой жалкой посредственностью по уму, характеру и страстямъ, посредственностью, для которой высшій идеалъ есть удовлетвореніе однихъ эгоистическихъ стремленій, тщеславія и властолюбія. Страсть къ власти у людей, обладающихъ умомъ и возвышеннымъ характеромъ, дѣйствуетъ неразлучно съ стремленіемъ ввести въ жизнь свои идеи, обновить ими исторію народа, оставить по себѣ уваженіе и благодарность потомства, совершить дѣянія, которыя бы оставили благотворный слѣдъ въ исторіи. Ничего подобнаго не замѣчается у Наполеона III; онъ съ безпримѣрнымъ упорствомъ во всю свою жизнь преслѣдовалъ лишь одну цѣль — сначала добиться власти, а потомъ поддерживать ее, не имѣя никакихъ идей, никакихъ другихъ стремленій, для достиженія которыхъ власть была бы только средствомъ. Для него она была крайней цѣлью, а средствомъ для достиженія этой цѣли служилъ весь кодексъ іезуитизма, вся ложь, все притворство, вся безсовѣстность, вся наглость, вся низость обмана, похищенія, почти воровства или грабежа, все звѣрство убійства, вся хитрость и все злоупотребленіе вліяніемъ власти и наслѣдственнымъ блескомъ своего имени.

Если мы сравнимъ все изложенное выше съ недавними фактами, которые у всѣхъ еще въ свѣжей памяти, то легко убѣдимся, что нашъ портретъ вѣренъ натурѣ. Послѣдніе факты доказываютъ и характеризуютъ все прошедшее нашего героя, а это прошедшее въ свою оче-

редь объясняетъ финальную его дѣятельность. Наполеонъ Бонапартъ можетъ сказать, что онъ всегда оставался вѣренъ самому себѣ, никогда не измѣнялъ ни своего образа мыслей, ни своего образа дѣйствій, ни своихъ стремленій. Во всю свою жизнь онъ не нашелъ болѣе высокихъ цѣлей, какъ служить самому себѣ, своимъ мелкимъ страстишкамъ — жадности къ богатству, грязному разврату, тщеславію и самому пустому властолюбію.

Изъ секретныхъ бумагъ, опубликованныхъ парижскимъ правительствомъ въ концѣ 1870 года, видно, что Наполеонъ III помышлялъ въ 1869 г. о новомъ государственномъ переворотѣ, но не отважившись на него, долженъ былъ обратиться къ своему обыкновенному рефлексу — войнѣ. Оппозиція въ послѣдніе годы мира постепенно усиливалась, нація начала пробуждаться, либеральная идея и критика все болѣе и болѣе воскресала во Франціи; а это не могло не угрожать лживой своекорыстной политикѣ, ложнымъ принципамъ Наполеона III, однимъ словомъ — его организованному правительственному шарлатанству. Онъ долго кормилъ французовъ обѣщаніями «увѣнчать зданіе свободы», подразумѣвая подъ этимъ вѣнцомъ кое-какія права законодательнаго корпуса вмѣсто правильнаго конституціоннаго устройства, уничтоженіе предостереженій газетамъ, — вмѣсто свободы печати и т. п.: но это естественно не могло удовлетворить націю, а только дало средство проявиться тому антагонизму, который, по самой природѣ вещей, крылся въ отношеніяхъ между обществомъ и правительствомъ. Ни Руэръ, ни Оливье не могли примирить имперіи Наполеона III съ требованіями общества; отсюда настоятельная необходимость войны.

Завладѣть прирейнскими провинціями и отуманить

Французовъ новой славой ихъ оружія представлялось Наполеону III самымъ надежнымъ средствомъ, чтобы опять подтянуть незамѣтно возжи имперіи; представивъ Франціи новыя великія цѣли, онъ могъ потребовать для достиженія ихъ усиленія власти и такимъ образомъ до конца продолжать начатую имъ систему эскамотированія народныхъ правъ, систему всяческаго обмана. Но близорукость умственная, но жалкая посредственность дарованій какъ самого главы, такъ и его сподвижниковъ помѣшали взвѣсить возможность этого дерзкаго предпріятія, и только факты обнаружили все безсиліе, всю умственную нищету императорскаго правительства и привели на край гибели несчастный народъ, судьбами котораго 20 лѣтъ игралъ этотъ бездушный, лживый и ограниченный эгоистъ.

Не смотря на то, что положеніе дѣлъ выяснилось послѣ первыхъ же неудачъ французскаго оружія, Наполеонъ III и въ эту критическую минуту не измѣнилъ своего поведенія: онъ не думалъ ни объ арміи, ни о странѣ, а только о самомъ себѣ, и это было главнѣйшей причиной настоящихъ несчастій Франціи; спасая свою особу, Наполеонъ III вмѣсто того, чтобы при первыхъ же неудачахъ, при первой проявившейся опасности быть побѣжденнымъ нѣмецкими войсками, превосходившими французскую армію и числомъ и дарованіями полководцевъ, направиться со всѣми наличными силами къ Парижу и снова организовать армію, — направился на сѣверъ и поставилъ на карту всю судьбу Франціи. При этомъ онъ имѣлъ одну цѣль — въ случаѣ неудачи спастись самому, тогда какъ при продолженіи неудачъ войны, перенесенной въ центръ страны, онъ могъ пострадать лично. Но за то, если бы армія разбитая при Гравелотѣ, Розен-

вилъ, Марсъ-ла-Туръ и проч., сосредоточилось около Парижа, Франція можетъ быть и не была бы побѣждена, потому что во всякомъ случаѣ способна была на продолжительное сопротивленіе, и даже при крайнихъ неудачахъ не была бы окончательно повержена въ прахъ, и миръ не былъ бы столь унижительнымъ, какой приняла она теперь. Седанъ былъ безславіемъ и моментомъ полнаго паденія Франціи. Но за то спасенъ былъ лично Наполеонъ III, а это и было его единственной цѣлью.

Малодушіе и трусость, какъ неотъемлемая принадлежность безусловнаго эгоизма, самой жалкой посредственности натуры, выразились при паденіи Наполеона III съ несомнѣнной ясностью. Здѣсь видѣнъ тотъ же трусливый, упавшій духомъ заговорщикъ, какого мы видѣли въ началѣ нашего очерка, во время страсбургской и булонской попытокъ. Даже послѣдняя его прокламація изъ Вильгельмсгёге такова же, какъ и тѣ прокламаціи, которыми онъ началъ свой агитаторскій шарлатанизмъ; и теперь этотъ узурпаторъ говоритъ о *правахъ* народа, о правахъ, которыя онъ никогда не ставилъ ни во что и только эксплуатировалъ ихъ для удовлетворенія своихъ личныхъ цѣлей.

Сдѣлаемъ въ заключеніе нашего очерка одно сравненіе: личность Наполеона III, какъ она проявилась въ его жизни и сочиненіяхъ, напоминаетъ собою змѣю, которая движется и будучи разрѣзана на куски и даже способна уязвить. Нельзя сомнѣваться, что Наполеонъ III не останется въ бездѣйствіи и не оставитъ Францію въ покоѣ отъ своихъ искательствъ и интригъ: этого требуетъ его природа, низость его характера и его голландская настойчивость. Но будетъ ли его искательство сопровождаться успѣхомъ? Это вызываетъ, если не отрицаніе, то

сомнѣніе. Система обмана, какъ это доказалъ Наполеону III продолжительный опытъ его надъ Франціей, сопровождается вѣрнымъ успѣхомъ, когда дѣло идетъ съ народомъ, болѣе тщеславящимся своимъ *верховнымъ правомъ*, чѣмъ понимающимъ его смыслъ, обязывающій къ стойкости, неподкупности и готовности приносить въ жертву общественнымъ интересамъ личные, чего именно не достаетъ французамъ.

XI

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ БРОШЮРЫ АЛЬФРЕДА ДЕ-ЛА-ГЕРОНЬЕРА

L'Homme de Sedan.

Въ жизни Франціи встрѣтился челоѣкъ не такой, какъ Кромвель, заплатившій за свою узурпацію національной славой и благоденствіемъ. Въ противность проктору мнимый *спаситель*, герой кроваваго маскарада 2 декабря, подвергъ неволѣ, профанировалъ, погубилъ священное наслѣдіе, вѣренное ему народомъ, очарованнымъ именемъ, прославленнымъ въ лѣтописяхъ исторіи. Благодаря этому—то очарованію, которое всегда будетъ завлекать толпу въ ловушку, надуватель крестьянъ, невѣжество которыхъ не различаетъ ни принциповъ, ни вольностей, ни превосходства, могъ безумно ниспровергнуть традицію вѣковъ, наругаться надъ славой, — заключить въ тюрьму самыхъ славныхъ представителей арміи, трибуны, — обезчестить самыя почетныя заслуги, — деморализовать всеобщую подачу голосовъ, отдавъ ее подтачивать червю официальныхъ кандидатуръ, — внести разстройство во всѣ отрасли, — расплодить откупщиковъ государственныхъ доходовъ, расхищенія государственной казны, — дать странѣ фальшивую армію, призрач-

ные боевые запасы, и наконецъ, въ видѣ трагической развязки этой двадцатилѣтней комедіи, надѣлить Францію седанской капитуляціей — этой пропастью, измѣрить глубину которой едва отваживается патриотизмъ и даже отважится ли иностранецъ.

Извѣстно кровавое вѣнчаніе на царство этого властелина должностей, общественной казны, главы шайки сикофантовъ, сеидовъ, — на вербовавшаго себѣ алчныхъ честолюбцевъ, — опутавшаго страну сѣтями несмѣтной полиціи, — заставлявшаго печально сознаваться: «Имперія, это шпіонство», — ослабившаго армию страны, чтобы имѣть для своей особы преторіанскую стражу, въ которой отечество затмѣвалось передъ человѣкомъ — раздавателемъ чиновъ и крестовъ, — содержавшаго во всѣхъ закаулкахъ страшной администраціи кондотьеровъ, готовыхъ на все, этихъ корсиканцевъ, которыхъ римляне, по словамъ Тацита, не хотѣли имѣть невольниками. Нѣкоторые смѣялись надъ символами, заимствующими свое обаяніе у прошлаго, въ которыхъ религія соединяется съ преемственнымъ преданіемъ посредствомъ воспоминаній, возвышающихъ національную нравственность. Реймсъ и его стеклянка съ муромъ служили для разныхъ Бомаршэ критики предметомъ неистощимыхъ сатиръ. Но развѣ лучше было канонизировать плебисцитарную насмѣшку съ помощью пьяныхъ солдатъ? Для этой инвеституры есть два ведета — невѣжество и страхъ. Можно кое-какъ вынудить *да*, но кровь остается, они ея не смываютъ.

Кто не содрогнется, подумавъ объ этой почти 2-го декабря; въ какихъ краскахъ ее изображали! Но эти ужасы и связанные съ ними правственные потрясенія невозможно описать; они приводятъ на умъ слѣдующія слова:

«кровь вызываетъ кровь, подобно тому, какъ пропасть вызываетъ пропасть.» Несчастенъ тотъ народъ, у котораго власть имѣетъ такое преступное происхожденіе! Кто станетъ оспаривать, что Наполеонъ III прокрался къ власти путемъ крови и системы террора, передъ которой блѣднѣетъ въ своихъ дѣйствіяхъ терроръ Дантона и Робеспьера! Къ тому же эти люди, справедливо клейменные исторіей, имѣли себѣ оправданіемъ спасеніе отечества; но Наполеонъ, явившійся послѣ Ламартина, который держалъ въ повиновеніи толпу и революціонные клубы; послѣ Кавеньяка, Ламорисьера, Бедо, обезоружившихъ уличнѣй мятежъ, чѣмъ былъ онъ, какъ не эксплуататоромъ, который, прикрываясь маскою порядка, водворялъ беспорядокъ?.. Подъ пустымъ предлогомъ спасти общество, онъ открывалъ для него, для иностранца и для націи, ту бездну недоверія, которая сдѣлала нужными эти разорительныя вооруженія: въ нихъ таились въ зародышѣ Седанъ, самая гибельная страница исторіи Франціи, осада Парижа, это громадное несчастіе, самый фактъ котораго есть уже бѣдствіе.

И когда эти бѣдствія смущаютъ міръ, возбуждаютъ противъ ихъ отвратительнаго виновника презрительное и холодное негодованіе; когда сами прусаки, прежде, чѣмъ посѣять отчаяніе въ домахъ, ими занятыхъ, казалось, человѣколюбиво оплакивали, что «человѣкъ, напавшій на ихъ короля», какъ они его называютъ, вынудилъ ихъ на эту тяжелую и печальную обязанность, — что дѣлаетъ предатель?

Отобравъ для нуждъ своей особы и для своего роскошнаго багажа, напоминающаго пышность азіатскихъ царей, силы, бывшія столь нужными тамъ, гдѣ дрались,

онъ сдается *)). Онъ самъ доставляетъ замѣкъ, который долженъ заклепать невольническія оковы арміи, на которой покоилась участь Франціи. Личное честолюбіе одного чоловѣка издѣвается надъ той и надъ другой. Затѣмъ, захвативъ съ собою остатки своей безумной пышности, подъ которой онъ, въ глазахъ галлюцинированной толпы, скрывалъ свое ничтожество, онъ не краснѣетъ показать своему суровому побѣдителю, изумленнымъ германцамъ, контрастъ такой бездны униженія съ длиннымъ цугомъ лошадей, которыхъ онъ перевозитъ въ свою роскошную ссылку. Разказы тѣхъ, которые видѣли его въ этотъ чреватый для него столькими угрызеніями совѣсти часъ, дышатъ тяжелымъ впечатлѣніемъ. Да и какъ не почувствовать его, когда этотъ лже-императоръ, источникъ столькихъ бѣдствій и слезъ, съ своей вѣчной папиросою *тупости* во рту, отвѣчая на самую оживленную, остроумную бесѣду вѣчнымъ покручиваніемъ своихъ усовъ, когда, говоримъ мы, *этотъ посланецъ рока*, котораго христіанинъ вѣрнѣе называетъ *тлвюмъ божіимъ*, отправляется въ изгнаніе, гдѣ онъ, безстрастный, кичливый, будетъ нѣжиться въ сибаритской обстановкѣ дворца триумфатора, который этотъ послѣдній отдастъ побѣжденному, какъ милостыню **).

---

*) Письмо генерала Вимпфена не позволяетъ болѣе никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ.

***) Вотъ, что говоритъ одинъ очевидецъ, по свидѣтельству газеты *Etoile belge*:

«Что меня всего болѣе поразило, когда я увидѣлъ императора, принца Нея de la Moskowa, Пажоля, Кастельно и Рейли, 2-го сентября въ замкѣ Bellevue, это — ихъ блестящіе мундиры; судя по блеску ихъ нарядовъ можно было подумать, что успѣхъ оружія на ихъ сторонѣ, что они *maitres de la situation*. Повидимому это произвело весь-

Таковъ этотъ человѣкъ! Это только блѣдный набросокъ того, что эта фигура, долгое время считавшаяся непостижимой, подготовила въ теченіи 20 лѣтъ, — т. е. путь паденія; какъ будто онъ избралъ себѣ миссіей вырыть могилу для Франціи.

Эти тайны беззаконія, эти разбоничьи дѣлежи барышей, которые его сообщники брали съ общественной легковѣрности, высасывая сбереженія семей, разстроивая провинціальныя капиталы;—эти лихвенныя сдѣлки, эксплоатація подрядовъ, монополія въ публичныхъ работахъ и государственныхъ заготовленіяхъ; алчность всѣхъ его сообщниковъ, соединившихся вмѣстѣ противъ этой бѣдной націи, отданной въ добычу морскимъ вороньямъ;—вольности, дарованныя государственнымъ совѣтомъ и щедрымъ государемъ обществамъ, возникшимъ на несчастье страны, какъ напр. обществу движимаго кредита и множеству другихъ; — финансовыя агенты, превращающіеся въ одинъ прекрасный день въ рыбаковъ, заманивающихъ на удочку капиталы на мексиканскую войну, предпринятую ради выгодъ нѣсколькихъ спекуляторовъ, благодаря жалкому большинству рабочцевъ, которыхъ тщетно предостерегалъ знаменитый Тьеръ: — таковы воспоминанія, оскорбляющія не только Францію, но и человѣчество, но и честь коронъ, такъ какъ правитель-

---

ма дурное впечатлѣніе на французскихъ солдатъ, утомленныхъ и измученныхъ боевыми тягостями. Наканунѣ седанской битвы, когда часть арміи Макъ-Магона увидѣла подъѣзжающимъ императора, его штабъ и всю его военную свиту, въ ихъ блистательныхъ костюмахъ, ни одинъ солдатъ не крикнулъ: «да здравствуетъ императоръ!». Что касается до свиты, то она была освистана. *Les zouaves les ont engueulés*, какъ выразился мнѣ одинъ офицеръ, на нѣсколько грубоватомъ солдатскомъ языкѣ.»

ства должны подавать примѣръ нравственности народамъ. Вотъ свидѣтельства, которыя грозно возстаютъ передъ нами, чтобы протестовать противъ темной интриги сверженнаго императора и его сообщниковъ; отъ нихъ, какъ отчаянныхъ игроковъ, должно ожидать всякихъ безумныхъ замысловъ. Чтобы вновь получить свои огромные доходы, приобрѣтенные не заслугами, но гнуснымъ ласкательствомъ, чего не сдѣлаютъ они!

Здѣсь мы должны коснуться слуха, распространеннаго берлинской официальной печатью, о томъ, будто бы король Вильгельмъ намѣревается возвратить своему плѣннику престолъ Франціи.

Чтобы ни говорили берлинскія официальные газеты и печать, — люди, признающіе принципомъ, что нравственность правительства должна соответствовать нравственности человѣческой совѣсти, не могутъ допустить подобнаго дерзкаго утвержденія. Ибо существуетъ верховный законъ, который справедливо называли религіей земли, и который, по опредѣленію Монтескье, есть сущность монархіи, это — честь. Какъ бы человѣкъ не былъ могущественъ, онъ не можетъ нарушить его безнаказанно, предъ лицомъ міра.

Наполеонъ III понесъ наказаніе за это; ранѣе его, дядя его, который былъ Аттилой, дышавшимъ необыкновенной злобой къ стариннымъ династіямъ, представилъ еще болѣе разительное тому доказательство: онъ, холодный убійца Конде, онъ, который похищалъ короны, въ случаѣ нужды, даже посредствомъ ловушекъ, какъ это было съ Испаніей, оскорбитель героической и прекрасной Луизы прусской, оставившій цѣлый вулканъ гнѣва въ сердцѣ народа, жертвою котораго сдѣлалась нынѣ плебисцитарная, безумная, шовинистская, Франція.

Если человекъ не Катилина и не Наполеонъ III, если онъ уважаетъ извѣстное имя, его славныя воспоминанія, мнѣніе міра, онъ не рѣшится пренебречь стыдливостью и здравымъ смысломъ и принять на себя отвѣтственность въ оскорбленіи, которое было бы нанесено не одной лишь Франціи, негодующей, протестующей въ лицѣ каждаго своего гражданина съ сердцемъ и честностью, но и вопіяло бы къ вмѣшательству Европы. Европа заклеила бы Герострата, который сжегъ бы храмъ, въ которомъ человѣческая нравственность воздвигла алтарь честныхъ людей. Здѣсь нѣтъ двухъ различныхъ способовъ чувствовать, припимать, заключать; одно общее правило господствуетъ какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Парижѣ, Лондонѣ, С.-Петербургѣ.

Хижина вторитъ голосу городовъ; рабочій, въ своемъ подвалѣ, соглашается съ аристократомъ, когда нужно почтить то, что велико, заклеить то, что гнусно. — Вотъ что называютъ мнѣніемъ: оно назначаетъ каждому его мѣсто. При свѣтѣ его отдѣляется благородство пошукковъ и налагается клеймо на профанаторовъ.

И такъ, съ этой точки зрѣнія, легко предвидѣть теченіе дѣлъ. Какую бы цѣну ни могъ предложить обезчещенный узурпаторъ за такую сдѣлку, какъ бы онъ ни былъ расположенъ пограть всякое приличіе, сдѣлать изъ народа, у котораго онъ исхитилъ довѣріе волшебствомъ своего имени, кровавую подстилку для своей алчной жадности, вслѣдъ за необузданнымъ честолюбіемъ, которое побудило его завязать войну подъ обманчивымъ предложомъ, — кровный король не унизится до подобнаго торга, вслѣдствіе котораго его побѣдный лавръ можетъ потерять, замараться въ подобной грязи.

Какъ бы ни была велика покорность возстановленнаго

императора, готоваго, въ случаѣ нужды, чтобы возвратить себѣ тщеславную нѣгу своего вѣнчаннаго сибаритства, сдѣлать изъ своей руки стремя для своего побѣдителя, послѣдній, уже вслѣдствіе самого омерзения, которое внушало бы къ себѣ его реставрированная креатура, не можетъ и не захочетъ потерять уваженія къ себѣ, вызвать ужасъ, который произвела бы столь постыдная аномалія. Какъ! такова бы была цѣна крови, лившейся потоками, цѣна развалищъ на милліарды, покрывающихъ Францію и оказывающихъ дѣйствіе и на Европу, которая сама страдаетъ отъ уничтоженія такой массы цѣнностей, служившей источникомъ ея торговли и промышленности! Какое ироническое вознагражденіе за трауръ столькихъ семей, которыя въ Германіи также оплакиваютъ героевъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ съ нашими въ могилахъ на столькихъ поляхъ битвъ войны, въ которой отвѣтственъ единственно этотъ зловѣщій человѣкъ, императоръ *плебисцитовъ* *)!

Чтобы Вильгельмъ, этотъ гордый монархъ, опираю-

---

*) Кузень выразился объ немъ однажды слѣдующимъ образомъ: Наполеонъ походитъ на пирата, который, захвативъ какой нибудь островъ, хочетъ легализовать свой грабежъ; и вотъ какъ онъ поступаетъ. Онъ занимаетъ лѣстницу и нижній этажъ и дѣлается толмачемъ въ сообщеніяхъ между интересами и сословіями. Онъ говоритъ бѣднымъ, рабочимъ, укрывающимся въ подвалахъ, показывая имъ верхніе этажи: «Вы слышите эти крики веселья богачей, привилегированныхъ. Эгоисты, они оставляютъ васъ умирать съ голоду, но доверьтесь мнѣ, бѣдняжки, я взыщу съ нихъ контрибуцію, чтобы помочь вамъ.» И онъ открываетъ имъ заманчивую перспективу социализма. Затѣмъ, обернувшись, этотъ обманщикъ по склонности и расчету, говоритъ богатымъ: «Вы слышите этотъ ревъ алчности, направленный на васъ; васъ хотятъ пожрать, красный призракъ сторожитъ васъ; я его сдержу, уничтожу; только это требуетъ большихъ жертвъ; безопасность не должна передъ ними останавливаться.» И онъ увеличиваетъ налоги, умножаетъ займы.

щійся на божественное право и подкрѣпляющій его побѣдоносной шпагой, онъ — твердый, полный вѣры, наслѣдникъ великаго Фридриха, представитель происхожденія и доктринъ, совершенно чуждыхъ того социалистическаго оттѣнка, которымъ Наполеонъ прикрывалъ свой необузданный произволь; — чтобы графъ Бисмаркъ, безъ сомнѣнія, великій государственный архитекторъ, насчетъ предпріятій котораго г. Тьеръ и мы сами тщетно предостерегали страну; — чтобы этотъ министр, коего страшная логика въ миссиі, имъ преслѣдуемой, соединяется съ рѣдкой прозорливостью; — чтобы планисферистъ новой имперіи намѣревался взять себѣ не въ пособники, но въ страшные противники, негодование національнаго духа, отвращеніе честныхъ людей; чтобы онъ оскорбилъ гордость коронъ, смущенныхъ этимъ невозможнымъ воскресеніемъ; — чтобы государь, канцлеръ, правительство Сѣверной конфедераціи такъ унизились противъ своихъ видовъ; — чтобы они могли спуститься такъ низко съ вершины своихъ принциповъ, если хотите — съ вершины своего высокоумнаго честолюбія, гнушающагося низкими заговорами; — чтобы они внесли способы наполеоновской безнравственности въ свою политику: — вотъ чему мы отказываемся вѣрить изъ уваженія къ этимъ страшнымъ противникамъ! — Лавръ не обвиваетъ позорнаго столба преступника. Правила истиннаго величія, забота о своей репутациі, блескъ славы исключаютъ этотъ доступъ презрѣнію, не желая тѣмъ, конечно, дать послѣднему какое-либо оправданіе. И такъ всякій чело-вѣкъ себя уважающій, къ какой бы партіи онъ не принадлежалъ, долженъ считать апокрифическимъ это мнимое расположеніе побѣдителей къ такому скандалезному замыслу.

Ибо, если сверженный государь, поборникъ плебисцитовъ, способенъ во что бы ни стало, проглатывая стыдъ какъ воду, подписывая всякія антинаціональныя капитуляціи, желать снова наброситься эксплуататоромъ на свою жертву, Францію; если онъ дерзнетъ на это послѣ Седана, гдѣ онъ явно предалъ французскую армію, какъ выкупъ за свою особу, подобно мыши, попавшейся въ мышеловку, — то въ виду этого поваго покушенія совѣсть людская воспрянетъ съ такою силою, что дерзость будетъ обезоружена. Противъ него прежде всего подымутся проклятія солдатъ: нужно было слышать ихъ въ Седанѣ, нужно было видѣть, какъ они, съ бѣшенствомъ въ сердцахъ, дефилировали длинными рядами, подъ конвоемъ побѣдителей, нужно было слышать ихъ рассказы и строгіе приговоры, нужно было посѣтить это обширное поле, гдѣ пораженіе было заранѣе написано топографіей, которой планъ битвы не зналъ, гдѣ забота о безопасности императора господствовала надъ военнымъ и національнымъ вопросомъ. Вездѣ чувствуешь гибельный рокъ, въ который этотъ человекъ запуталъ дьявольскими нитями страну, армію, настоящее, будущее! Подобно баснословнымъ гарпіямъ онъ отравляетъ все, къ чему ни прикасается.

И такъ, исторіи, этому разгнѣванному отголоску общественнаго чувства, не придется стѣпнать о реставраціи, въ которую преступленіе, подобно призраку въ пляскѣ мертвецовъ, вовлекло бы побѣду, политику и дипломатію Европы. Это было бы хуже насильственнаго переворота, это было бы коронованіемъ при помощи презрѣнія.

Чтобы списать фальшивыя улыбки сброда азартныхъ игроковъ, ни автократія, ни аристократія, ни протестантскій пуританизмъ, ни народъ, пылко стремящійся

къ своему призванію, строгій въ своихъ нравахъ, гордый своей наукой, обладающій такой высокой интеллектуальной культурой, не могутъ согласиться ни въ какомъ случаѣ принять на себя эту тяжкую отвѣтственность возстановленія царствованія, соединившаго въ себѣ всѣ деморализующія аномаліи.

Неужели Германія дѣлала эти гигантскія усилія только для того, чтобы возстановить это управленіе ренегатовъ, при помощи своихъ пушекъ, на грудѣ жертвъ обѣихъ расъ?! Здѣсь нелѣпость фантазіи бонапартистовъ не уступаетъ ихъ гнусности. Какъ! Ложное величіе, которое само низверглось съ колонны дяди, вдругъ появится вновь. Упадокъ византійской имперіи не представляетъ ничего подобнаго. Если бы цезаризмъ, до такой степени запятанный, нашелъ поддержку въ королевской средѣ, то это дало бы сильный толчокъ развитію социализма. Каждый день обнаруживаетъ намъ новыя преступленія. Императоръ уклонился отъ своей миссіи, онъ нарушилъ свой долгъ передъ своимъ народомъ, точно также, какъ свои деклараціи относительно Германіи, даже свои предложенія королю Вильгельму, о чемъ свидѣлствуютъ разоблаченія, сдѣланныя касательно искusstителя Бенедетти.

Возстановленная имперія вновь вызвала бы къ Франціи недовѣріе, которое первая имперія оставила въ сердцѣ націй и униженныхъ династій; — по что еще хуже — она укоренила бы высокомерную и опасную иллюзію о силѣ и власти, господству которыхъ ничто не можетъ противустоять, какъ бы по какому-то волшебству. Дѣло въ томъ, что Наполеонъ I, развивъ неестественную силу,

требовалъ отъ націи при помощи своего генія почти невѣроятныхъ усилій. Напротивъ, Наполеонъ III, низкій умомъ и сердцемъ, безумно растратилъ капиталъ силы и славы, ввѣренный безъ контроля въ его слабыя руки. Франція платится нынѣ за это.

Если мексиканская экспедиція и множество другихъ преступныхъ дѣйствій возставали противъ неограниченной власти, которой требовалъ плебисцитъ, — новсе таки восемь милліоновъ голосовъ привѣтствовали своими одобреніями цезаризмъ. Неудачи бесплодно умножаютъ уроки для невѣжества, для суевѣрной толпы; еще долго имя Наполеона будетъ фанатизировать ее. Бѣдствія отъ него происшедшія покрываютъ Францію трауромъ кровавыхъ поражений, которыми она обязана единственно главѣ государства. Тѣмъ не менѣе, что говоритъ крестьянинъ въ своемъ заколдованномъ ослѣпленіи? Онъ сваливаетъ вину въ нихъ на всѣхъ другихъ, кромѣ виновнаго, онъ кричитъ объ измѣнѣ. Убіеніе графа де-Мона есть смертная молнія падъ этой страшной пропастью, которую нѣсколько лишнихъ дней существованія имперіи открыли бы въ тысячѣ разныхъ пунктовъ. Если есть талисманъ, могущій дѣлать сеидовъ, то онъ заключается въ этомъ роковомъ имени: ради его, села, оправившись отъ своего оцѣпенѣнія, устремились бы на новыя безумства.

Беранже сказалъ:

«On parlera de lui sous le chaume bien longtemps,
«Car on n'y connait pas d'autre histoire.»

Въ этомъ заключается опасность для Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ для остальнаго міра. Невѣжество въ соединеніи съ всеобщей подачей голосовъ можетъ сдѣлать

реставрацію легкой и вмѣстѣ съ тѣмъ страшной. Нѣкоторыя личности продолжаютъ сохранять свое обаяніе даже въ лицѣ своихъ выродившихся потомковъ. Дѣйствительно крестьянинъ теряетъ рассудокъ, когда при немъ произносятъ имя Наполеона.

Такова истина, поражающая всякаго, кто, блуждая по деревнямъ, будетъ имѣть случай зайти въ хижины и побесѣдовать съ земледѣльцемъ, весь національный музей котораго заключается въ двухъ или трехъ грубо иллюминированныхъ картинахъ побѣдъ имперіи. Въ нихъ заключается для него все; государственные люди, конституціонныя вольности, силы другихъ странъ — все это чистая химера въ его глазахъ. Сколько ни шутили на этотъ счетъ, сколько ни издавали газетъ и ни произносили рѣчей — ничто не могло одолѣть этого фетишизма, созданнаго наполеоновскимъ *катилизисомъ*, небольшимъ альманахомъ, которому вѣрятъ болѣе, чѣмъ евангелію. Обыкновенно въ тѣхъ правительствахъ, гдѣ законъ исходитъ отъ большинства, преобладаетъ крестьянинъ, — онъ наполняетъ собою города, вмѣстилища просвѣщенія. Этимъ объясняются *Калигуловы* безумства второй имперіи. При этомъ зловѣщемъ свѣтѣ раскрывается причина несчастій Франціи. Черная линія г. Дюпена въ его топографическомъ дѣленіи означала невѣжество; есть-ли такая линія, которая могла бы идти въ униссокъ съ этимъ ослѣпленіемъ деревень? Ни Ватерлоо, ни 2-е декабря, съ которымъ началось ужасное эскамотированіе, не могли раскрыть глаза сельскому большинству. По неволѣ повѣришь словамъ пословицы: *Mens agit molem*.

Есть одно чувство, чувство справедливости, которое соединить вокругъ себя всѣ души, стремящіяся къ истинѣ; тщетно станеть человѣкъ дѣлать ловкія комбинаціи: оно одно даетъ силу и упрочиваетъ продолжительность. Правительства, которыя съ нимъ соотнобразуются, пріобрѣтаютъ, вслѣдствіе уваженія и довѣрія, наилучшіе залого для своей прочности.

Этому-то принципу благородства Талейранъ, прославившійся своей тонкостью, воздавалъ дань почтенія, столь знаменательнаго въ его устахъ: «самая лучшая дипломатія, это — откровенность», говорилъ онъ.

Ложные принципы императорскаго правительства, охватившіе собою всѣ официальныя сферы, исказили національное чувство Франка, столь прямушнаго по своей натурѣ. Вторая имперія существовала двадцать лѣтъ одиѣми мистификаціями. Подъ конецъ, она довела свои уловки до того, что стала фабриковать побѣды вмѣсто пораженій, которыя претерпѣвала. Фальшивая политическая монета была пущена въ обращеніе съ самого открытія войны. Однимъ примѣромъ изъ тысячи можетъ служить сдача Седана: правительство не убоялось вернуть эту горькую пилюлю, которую предстояло проглотить Франціи, въ ложное извѣщеніе, что «только словомъ избіеніе (massacre) можно выразить потерю прусаковъ.»

Такимъ-то образомъ увлекали въ пучину эксплуатируемую націю, потопленную въ морѣ лжи, благодаря чему она болѣе и болѣе теряла довѣріе иностранцевъ.

Безъ сомнѣнія императоръ избралъ себѣ правиломъ замѣчаніе одного умнаго человѣка, что глупость людская представляетъ богатый источникъ дохода. Можетъ быть, ида еще далѣе, онъ припаялъ за правило нравственности

то, которое восхвалялъ однажды, передъ своими смущенными слушателями, одинъ принцъ изъ его фамиліи, блистающій въ бесѣдѣ, хотя и не показывающійся на полѣ сраженія. По его теоріи, дурная репутація служить большимъ подспорьемъ для правительства, «ибо, сказалъ онъ, она позволила бы мнѣ дѣлать много зла и мнѣ были бы благодарны, что я не дѣлаю его еще больше.»

Подъ этимъ-то удушливымъ режимомъ, посредственность, вмѣсто того, чтобы быть исключеніемъ, напротивъ получала предпочтеніе: ей достаточно было прикинуться преданнѣйшимъ слугою императора. Династическій вопросъ господствовалъ надъ всѣмъ, Франція должна была служить ему подстилкою.

Г. Руэръ, звучное слово царствованія, для котораго императоръ снималъ съ своей груди звѣзды,—усовершенствовалъ искусство облагораживать мысли и факты самые предосудительные. Кто забылъ миражи Мексики и тому подобныя фальшивыя теоріи? Событія осмѣяли это шарлатанство и покрыли стыдомъ, если не угрузеніями совѣсти, большинство законодательнаго корпуса, подобранное также какъ и судебная власть.

Государственный министръ, столь могучій голосомъ, столь слабый сердцемъ, находящійся нынѣ въ Джерсеѣ, можетъ познать, что шатко величіе, опирающееся на ложь и на дворцовыя интриги.

Г. де-Левалеттъ, первый изъ придворныхъ, но послѣдній въ ряду политиковъ и дипломатовъ, и его товарищи, блиставшіе только своими костюмами и осыпанные алмазами и звѣздами, не снискали любви и уваженія своихъ согражданъ, какъ тѣ, за знаменемъ которыхъ мы слѣдовали—Шатобрианъ, Ламартинъ, Тьеръ.

Оставляя власть, послѣдніе не находили нужнымъ укрываться за границей.

И такъ, министры, ихъ подчиненные, всѣ составляли въ націи какъ бы конгрегацию, которая не признавала ничего истиннымъ, возможнымъ, кромѣ пароля, поданнаго свыше.

Развѣ мы не были свидѣтелями усилій г-на Руэра, *)

---

*) Руэ отвергалъ систему отвѣтственности министровъ:

«Я отвѣчаю, что никто изъ насъ недостаточно великъ для подобной роли. Въ виду всеобщей подачи голосовъ, одинъ только человекъ, благодаря *великости* своихъ *заслугъ*, можетъ быть отвѣтственъ передъ націей и эготъ человекъ — государь. Остальные, какъ бы велико ни было ихъ самоотверженіе, суть только *темные индивидуумы*. Думать иначе, значило бы бредить. Вы хотите замѣнить собою отвѣтственность государя; я вамъ объявляю, что это есть истинная отвѣтственность, которая будетъ его *славой* и его *величіемъ*. Ибо что касается насъ, *темныхъ слугъ*, то мы отнюдь ни имѣемъ претензіи увеличивать долгу, которая намъ будетъ предоставлена.»

Какія рѣчи, безъ сомнѣнія случайно забредшія изъ Тегерана въ Парижъ! — И однако сенатъ, это «высокое собраніе,» какъ его называли, и низкое по уму и политической предусмотрительности, покрывалъ ихъ рукоплесканіями.

Въ своей послѣдней рѣчи президентъ сената, Руэръ, остававшійся по прежнему тайнымъ совѣтникомъ и отголоскомъ своего повелителя, увидѣлъ въ приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ къ войнѣ, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, самыя лучшія права императора на признательность націи. Никогда цинизмъ безнравственности не простиралъ ласкательства до такой степени!

Декларациа Бенедетти, дѣйствія Граммона, увѣреніе, въ законодательномъ корпусѣ, Лебѣа, данное, безъ сомнѣнія по приказанію свыше, будто бы «все готово, тысячу разъ готово къ войнѣ» — все это свидѣтельствуетъ о заговорѣ и указываетъ виновника и его сообщниковъ. Въ этомъ династическомъ игорномъ домѣ на карту ставили націю. Можно судить по одному примѣру, взятому изъ сотни другихъ, имѣетъ-ли право Наполеонъ III требовать въ свою пользу смягчающихъ обстоятельствъ. Извѣстно, что въ безнадежныхъ случаяхъ къ этому обыкновенно прибѣгаютъ обвиняемые въ ассизныхъ судахъ. — Такова плебисцитарная Франція, которую создала имперія!

изнемогавшаго подъ ударами г. Тьера, когда министръ убѣждалъ палату принять новые принципы, оскорблявшіе всякую идею о правосудіи. Лордъ Брумъ, Сомерсъ, Гарвикъ, и всѣ вы столь гордые, но вмѣстѣ и столь либеральные правители Англій, профанировалъ-ли кто нибудь изъ васъ свой характеръ и скандализировалъ-ли когда нибудь англійское представительство такими доктринами?

Время кары должно было настать, и оно дѣйствительно настало.

Такимъ образомъ, относительно того, что составляло правительство, его принципы, выбираемыхъ имъ дѣятелей — императоръ рылъ пропасть, въ которую должно было, при первомъ дуновеніи, свалиться выведенное имъ зданіе.

Да и какъ могло быть иначе? Честныя средства при этомъ режимѣ фаворитизма существовали только какъ воспоминанія конституціонной эпохи.

На мѣсто ихъ явилась алчность царедворцевъ, которые, провозгласивъ бонапартизмъ высшимъ догматомъ, вѣрнѣе наживались на счетъ общественнаго достоянія.

Армія была деморализована не менѣе остальныхъ классовъ населенія. Необходимо, чтобы армія чувствовала на концѣ своего штыка національную душу, чтобы рисковать своей жизнью. Какое же чувство должна была питать она въ нынѣшнюю войну, видя, что глава государства все захватилъ себѣ, все поглотилъ и въ концѣ концовъ, своей безопасностью, ввергъ страну въ ту страшную пропасть, которую едва-ли можно измѣрить. Весь этотъ рядъ бѣдствій есть послѣдствіе того режима произвола, гдѣ, подъ мнимой гарантіей отвѣтственности

императора, прикрывавшаго собою администрацію, скопились беспорядки и расхищенія. Теперь все это обнаружилось и бесполезно было бы вновь перечислять то, что каждому извѣстно.

Но эти испытанія, эти жертвы всесожженія, эти опустошенія суть только послѣдствія уничтоженія нашихъ регулярныхъ войскъ, которыхъ погубило командованіе императора. Истребленія, пожары увеличиваютъ нашу ужась. Человѣчность содрогается!

Да наконецъ, если и есть милліоны рукъ, готовыхъ сражаться, то развѣ предшествовавшее правительство приготовило необходимое оружіе, боевыя принадлежности, элементы образованія, чтобы употреблять съ пользою, направить народное мужество? Нынѣшнее состояніе науки, новая роль артиллеріи, которая повидимому предоставляетъ незначительную роль усовершенствованному ружью, которое въ свою очередь устраняетъ штыкъ, — всѣ эти обстоятельства допускаютъ-ли поголовныя ополченія, имѣвшія смыслъ въ 1792 году? Военная Европа отвѣчаетъ: *нѣтъ*, и французскіе войны Седана соглашаются съ ней.

Какое множество событій! Кажется, что олимпійскіе кони нашего времени, быстрые какъ молніи, возятъ по Франціи, облеченной въ трауръ, ужасную колесницу, и на ней чудовище неопредѣлимой формы. Она проходитъ съ грохотомъ самаго страшнаго грома посреди сражающихся, истребляющихъ другъ друга съ дикою яростью. Никто не можетъ отвлечь ихъ отъ этого дѣйствія; напротивъ, появленіе колесницы еще болѣе возбуждаетъ ихъ. Зри-

тели, образующіе галерею, называемую міромъ, чувствуютъ, что дрожь ужаса, подобно мучительному электричеству, пробѣгаетъ по ихъ жиламъ. Это — дрожь возмущеннаго чувства человѣколюбія. Взоръ, прикованный къ ужасному экипажу, сосредоточивается на гигантскомъ гербѣ. На его красномъ фонѣ, эмблемѣ крови, отдѣляются безчисленные скелеты. Это напоминаетъ великую фреску послѣдняго суда Микель Анджело. Вездѣ, гдѣ появляется фигура, перевозимая зловѣщей колесницей, сожалѣнія, горести, боль умножаются. Вскорѣ единодушный крикъ вырывается у зрителей: они узнали рокъ !!!.....

Пусть читатель не думаетъ, что это съ нашей стороны фантастическая картина, въ родѣ байроновской: еслибы Юнгъ присоединилъ къ ней свой плачь, свои жалобы болѣе мрачныя, чѣмъ заглавіе его книги: «*Ночи*», имъ недоставало бы достаточно мрачныхъ красокъ, чтобы передать во всей истинѣ ужасную картину, нѣсколько чертъ которой мы намѣрены набросать.

Выше мы показали, каковъ былъ виновникъ и легкомысленный предлогъ войны. Намъ остается остановиться надъ нѣкоторыми изъ наиболѣе поражающихъ сценъ этой единственной въ мірѣ трагедіи.

Вотъ Саарбрюкенское «огненное крещеніе,» устроенное собственно для военнаго воспитанія императорскаго принца. Дорого обошлось оно Франціи! Этимъ нападеніемъ императоръ на дѣлѣ подтверждалъ то, инициативу котораго онъ принялъ 15 іюля въ законодательномъ корпусѣ и которое должно было свалить на Францію отвѣтственность въ сумазбродствѣ еще худшемъ, чѣмъ мексиканское. Вейсенбургъ открываетъ возмездіе нѣмцевъ. Вѣртъ, страшное пораженіе для насъ, продолжаетъ ихъ

успѣхъ. Французская армія, бывшая столь блестящей на зарѣ, при закатѣ солнца представляла лишь поле, устѣянное трупами и ранеными. У насъ 20,000 человѣкъ выбыло изъ строя, Фальи не явился на назначенное свиданіе.

День Форбаха тщетно свидѣтельствуешь о французскомъ героизмѣ, выказавшемъ здѣсь чудеса; но дурныя распоряженія, недостатокъ стратегіи готовятъ намъ новое пораженіе. На этотъ разъ за Фроссаромъ очередь разстроить планы: онъ не является съ своими войсками на поле битвы. Французы поплатились за сдѣланную имъ ошибку; корпуса ихъ были разбросаны и плохо сообщались одинъ за другимъ, потому что недоставало единой руководящей головы. Правда Наполеонъ III назначилъ себя главнокомандующимъ, но природа и таланты не пришли на помощь этому притязанію.

Такимъ образомъ можно объяснить злополучную разъединенность разныхъ частей и армій. Фальи, Фроссаръ, Ладмиро, постигнуты общимъ бѣдствіемъ, съ трудомъ старались соединиться. — Макъ-Магонъ, къ которому Фальи старался примкнуть, былъ отрѣзанъ отъ центра армій. Канроберъ направлялся къ крѣпости, которая должна была послужить западной ему и послѣдней великой арміи имперіи. Другая часть его корпуса направлялась на Нанси; это была минута, когда у Меца сосредоточилось 180,000 человѣкъ, которые, увы! были сданы военноплѣнными! Это цѣлое военное населеніе, которое геній Мольтке окружилъ и отправилъ въ ссылку. Патріотизмъ скрываетъ постыдную громадность цифры.

Нужна была рѣшительность, взгляды, а были только колебанія и неумѣлость. Императоръ, деморализованный,

скрывая свою неспособность подъ той безплодной флегмой, которую его льстецы приписывали генію, обитающему въ его мысли, выдавая за глубину его безмолвность, «умъ тѣхъ, которые не имѣютъ другого», по выраженію де-ла-Рошфуко, — императоръ, говоримъ мы, потерялъ три драгоцѣнныхъ дня въ Мецѣ, собирая военные совѣты, производя смотры, заключавшіеся обыкновенно пышными обѣдами, которые онъ давалъ своему штабу. Но во время этого капуанскаго бездѣйствія нѣмецкіе генералы подвигались впередъ: принцъ Фридрихъ-Карль, перешедшій Мозель въ Понт-а-Муссонѣ, отрѣзалъ отступление французской колоннѣ въ 250,000 человекъ съ 800 пушками. Это была подвижная зубчатая крѣпость!

Можно провѣрить по картѣ важность этого потеряннаго времени. Будучи употреблено съ пользою, оно могло бы измѣнить приговоръ судьбы, строгость которой бываетъ почти всегда только послѣдствіемъ непредусмотрительности и неспособности человека *).

Въ послѣдней половинѣ августа, послѣ ряда кровавыхъ битвъ, при Вонвилѣ, Донкурѣ, Гравелоттѣ, которыя по обоюдной энергіи усилій сравнивали съ Бородинымъ, мы находимъ Базена, пролагающаго себѣ путь на Мецъ. Ему нужно было ретироваться туда; отрѣзанный и окруженный принцемъ Фридрихомъ-Карломъ и Штейнметцомъ, онъ долженъ былъ убѣдиться на самомъ себѣ

---

*) Одинъ умный человекъ, хорошо знавшій императора, говорилъ мнѣ однажды: онъ мнѣ напоминаетъ путешественника, торопящагося вечеромъ, потому что ему нужно ѣхать на слѣдующій день; онъ приказываетъ своему слугѣ разбудить его въ 5 часовъ утра, чтобы ѣхать съ 6 часовымъ поѣздомъ. Приказаніе исполняется. Ёдущій, видя, что онъ можетъ еще поспать нѣсколько минутъ, откладываетъ свое вставаніе и вновь засыпаетъ. Между тѣмъ поѣздъ уходитъ; онъ упустилъ свой планъ и свою цѣль. Такъ поступилъ и Наполеонъ.

въ справедливости аксіомы перваго Наполеона объ « опасности оборонительнаго положенія, когда оно не можетъ быть станціей, гдѣ готовится наступательное. » Печальный результатъ осады показываетъ, что только геніальнымъ людямъ дано предвидѣть грядущія событія и готовить ихъ искусными мѣрами. Справедливость требуетъ сказать, что маршалъ, какъ и всѣ приближенные и раздѣлившіе судьбу императора, понесли наказаніе какъ рокъ, связанный съ этимъ челоуѣкомъ.

Впечатлѣнія, производимыя фактами, образуютъ такъ называемое «мнѣніе», которое по словамъ Паскаля, заправляетъ всѣмъ въ мірѣ. Такимъ-то образомъ Наполеонъ III прослылъ за *фаталиста*; не подлежитъ сомнѣнію то, что онъ самъ есть воплощенный рокъ.

Взоръ орла, могущаго созерцать солнце, самое неустрашимое сердце смутилось бы въ этомъ вихрѣ бѣдствій, который срываетъ съ устъ умирающихъ и въ виду самыхъ мрачныхъ перспективъ, слѣдующее страшное слово: *рокъ*.

Никогда, можетъ быть, онъ не напечатлѣвалъ до такой степени своего клейма на рядѣ фактовъ столь подавляющаго характера.

Возьмемъ только въ примѣръ одинъ эпизодъ, гдѣ противорѣчія скопляются въ облака, изъ которыхъ затѣмъ льется дождь разочарованій: это—кампанія съ того времени, какъ императоръ принялъ на себя главное начальство.

Онъ дебютировалъ, какъ мы уже видѣли, тѣмъ, что назначилъ генераловъ, которые не представляли въ прош-

ломъ ни одного изъ залоговъ, въ которыхъ нуждается армія, отъ которой требуютъ геройской подати крови. Во главѣ ихъ является Лебѣфъ. Въ противность также военнымъ закономъ, по которымъ санъ маршала присваивается только главнокомандующему, онъ получилъ незадолго передъ тѣмъ пресловутый жезлъ. Это вызвало ропотъ въ печати и арміи, а въ Европѣ изумленіе *).

Генераль Фроссаръ, любимецъ императора, единственнымъ извѣстнымъ правомъ котораго было то, что онъ состоялъ гувернеромъ при императорскомъ принцѣ, получаетъ главное начальство надъ корпусомъ арміи. Онъ открываетъ кампанію представленіемъ à la Франконн въ Саарбрюкенѣ, которое влечетъ за собою репрессалии Вейсенбурга, этотъ первый актъ кровавой драмы, въ которую вовлечена Франція.

Вскорѣ слѣдуетъ Вёртъ: здѣсь арміей командовалъ Байярдъ, но недоставало главнокомандующаго. Храбраго маршала Макъ-Магона предупреждаютъ о недостаточномъ числѣ его войскъ, но не смотря на то онъ атакуетъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что де Фальи **) своимъ бездѣйствіемъ мало способствовалъ этому поражению. Это было хуже, чѣмъ поражение, потому что явная для всѣхъ слабость въ командованіи, вслѣдствіе неспособности начальниковъ, пораждаетъ обыкновенно заразительную деморализацію солдата. Не только послѣдній,

---

*) Главные иностранные органы выразили его, именно Times и пр.

**) Онъ былъ главнокомандующимъ 5-го корпуса. Вотъ еще человѣкъ, принесшій не мало несчастій Франціи: при Вёртѣ, гдѣ онъ слышалъ громъ пушекъ и не пошелъ на этотъ недвусмысленный сигналъ, и при Седанѣ, какъ читатель увидитъ ниже. Онъ не имѣлъ другихъ правъ на такой высокой постъ, кромѣ неприличной шутовской выходки «Шаспо дѣлають чудеса».

теряя вѣру, чувствуетъ упадокъ своего духа, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ непріятелѣ увеличивается довѣріе къ своимъ силамъ, этотъ могущественный рычагъ побѣды. Даже невоенный наблюдатель можетъ предвидѣть бѣдствія, заключающіяся въ логикѣ положенія, вслѣдствіе *нелогичности* императора, его штаба, вслѣдствіе непредусмотрительности во всѣхъ отрасляхъ, составляющихъ тотъ ансамбль, въ которомъ отличался Наполеонъ I. Традиціи, которыя хранили: реставрація съ Сень-Сирами, Беллюнами; іюльское правительство съ Сультами, Клозелями, Бюжо; республика 1848 года подъ мощной рукою Ламорисьеровъ, Шангарнье, этотъ порядокъ въ интендантствѣ и расходахъ арміи, — что сдѣлалъ изъ нихъ Наполеонъ III, освобожденный отъ контроля? — Пустую похвальбу, звучныя слова: побѣды первой имперіи, напоминаемая при всякомъ случаѣ, шовинизмъ, дошедшій до боготворенія имени Бонапарта — вотъ что оставалось странѣ, которая имѣла самый огромный военный бюджетъ въ Европѣ. Императоръ игралъ въ солдатики и портилъ жизненные силы истинной военной организаціи; у него всегда были на устахъ трофеи и символы славы, и фаворитизмъ его прихотей вмѣшивался въ такіе выборы, гдѣ одни лишь дарованія могутъ обезопасить націю и государя. Это рокъ: громадная власть налагаетъ руку на все, чтобы разрушать, ничего не основывая; это какая-то мономанія, злоумышляющая противъ коллективнаго дѣла вѣковъ и опыта.

Крикъ осужденія раздастся со всѣхъ сторонъ. Каждый видитъ опасность. Тщетно льстятъ себя надеждою, что если Базенъ не въ силахъ поднять славу нашего оружія, то по крайней мѣрѣ, онъ сдержитъ силы принца Фридриха-Карла; но тщетно импровизируютъ новыя арміи,

которыя поспѣшно устремляются къ границѣ. — Вотъ орудіе, оно находится въ наилучшихъ условіяхъ, къ нему присоединена превосходная артиллерія. Но духъ, который одушевляетъ, руководить матеріей въ этомъ распоряженіи людьми, это — командованіе. Великіе полководцы создаютъ хорошихъ солдатъ, хорошіе же солдаты, безъ общаго направленія, будутъ совершать подвиги, но будутъ храбрыми только въ пораженіи. Этотъ-то рокъ тяготѣетъ надъ условіями нынѣшней войны; героизмъ, доведенный до изступленія, не только не отвратитъ его, но сдѣлаетъ еще неизбѣжнѣе. Механика уничтожаетъ человѣка, котораго она принуждаетъ служить себѣ: артиллерія и тактика уничтожаютъ штыкъ и порывъ, доставившіе столько успѣховъ французамъ.

Неудачи посыпались градомъ. Минута крайне важная: нужно условиться на счетъ стратегическаго плана, чтобы исправить ошибки; дѣло шло, можно сказать, о спасеніи. Были предложены два мнѣнія. Первое состояло въ томъ, чтобы соединиться съ 110,000 человѣкъ, сформированными въ шалонскомъ лагерѣ, съ маршаломъ Базеномъ, освободить его между Метцомъ и Монмеди, гдѣ были *сосредоточены* милліонъ восемьсотъ тысячъ всякаго рода рационовъ. Это соединеніе обѣихъ армій составило бы массу въ 290,000 человѣкъ, которые судя по бодрому, твердому виду Базена, до его измѣны, должны были обратить въ бѣгство армию принца Фридриха-Карла и генерала Штейнмеца, собранную между Маасомъ и Шеромъ. Такимъ образомъ принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ, послѣ оттѣсненія первой арміи, очутился бы между этой массою въ 290,000 человѣкъ и линіей Марпы, его операціоннымъ базисомъ. Положеніе его становилось весьма опаснымъ, потому что позади его нахо-

дился Парижъ, уже приведенный въ оборонительное состояніе, а вокругъ непріятеля Франція.

Другой планъ жертвовалъ разомъ и Базеномъ и Мецомъ, этимъ великимъ арсеналомъ. Говорятъ, Жюль-Фавра побили бы камнями, еслибы онъ отдалъ непріятелю крѣпости, находившіяся въ *безнадежномъ* положеніи. Какъ назвали бы, великій Боже! это громадное уклоненіе отъ востока Франціи, оставленіе Меца, побѣжденнаго только голодомъ, если бы его отдали въ жертву отступленію, которое выдавало непріятелю безъ боя нашу надежнѣйшую армію и генерала, въ то время уважаемаго, но потомъ .....? Вопросъ этотъ былъ предложенъ на рѣшеніе совѣта, который рѣшилъ, что маршалъ Вальянъ двинется освобождать Мець и 200,000 отборнаго и свободнаго войска, въ немъ заключеннаго. Все сулило побѣду. Извѣстно, чѣмъ это кончилось.

Къ несчастію императоръ, хотя пассивный по наружности и по принципу, оставался при арміи, коей, по конституціи, онъ былъ главою, и исполненіе этого плана было поручено Макъ-Магону. Нужно быть справедливымъ; какъ во времена Бенедека, общественное мнѣніе, легко заблуждающееся, и печать, которая имѣетъ необдуманная пристрастія и составляетъ репутаціи, возлагали на имя и обаяніе герцога Маджентскаго надежды, приведшія къ печальному результату.

Успѣхъ истинно популярнаго маневра, который единственно соотвѣтствовалъ національному темпераменту, горѣвшему желаніемъ идти впередъ, основывался на авансѣ въ три или четыре дня, который французская армія имѣла передъ наслѣднымъ принцемъ, готовившемся въ своемъ маршѣ на Парижъ достигнуть Эпернэ. Отъ предположеннаго соединенія зависѣла участь войны.

Положеніе Базена, котораго нельзя было парализовать въ жестокихъ уронахъ, которыя онъ имѣлъ возможность наносить непріятелю, сопротивленіе, оказанное Парижемъ, не позволяютъ болѣе сомнѣваться въ послѣдствіяхъ этого плана, если бы онъ былъ быстро исполненъ.

Сравненіе разстояній, пройденныхъ обѣими арміями, причемъ превосходство оказывается на сторонѣ пруссаковъ, указываетъ на первую ошибку въ исполненіи.

Можетъ быть императоръ, этотъ фантастическій генералъ, оказалъ и здѣсь свою гибельную власть и прискорбное вліяніе на Макъ-Магона? Или же нерѣшительность, неумѣлость въ тактикѣ не поддержали стратегіи? Какъ бы то ни было, вотъ другія второстепенныя ошибки: французы не разрушали мостовъ, облегчающихъ непріятелю переходъ и движеніе впередъ. Хуже того: Макъ-Магонъ сворачиваетъ съ прямой дороги и позволяетъ прижать себя къ крайней границѣ. Это не былъ топографическій путь, таково не могло быть направленіе плана. Здравый смыслъ указываетъ, что нужно было двинуться на Мець, черезъ Верденъ, подъ защитой этого укрѣпленнаго города.

Но для стратегическаго маневра, ясность и простота котораго бросаются въ глаза, существовало элементарное условіе. Нужно было сохранить посредствомъ быстрого марша по настоящему пути выгоду въ разстояніи надъ наслѣднымъ принцемъ, который въ своемъ безвременномъ желаніи приблизиться къ Парижу зашелъ слишкомъ далеко впередъ. Это было съ его стороны ошибкой, которую Макъ-Магонъ долженъ былъ заставить его искупить. *За быстрыми побѣда*, говоритъ пословица. Мар-

щаль не подумалъ объ этомъ. Удача зависѣла отъ быстрого исполненія марша изъ Шалона на Мецъ, черезъ Верденъ и Брїей. Фридрихъ-Вильгельмъ слишкомъ отклонился въ сторону, чтобы прибыть во время. Дожди, застигшіе его на вязкой почвѣ, прибавили замедленіе въ 24 часа къ 60 часамъ, на которые онъ былъ опереженъ. Ему пришлось, какъ Блюхеру при Ватерлоо, навесты-вать усиліями солдатъ. Наслѣдный принцъ, искусный противникъ, даже великій полководецъ, оправившись отъ своей иллюзіи, прибавляетъ скорости и всѣ его колонны устремляются фронтомъ на фланговое движеніе нашей арміи.

Несчастливая Вёртская звѣзда обнаруживается въ новой ошибкѣ де-Фальи, стоявшаго во главѣ 5-го корпуса. Неосторожный и непредусмотрительный, хотя и высококомѣрный на словахъ, далеко, однако, расходящихся съ дѣломъ, онъ далъ захватить себя врасплохъ внезапнымъ прибытіемъ принца прусскаго, смѣлость котораго въ быстротѣ достаточно извѣстна, чтобы противникъ его былъ бдителенъ. Вслѣдствіе этого произошло совершенное разстройство въ 5-мъ корпусѣ (де-Фальи), которое подѣйствовало на всю армію.

Кромѣ того генераль Винуа составлялъ арьергардъ въ 22,000 человѣкъ, который онъ могъ увеличить 10,000 человѣкъ дивизіи Экзеа въ Реймсъ, составлявшій часть этого корпуса или всего въ 32,000 человѣкъ. Всѣ эти расчеты, распорядженія были связаны съ маршемъ на Верденъ.

Но это еще не все: когда медленности атакующаго движенія соотвѣтствуетъ быстрое движеніе непріятеля, которому приходится преодолевать разстояніе, не разрушаютъ даже мостовъ. Непріятель нашелъ въ этомъ про-

махъ неожиданное облегченіе, выигравъ время, этотъ капиталъ, который будучи употребленъ съ пользою, такъ много содѣйствуетъ успѣху.

Есть одна ошибка, которая со стороны военнаго челоѣка объясняется только сумятицей, уклоненіями, затрудненіями, которыя возбудило присутствіе императора: Макъ-Магонъ оставляетъ высоты д'Илли, господствующія надъ Седаномъ. Каждый, кто прослѣдитъ, изучить топографію поля битвы, на которое императоръ завлекъ Макъ-Магона, убѣдится, что это поле предсказывало поражение.

Въ самомъ дѣлѣ есть пункты, занятіе которыхъ, если и не обезпечиваетъ безусловно побѣды, то по крайней мѣрѣ подготавливаетъ и облегчаетъ ее. Таковы были при Ватерлоо фермы Haie-Sainte и Hougoumont. Онѣ составляли наклонности плана битвы Веллингтона, центромъ котораго былъ Mont-Saint-Jean.

Макъ-Магонъ покинулъ кульминаціонный пунктъ, господствующій надъ равниной и склонами, сдѣлавшись могилой такого множества храбрыхъ, особенно той удивительной морской пѣхоты, славную могилу которой мы лично видѣли; словомъ, Седанъ, подъ огнемъ подобной позиціи, могъ превратиться въ груды развалинъ и челоѣческихъ труповъ: если сосредоточить на этомъ пунктѣ страшную артиллерію, то она можетъ уничтожить городъ, населеніе, армію. Это и случилось. Тогда оставалось только испустить Брутовъ крикъ отчаянія. Этотъ крикъ падаетъ анаэмой, эхо которой будетъ отдаваться до самаго отдаленнаго потомства.

Если исторія не представляетъ примѣра подобной капитуляціи, то она не можетъ также представить паралели предпріятію, мишенью которому служитъ Парижъ

съ окружностью почти въ 50 верстѣ. Нѣтъ, осада Іерусалима Титомъ покажется, сравнительно, лилипутскимъ предпріятіемъ.

Вотъ очеркъ, снятый на мѣстѣ *) и послѣ самыхъ мелочныхъ свѣдѣній, доставленныхъ дѣйствующими лицами и свидѣтелями. Исторія выяснитъ роль и отвѣтственность каждаго. Маршалъ Макъ-Магонъ можетъ быть уподобленъ Баярду, Мюрату; но повидимому, ему не только чуждо искусство расчетовъ и комбинацій школы Тюрення, Конде, Наполеона, но и своей нерѣшительностью онъ сдѣлалъ неудачнымъ планъ, котораго былъ неумѣлой рукою. Міръ узнаетъ лишній разъ, что самое гордое мужество, безъ военной науки, безъ точности движеній, обнаруживаетъ храбрыхъ, умѣющихъ умирать, но не даетъ побѣды.

Имперія наступила, какъ извѣстно, въ 1852 году. Какою необыкновенной рядъ событій представляется міру! Неслыханное движеніе произведено этимъ воскресеніемъ, которое воздвигаетъ передъ старой Европой духа-искусителя Франціи, въ ужасѣ, который, заставивъ ее лишиться ума, отнимаетъ у нея предусмотрительность, позволяетъ похитить у нея, въ замѣнъ тѣни имени, жизнь и

---

*) Проектъ соединенія былъ поданъ военнымъ министромъ, котораго его исключительное положеніе, какъ главы кабинета, удерживало въ Парижѣ. Роль его тамъ ограничивалась вербованіемъ солдатъ и снабженіемъ войскъ оружіемъ. Участъ войны вѣроятно бы измѣнилась, если бы необъяснимая медленность марша Макъ-Магона не разстроила исполненія плана. Авторъ плана, если бы онъ могъ исполнить его самъ, не могъ бы опровергнуть его дѣйствительности въ примѣненіи. Седанъ могъ послужитъ только могилой; это не было, конечно, поле битвы, на которое указывала топографія, потому что ему не слѣдовало быть даже убѣжищемъ. Онъ сдѣлался капканомъ для 90,000 человекъ.

силу, которая могла дать ей только конституціонная система. Она оставляетъ дѣйствительность ради химеръ, потому что ее держать въ чадѣ воспоминаній о битвахъ, напоминавшихъ иное время и требовавшихъ другихъ людей. Въ Азіи, въ Африки, въ Америкѣ событія слѣдуютъ одно за другимъ. Не проходитъ ни одного дня безъ волненій, безъ неожиданностей. Государи вынуждены къ самой напряженной дѣятельности. Волненіе, принесенное имперіей, электризуетъ сцену, не оставляя покоя и антракту.

Системы, проекты преобразованій, поочередно осуществляемые и покидаемые и порождающіе споры, въ которыхъ всѣ обсуждаемыя права колеблются, — затѣмъ войны, присоединенія, революціи, изгоняющія династіи, — великія аггломерациі, возведенныя въ принципъ, возвышающіяся на развалинахъ трактатовъ и дающія предвидѣть въ глубинѣ картины другія поля битвы, — самыя гигантскія арміи и эндемическая манія къ орудіямъ самой страшной разрушительности, — анархія интересовъ, раздирающихъ другъ друга въ самыхъ противорѣчивыхъ теоріяхъ: такъ, безграничная конкуренція, восхваляемая одними, постепенное покровительство, требуемое другими, — миссіонеры шпаги и честолюбія открытій, снѣшащія на поля Китая, Абиссиніи и къ отдаленнымъ источникамъ богатствъ Калифорніи и Австраліи, — пропаганда пара, уничтожающая пространства, изумляющая варваровъ, — знамя Франціи, прокладывающее путь трансатлантической имперіи, наперекоръ предвѣщаніямъ истинныхъ государственныхъ людей, и отъ которой вскорѣ остается только саванъ героя-мученика, сверженнаго императора старинной династіи, который оказывается ея достойнымъ, умирая монархомъ съ улыбкой на устахъ, подъ пулями Кве-

ретаро, — эмиграція старої Европы, составляющая «исходъ» Ирландіи, эти вереницы странниковъ разныхъ націй, влекомыхъ бѣдностью къ берегамъ новаго свѣта, котораго Шатобріанъ видѣлъ поэтическія степи, превращенныя нынѣ въ богатые города могущественной республики, — всѣ задачи безкомпасной политики, поставленныя императоромъ, вызывавшимъ недоувѣріе Европы, которое изолируетъ Францію въ ту минуту, когда глава ея замышляетъ, организуетъ войну, — битвы, превосходящія своими размѣрами и послѣдствіями все, что исторія представляетъ самаго достопамятнаго, — Седанъ, осада Парижа, опустошенія, грабежи, смерть, пожары, сопровождающіе нашествіе, — самыя плодородныя и самыя богатыя страны, ни въ чемъ неповинныя, подвергнуты дренажу реквизицій и даже конечному разрушенію, — голодъ, показывающійся на горизонтѣ, гдѣ г. Бисмаркъ зловѣщимъ перстомъ указываетъ его часъ и провозглашаетъ его законность, — наконецъ демонъ войны, возбуждающій двѣ рассы къ взаимному истребленію, — такое множество жертвъ, такое неслыханное потрясеніе, переворотъ, еще болѣе изумительный и болѣе обширный въ своихъ моральныхъ дѣйствіяхъ, чѣмъ въ своихъ матеріальныхъ разрушеніяхъ, — вотъ что ознаменовало и чѣмъ разрѣшалось существованіе второй имперіи! Какая сложность! Какая драма! Какая будущность! Но за то и какія искупленія! Небесное правосудіе не оставляетъ безъ кары ни одного безумнаго честолюбія, ни одного преступника!

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Біографическія свѣдѣнія	1
II. Страсбургскій заговоръ	29
III. Булонская высадка	78
IV. Судъ Пэровъ	104
V. Остальные члены наполеоновской партіи	147
VI. Судебный процессъ	155
VII. Сочиненія Лудовика Бонапарта.	189
VIII. Принцъ Лудовикъ Бонапартъ какъ депутатъ и какъ президентъ республики	258
IX. Переворотъ 2 декабря и имперія	274
X. Послѣднія дѣянія Наполеона III.	293
XI. Извлеченіе изъ брошюры Альфреда де-ла-Героньера L'Homme de Sedan	299

